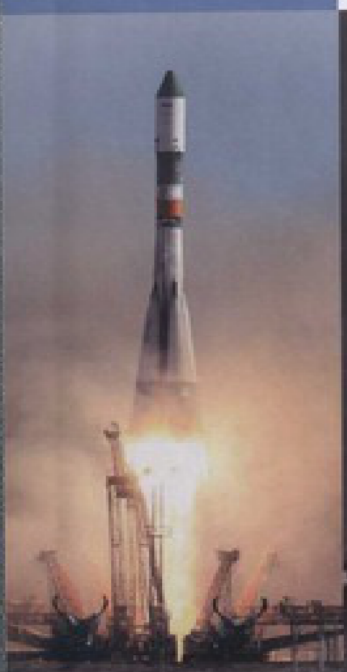
НЕСТЕРЕНКО



Григорий Сухина
Владимир Ивкин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Одним из выдающихся достижений России в XX веке стало создание ракетной техники, позволившей нашей стране надежно защитить свою безопасность и совершить эпохальный прорыв в космос. Имена ученых, инженеров, организаторов производства, трудившихся над осуществлением ракетного проекта, лишь недавно стали известны после снятия с них режима секретности. Среди них и герой этой книги — генерал-лейтенант Алексей Иванович Нестеренко (1908–1995). Опытный артиллерист, участник Великой Отечественной войны, впервые применивший в бою знаменитые «катюши», в 1955 году стал строителем полигона Байконур, руководил пуском первой советской баллистической ракеты и первого в мире искусственного спутника Земли. Биографию А. И. Нестеренко, неотделимую от истории созданного им космодрома, написали исследователи ракетной техники Г. Сухина и В. Ивкин.

знак информационной продукции 16 +

- Г. Сухина и В. Ивкин
  - СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. НЕСТЕРЕНКО
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1

Г. Сухина и В. Ивкин Нестеренко

Мы верили тогда, что дети и внуки будут нам благодарны, ни минуты не сомневались, что они воздадут нам по заслугам за наш труд на благо Родины. Знали — когда состаримся, будем немощными, благодарные дети не дадут нас в обиду, защитят, обеспечат достойную жизнь.

А. И. Нестеренко

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга посвящена генерал-лейтенанту Алексею Ивановичу Нестеренко, незаурядному человеку, который внес значительный вклад в становление, укрепление и развитие Ракетных войск стратегического назначения.

Алексей Иванович — участник трех войн: он командовал взводом гаубичной батареи в 1929 году во время конфликта на КВЖД; был командиром полка в 1939–1940 годах во время финской войны; прошел всю Великую Отечественную войну от первого до последнего дня. В 1941 году сформировал один из первых полков прославленных «катюш». С мая 1942 года и до конца войны командовал минометными частями на Южном фронте, в составе Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта, на Брянском, 2-м Прибалтийском и Ленинградском фронтах. Имел два ранения и контузию. После войны А. И. Нестеренко был первым начальником Научно-исследовательского института № 4 Минобороны, первым начальником космодрома Байконур, членом НТК Генерального штаба ВС СССР.

Безупречной службе в Вооруженных силах он отдал 41 год жизни.

За исследования по высотной ракете и «высотному зонду», закончившиеся эскизным проектом системы для отработки приземления людей и животных в кабине спускаемого аппарата, А. И. Нестеренко был удостоен звания лауреата Сталинской премии. Он награжден также двумя памятными медалями Президиума Академии наук СССР.

В историю ракетных и космических войск он вошел как первый начальник космодрома Байконур, который в жизни нашей Родины занимает особое место. Байконур — это не только точка на карте, не просто часть истории и нашего государства. Это звездный час страны, одержавшей великую победу в освоении космического пространства. Но даже сегодня, когда со многих событий и документов снят покров секретности, мы еще мало знаем о первопроходцах строительства Байконура. А ведь всё было построено на абсолютно пустом месте, в неимоверно тяжелых условиях и в невероятно короткие сроки. Здесь впервые в мире был осуществлен запуск искусственного спутника Земли, впервые стартовал в космос человек, были сделаны первые шаги в исследовании Луны, Венеры, Марса, создана база для развития и становления ракетно-ядерного щита Родины.

Известный искусствовед, литературный и театральный критик В. В. Стасов писал: «Я твердо убежден, что от самого маленького человека и до самого большого — от какого-нибудь мостовщика и трубочиста до наших великих богов Байрона, Шекспира или Бетховена, — все счастливы и спокойны, когда могут сказать себе: “Я сделал то, что мог”. Все остальное в жизни ничто». Эти слова мы в полной мере можем отнести и к Алексею Ивановичу Нестеренко.

Внимательный читатель найдет в этой книге много интересных фактов об истории создания ракетно-ядерного оружия в нашей стране, о роли малоизвестных «секретных» творцов оружия сдерживания. При этом очень важно, что авторы приводят большое количество ранее закрытых архивных документов. Без сомнения, эта книга будет полезна не только специалистам, но и всем, кто захочет больше узнать об одной из героических страниц истории XX века — ракетно-космическом подвиге советского народа.

Командующий Ракетными войсками стратегического назначения в 2001–2009 годах генерал-полковник Н. Е. Соловцов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга о Нестеренко была задумана нами уже давно. Ее написание облегчало то, что Алексей Иванович оставил после себя автобиографическую книгу о войне «Огонь ведут “Катюши”». Воспоминания Нестеренко о его послевоенной деятельности опубликованы в книгах «Глазами очевидцев» (вып. 1, 1991) и «Начало космической эры» (1994), в газете «Неделя» и других изданиях. Одна из статей, которая хранится в архиве ракетных и космических войск и носит название «Так начинался космодром», повествует об участии Нестеренко в строительстве Байконура в первые, самые сложные годы осуществления советской космической программы.

В этот космодром Алексей Иванович вложил часть своей души. Его вклад в создание Байконура велик и незабываем. О первых годах НИИП-5 МО написано много. Остались еще люди, которые хорошо помнят генерала Нестеренко. Во всех без исключения воспоминаниях о нем говорится много хорошего, отмечаются его заслуги и достоинства как компетентного командира и душевного человека. Хотя, безусловно, были и моменты, когда ему приходилось быть строгим, возмущаться неблаговидными поступками и упущениями отдельных подчиненных, пресекать злоупотребления.

Вполне логично, что город Ленинск (ныне Байконур) удостоил его звания почетного гражданина. В книге «Незабываемый Байконур» генерал-полковник К. В. Герчик называет Нестеренко любимцем байконурцев.

В момент наивысшего расцвета, в конце 1980-х годов, на Байконуре проживало более семидесяти двух тысяч человек. В городе имелось шесть гостиниц, три общежития, 13 общеобразовательных школ, из них пять — с обучением на казахском языке, девять детских дошкольных учреждений, филиал Московского авиационного института «Восход», электрорадиотехнический техникум, медицинское училище, ПТУ, семь библиотек, военный госпиталь на 1600 мест, туберкулезный диспансер на 50 коек, городская больница на 360 коек, две поликлиники (для гражданского населения — на 470 и детская — на 480 посещений в день), спортивно-оздоровительные и культурные объекты, развитая сфера обслуживания, торговли и социального обеспечения.

Инфраструктура города включает в себя 365 жилых домов, 209 километров водопроводных сетей, 187,5 километра тепловых сетей, теплоэлектроцентраль, систему энергоснабжения объектов

с протяженностью кабельных линий электропередачи 209 километров и 113 подстанций, газовое хозяйство в составе 210 подземных резервуаров и 140 километров газопроводов, 175 километров инженерных коммуникаций, 450 километров железных дорог, 1200 километров автомобильных дорог, городское дорожное хозяйство с общей протяженностью городских дорог 35 километров, тротуаров — 55 километров, около 50 стартовых сооружений. Имеется два аэродрома, один из которых — «Юбилейный» — способен принимать транспортные самолеты любого класса.

Байконур — первый космодром мира, главный космодром России. За его историю здесь были запущены и испытаны 45 основных типов ракет и их модификаций (из них 34 типа автоматических межпланетных станций и их модификаций), около 20 основных типов стартовых сооружений, более 110 типов наземных станций, систем и комплексов измерений.

До 2000 года на Байконуре было выполнено более 2600 научно-исследовательских работ, подано около 21 тысячи рационализаторских предложений, около 1500 изобретений, защищены три докторские и около 200 кандидатских диссертаций. Байконур посещали все руководители страны, все министры обороны и многие другие министры страны, иностранные делегации.

Байконур является единственным космодромом нашей страны, где техническое оснащение позволяет выводить на орбиты искусственные спутники Земли с массой более 10 тонн ракетами-носителями типа «Протон» и «Зенит». Только отсюда решаются задачи по запускам тяжелых космических аппаратов военного назначения.

Байконур был и остается сегодня флагманом отечественной космонавтики, где находит свое воплощение труд многотысячных коллективов конструкторских бюро и предприятий космической отрасли России.

Сотни тысяч специалистов высочайшего уровня прошли службу на космодроме, состоялись здесь как личности, получили путевку в жизнь. За заслуги в деле отработки и испытаний ракетно-космической техники коллектив космодрома трижды награжден орденами СССР: Красной Звезды (1960), Ленина (1965), Октябрьской Революции (1976).

Ракетчикам-испытателям А. И. Носову, В. А. Бокову, А. С. Кириллову, Б. В. Бакину, А. А. Макарычеву, Д. Х. Чаплыгину, А. С. Матренину, А. А. Федорову, А. А. Шумилину, В. П. Березину, Е. И. Николаеву было присвоено звание Героев Социалистического Труда. Шестидесяти двум труженикам

полигона (космодрома) присвоены почетные звания заслуженного работника науки, техники, культуры; более тридцати человек стали лауреатами Ленинской и Государственной премий.

Во всем этом немалая заслуга генерал-лейтенанта Алексея Ивановича Нестеренко, который руководил созданием полигона с нуля, на голом месте. Его заслуги достойны благодарной памяти людей, ради которой и написана эта книга.

Выражаем искреннюю благодарность начальнику музея Военной академии РВСН им. Петра Великого Валентину Ивановичу Углову, ветерану 4-го ЦНИИ Михаилу Васильевичу Штундюку и, особенно, ветерану космодрома Байконур Ярославу Викторовичу Нечесе за помощь в поиске документов; генерал-лейтенанту в отставке Виктору Михайловичу Рюмкину и невестке А. И. Нестеренко Регине Владимировне Нестеренко — за большую помощь в написании этой книги. Авторы также активно использовали материалы книги ветерана космодрома полковника в отставке В. В. Порошкова «Ракетно-космический подвиг Байконура», в которой приводится огромный фактический материал об основных этапах строительства полигона, в том числе и в первые самые трудные годы.

Глава первая
ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Алексей Иванович Нестеренко родился в марте 1908 года на хуторе Рыбушка Ершовского района Саратовской области (ныне Рудненский район Волгоградской области) в многодетной семье обыкновенных хлеборобов, деревенских тружеников. Именно такие семьи во все века давали нашему государству выдающихся ученых и военачальников, строителей, художников и писателей, актеров, спортсменов.

Семья Нестеренко дала стране пять офицеров, из них четырех ракетчиков.

Самый дальний предок, о котором дошли скудные сведения, — это прадед Алексея Ивановича Григорий Васильевич Нестеренко, выходец из крепостных крестьян Полтавщины. По рассказам родственников, он был крупным мужчиной, носил большую кудрявую бороду, обладал незаурядной силой, любил бороться с мужиками, особенно когда выпьет, а выпивать он тоже любил. Был женат на украинке Анне Карповне, смуглой, похожей на цыганку. Более подробных сведений о прабабушке не сохранилось.

У Григория Васильевича и Анны Карповны было четыре сына — Сергей (дедушка Алексея Ивановича), Семен, Андрей, Павел, и три дочери — Мария, Елизавета и Анна. Сыновья были крепкими, кряжистыми и цепкими мужиками, горячими и выносливыми в работе. Все они владели плотничьим и шорным ремеслом.

В те далекие времена лучшие земли на Полтавщине, как и на всей Украине, принадлежали помещикам, монастырям, церквям. После реформы 1861 года многие бывшие крепостные переселились в поисках свободных земель на восток, в приволжские степи. В эти годы Григорий Васильевич со своей многочисленной семьей перекочевал в Саратовскую губернию, Камышинский уезд, село Большая Рыбушка.

Дед Сергей был женат на девушке из бедной крестьянской семьи Евдокии Константиновне — физически сильной дородной украинке. Эта женщина действительно могла остановить коня на скаку и войти в горящую избу. У нее хватало сил не только для работы, но и для внимания, заботы и ласки к своим многочисленным детям и внукам.

У Сергея Григорьевича и Евдокии Константиновны родилось 18 детей. Из них восемь похоронили, а десятерых вырастили. Это были пять сыновей — Филипп, Герасим, Иван (отец Алексея),

Андрей и Григорий, и пять дочерей — Марина, Ольга, Мария, Елизавета и Прасковья.

Семья всегда переживала большую нужду и постоянно росла. Мужикам некуда было приложить силу — земли было мало. Чтобы выжить и вырастить или, как говорят на Руси, «поставить на ноги» детей, нужно было искать новое место для жилья. И тут, в 1912 году, подоспел царский указ о заселении Сибири. Семья всем составом, со скотиной, телегами, скарбом подалась на новое место. Правительство выделило теплушку, погрузились и поехали.

Остановились в селе Шевели, что под Щегловском (ныне город Кемерово). Местный сход мужиков выделил им землю. Начали пахать, сеять, шорничать, плотничать, заниматься кузнечным делом, выделывать шкуры, шить шубы, сапоги. Нельзя сказать, что на новом месте «сыпалась манна с небес». Земля была хорошей, зато климат суровый, крутой. Нередко скупого летнего тепла не хватало для вызревания урожая.

В то время в Кузбассе началась добыча угля и железных руд, стали строиться заводы. Отец Алексея, Иван Сергеевич, пошел в рабочие. Был он выше среднего роста, плотного телосложения, с крупными чертами лица, темно-серыми глазами и густой темной шевелюрой. Обучался разным ремеслам, но особенно его увлекало кузнечное и слесарное дело. От природы был одаренным человеком с математическим складом ума. Обладал хорошей памятью и быстрой реакцией, практическим умом, сноровкой и железной логикой.

В 1930 году (в это время Алексей Иванович уже служил в Томске) по случаю перевода Ивана Сергеевича на службу по разработке серных рудников семья переехала в город Ашхабад, где отец в 1943 году умер от кровоизлияния в мозг.

Мать Алексея, Пелагея Осиповна, родилась в 1889 году. Она была доброй, внимательной, ласковой женщиной, безропотно обслуживавшей всю большую семью. Обладала хорошим голосом, охотно пела в компании женщин в поле и в праздники с гостями. Умела печь хороший, душистый и вкусный хлеб — паляницу. Варила прекрасный украинский борщ. Еда всем нравилась, поэтому Пелагея Осиповна была в семье главным поваром и пекарем.

Она была неграмотной, однако вся семья удивлялась ее способности рисовать. Она часто рисовала детям лошадок, коров, собачек, петухов. В летнее время лепила из глины игрушки-свистульки. Во времена, когда у детей не было ни книг, ни хороших игрушек, поделки, созданные Пелагеей Осиповной, пользовались спросом по всей округе.

Она умерла в 1950 году, когда жила в семье Алексея Ивановича.

Хотя родители Алексея Нестеренко были неграмотны, их дети почти все получили высшее образование. Сыновья Алексей, Константин, Михаил, Владимир, Виктор стали офицерами, участвовали в Великой Отечественной войне.

После революции, в 1918 году, Алексей поступил учиться и в 1925 году окончил семь классов средней школы второй ступени в городе Кемерово. Учился хорошо, был очень старательным — с малых лет привык работать в хозяйстве отца. Его детской и юношеской мечтой было стать художником. Как только в руки Алексея попадал карандаш или кусочек угля, он находил бумагу и рисовал все, что видел и воображал. Конечно, ему надо было учиться живописи. Но не довелось Алексею стать профессиональным художником. Свою мечту он реализует значительно позднее, лишь уйдя в запас из военной службы. Будет учиться в художественной студии им. М. Б. Грекова, оставит после себя несколько полотен. Вообще их семья была очень талантливой по части живописи. Младший брат Виктор в Ашхабаде окончил среднюю школу и в 1942 году художественный техникум, после чего короткое время работал художником при республиканском Доме учителя. Занимался живописью, рисовал картины на морскую тематику. Увлекался живописью и брат Константин. Что интересно: в последующих поколениях семьи Нестеренко тоже были художники.

В 1924 году Алексей Иванович вступил в комсомол. В те годы комсомол играл выдающуюся роль в подготовке командных кадров для армии. Профессия красного командира стала для молодежи одной из самых почетных и увлекательных. В 1925 году комсомольская организация отправила Нестеренко на учебу в Красноярскую артиллерийскую школу.

В горкоме комсомола Алексей заявил, что хочет стать художником, что об этом он мечтает с раннего детства. Ему резонно возразили: «Мы не знаем, получится из тебя художник или нет. Но что мы твердо знаем — это то, что ты можешь стать неплохим краскомом. Физически хорошо развит, крепкий, неплохо окончил школу. Поэтому подумай немного и отправляйся в Кузнецкий окружком комсомола, там тебе дадут направление на учебу».

Ратная служба во все времена считалась делом хотя и нелегким, но почетным и славным. В 1920-е годы человек в военной форме был окружен заботой и любовью народа. Красный командир олицетворял собой в глазах людей благородство, достоинство, мужество. Для мальчишек военный был кумиром.

Поэтому Алексей не сильно сопротивлялся наказу комсомола. Полгода назад курсанты Красноярской артиллерийской школы проходили через Кемерово, останавливались в городе на привал. Для горожан устроили показ действий боевых расчетов орудий, верховой езды, разных военных приемов. Так что многие юноши с удовольствием выбирали для себя военную стезю.

В то время боевая роль танков и самолетов была еще не так велика и артиллерия, безусловно, считалась «богом войны». Артиллеристы были элитой армии — еще и потому, что их специальность требовала вдумчивого изучения математики и механики. Красноярская артиллерийская школа была одной из многих военных школ, открытых после Гражданской войны для подготовки командных кадров РККА. Алексей начал учебу в сентябре 1925 года, а в следующем году школу объединили с другими артиллерийскими школами Сибири и перевели в Томск. Там Нестеренко не только постиг основы артиллерийской науки, но и воспитал в себе те человеческие качества, которые отмечали все, кто его знал, — честность, ответственность, верность своему долгу.

Глава вторая
НА РАТНОЙ СЛУЖБЕ

Артиллерийскую школу Алексей окончил в 1929 году. По выпуску из Томской школы командовал огневым взводом гаубичной батареи 21-го артиллерийского полка в городе Томске (Сибирский военный округ).

В этой должности он участвовал с полком в конфликте на КВЖД в 1929 году. Китайско-Восточная железная дорога, проложенная русскими инженерами в начале XX века в Маньчжурии, находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 1920-е годы гоминьдановский режим при поддержке западных держав начал враждебные действия против нашей страны. Летом 1929 года железная дорога вместе с ее обширной инфраструктурой была захвачена китайцами, а работавшие там советские граждане арестованы. Когда попытки решить конфликт мирным путем не привели к успеху, в октябре советские войска начали операцию по освобождению дороги. Их численность не превышала семнадцати тысяч, а китайских солдат было более 100 тысяч, однако китайцы были разбиты и запросили мира. В декабре в Хабаровске был подписан протокол, восстановивший права СССР по управлению железной дорогой. Комвзвода Нестеренко принял участие в боях у городов Маньчжурия и Чжалайнор (Далайнор), где обеспечивал артподготовку наступления и отражения контратак китайской конницы и пехоты огнем прямой наводкой. Водил в атаку в конном строю группу разведчиков, численно превосходящую группу китайской конницы.

Алексей Иванович вспоминал: «Осенью 1929 года участвовал в боях на КВЖД в должности командира огневого взвода 3-й гаубичной батареи. Бои проходили под Маньчжурией и Далайнором. Это было первое мое боевое крещение. В боях я почувствовал мощь и действенность огня своей батареи. Приходилось вести огонь не только с закрытых позиций, но и дважды прямой наводкой картечью, отражая контратаки противника. Я был горд, что служу в таком грозном роде войск, каким является артиллерия. 20 ноября в районе Абагатуйского разъезда пришлось вступить в рукопашную схватку в конном строю с белокитайской конницей. Эти эпизоды послужили серьезным уроком и экзаменом в бою. За эти бои приказом командующего ОКВД тов. Блюхера был награжден ценным подарком и памятным значком КВЖД».

В 1930 году Нестеренко служил командиром взвода полковой школы, командиром топографического отряда полка. В 1931 году был назначен курсовым командиром Томской артиллерийской школы с присвоением внеочередного звания и служил там в должностях командира мензульного и теодолитного взвода топографической батареи (в 1932 году он поступил на курсы низшей геодезии при Томском университете, где учился без отрыва от службы, и успешно окончил эти курсы в следующем году), первым помощником начальника штаба дивизиона, командиром батареи до поступления в 1936 году в академию.

Военной службе помогали хорошая физическая форма, занятия разными видами спорта. Нестеренко был чемпионом Сибирского округа 1934 и 1935 годов по военному многоборью. Он писал: «Для меня лыжи — родная стихия. Еще в 1935 году я возглавлял тысячекилометровый пробег отряда курсантов Томского артиллерийского училища. Расстояние в 1070 километров мы прошли за 11 ходовых дней. Средний суточный переход составил 97 километров. К финишу прибыли без единого отставшего. Этот переход был отмечен приказом наркома обороны К. Е. Ворошилова».

Участники пробега тщательно отбирались. К 1 февраля 1935 года все тренировки, начиная от массовых, в которых участвовала вся школа, и, кончая 200-километровым пробегом в Анжерку, когда был отобран основной состав команды, закончились. Лыжники, включенные в группу, на тренировках к началу большого перехода уже прошли 1083 километра.

Переход оказался намного труднее, чем ожидалось. Лыжников с самого начала взяла в оборот суровая сибирская погода. Лютый мороз сменялся снежными метелями, на смену им приходила такая оттепель, что на лыжи налипали пудовые комья снега. Во время этого лыжного перехода проявились лучшие человеческие качества Алексея Ивановича. Вот только один из эпизодов: целый день группа поднималась к перевалу. Лютовал мороз. Люди шли из последних сил. Труднее всего пришлось Нестеренко — ведь ему часто приходилось прокладывать по снежной целине лыжню. Смеркалось. До населенного пункта, где намечалась ночевка, оставалось километров десять, когда сзади по цепи доложили: «Отстал курсант Кочетов». Нестеренко остановил колонну. «Кому идти на помощь товарищу?» Взгляд Алексея скользил вдоль колонны. Его самого переполняла гудящая усталость. Он представил, что то же самое испытывает каждый из тридцати шести человек, стоящих в строю. И командир сам повернулся лицом к обжигающему ветру и отправился на помощь отставшему. Он исходил из того, что был самым

подготовленным среди участников пробега. Так и всю свою жизнь Алексей Иванович брал все самое трудное на себя.

«ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

№ 54

18 марта 1935 года, г. Москва

Отряд Томской артиллерийской школы в составе 30 пеших лыжников и 8 конных лыжников со станковым пулеметом на специальной установке, с полным комплектом боеприпасов и снаряжением прошел от Томска до Новосибирска 1071 километр за 11,5 ходовых дней, имея всего две дневки.

Пробег проходил в трудных условиях. Ввиду оттепелей отряд несколько переходов шел по ночам. Несмотря на это, отряд 21 февраля блестяще финишировал в Новосибирске. Техническая и медицинская проверка на финише показала вполне бодрое состояние личного состава, исправность оружия и снаряжения, отсутствие потертостей и отставших.

Отмечая работу командования школы в организации и проведении данного пробега, начальнику Томской артиллерийской школы т. Сергееву объявляю благодарность.

НАГРАЖДАЮ:

Начальника отряда лыжников — помощника начальника штаба дивизиона т. Нестеренко — ценным подарком и месячным окладом, всех остальных участников пробега денежной наградой в размере месячного оклада каждого.

Народный комиссар Обороны Союза ССР

К. ВОРОШИЛОВ».

Ценным подарком наркома было охотничье ружье, которое так никогда и не использовалось на охоте — Алексей Иванович не любил стрелять дичь, считая это занятие пустой тратой времени.

Через две недели после лыжного перехода Нестеренко участвовал в окружных соревнованиях на дистанции 50 километров, в полном снаряжении, со стрельбой. На этой спартакиаде он установил всеармейский рекорд по бегу на лыжах на 50 километров со стрельбой (аналог современного биатлона) и стал мастером спорта СССР. Кстати, на этой же окружной спартакиаде, в гонке на 10 километров среди женщин второе место завоевала представительница Томской артиллерийской школы Екатерина Харлампиевна Нестеренко — жена Алексея

Ивановича. Ее девичья фамилия — Великопольская, они поженились в мае 1930 года, свидетельство о браке было выдано Томским окружным бюро ЗАГС.

Кроме лыж Нестеренко увлекался легкой атлетикой, конным спортом, фехтованием, планеризмом, то есть был разносторонне развитым человеком, что всегда помогало ему в преодолении тягот воинской службы. Ветераны Байконура вспоминают, как в годы командования полигоном генерал Нестеренко лично проводил утреннюю физзарядку с офицерами и солдатами в любое время года. Начиная с 1956 года, даже в тяжелейших условиях полигона, ежегодно проводились спартакиады и всевозможные спортивные соревнования.

В 1936 году Нестеренко поступил в Военную академию РККА им. М. В. Фрунзе (артиллерийское отделение), в 1939 году окончил ее досрочно в группе из 11 командиров. Перед поступлением в академию он получил первое персональное воинское звание «старший лейтенант» (24 января 1936 года) — персональные воинские звания были установлены постановлением ЦИК и СНК СССР от 28 сентября 1935 года.

В 1949 году в отделе кадров Академии артиллерийских наук в личное дело была подшита справка об аттестовании А. И. Нестеренко в 1929–1935 годах. Справка дает ценные сведения о службе Алексея Ивановича в этот период:

> «Справка об аттестовании слушателя 3-го курса основного факультета Краснознаменной и ордена Ленина Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе Нестеренко Алексея Ивановича за время с 1929 г. по 1935 г.
>
> 1929 г. Подготовлен хорошо. Дисциплинирован, трудолюбив, требователен к подчиненным. Выдержан, авторитетен. Знания передает умело. Активно участвует в общественной работе. Может быть хорошим командиром взвода Управления.
>
> 1930 г. Взвод подготовлен хорошо. Подтверждаются личные положительные качества. Работает над собой. Подлежит выдвижению на командира взвода полковой школы.
>
> 1931 г. Инициативен, решителен, дисциплинирован. Взвод подготовлен удовлетворительно. Подлежит продвижению на должность помощника командира батареи.
>
> 1932 г. Подтверждаются те же положительные командирские качества. Взвод подготовлен хорошо.

Быстро растущий командир, подготовлен хорошо. Спортсмен. Подлежит продвижению вне очереди на помощника командира батареи нормальной школы.

1933 г. Подготовлен сам хорошо. Руководил сбором вычислительных отделений школы, подготовил их хорошо. Подтверждаются положительные личные и служебные качества тов. Нестеренко. Выдвигался на должность помощника начальника штаба дивизиона в очередном порядке. Окончательный вывод — должности вполне соответствует.

1934 г. Отмечается хорошая подготовка взвода управления батареи (в школе), а также его хорошая личная подготовка и положительные командирские качества. Активен в общественной работе, умело руководит соцсоревнованием. ВЫВОД: утвердить в должности помощника начальника штаба.

1935 г. Работу по обучению и воспитанию курсантов выполнял хорошо. Отличный спортсмен, организатор и руководитель 1000 км лыжного перехода, за что награжден наркомом ценным подарком. Должности помощника начальника штаба дивизиона вполне соответствует. Может быть командиром батареи школы.

Копия верна.

Старший офицер отдела кадров академии артиллерийских наук капитан Терещенко

26 сентября 1949 г.».

После выпуска из академии, в апреле 1939 года, майор Нестеренко был назначен командиром 170-го артиллерийского полка 37-й стрелковой дивизии (дислоцировался в городе Речица Белорусского военного округа). В июле 1939 года полк был поднят по тревоге и в составе дивизии направлен на Халхин-Гол, где советские войска отражали агрессию японских милитаристов против дружественной Монголии. В связи с быстрым завершением боевых действий полк был остановлен в Омске и оставлен вместе с дивизией в составе Сибирского военного округа. Однако вскоре было принято новое решение: в декабре полк вместе со всей дивизией перевели на механическую тягу и перебросили на Карельский перешеек, где началась война с Финляндией. Под командованием майора Нестеренко артиллеристы прошли всю войну в 1939–1940 годах.

В автобиографии Алексей Иванович писал: «При взятии острова Вуоратсу наша пехота залегла, не захватив господствующего гребня острова, что привело бы к провалу

операции или потребовало бы многих дополнительных жертв. Пришлось вместе с комиссаром Вишняковым и разведкой полка поднять пехоту на штурм главных высот. Эти действия были вынужденными». За этот бой и умелое руководство полком майор А. И. Нестеренко и батальонный комиссар Н. Д. Вишняков были награждены орденами Красной Звезды.

После окончания войны с белофиннами полк дислоцировался некоторое время в Петрозаводске. В течение лета 1940 года личный состав работал на укреплении оборонительной полосы в районе Вяртсиля, занимался очисткой полей сражений от мин и других боеприпасов. Осенью полк в составе 37-й стрелковой дивизии переводится в Белорусский военный округ в район города Лепеля. В этом же году на осенних инспекторских стрельбах в Дретуне полк получил лучшую оценку среди артиллерийских частей лагерного сбора и переходящее знамя дивизии.

Приказом народного комиссара обороны от 30 апреля 1941 года А. И. Нестеренко был назначен командиром 681-го артиллерийского полка во вновь формируемую противотанковую бригаду, а приказом НКО от 6 июня 1941 года назначен начальником артиллерии 86-й стрелковой дивизии. В первых числах июня Алексей Иванович сдал командование 170-м полком, но, по просьбе командира 21-го стрелкового корпуса генерал-майора Владимира Борисовича Борисова, сопровождал свой полк в район нового места дислокации — на станцию Беняконь в районе города Лида в недавно присоединенной к СССР Западной Белоруссии.

Марш длился 12 суток. 21 июня к исходу дня полк сосредоточился в районе станции Беняконь.

Глава третья
ВОЙНА

Великую Отечественную войну майор Нестеренко встретил со своим 170-м полком. В четыре часа утра 22 июня станция Беняконь и город Лида подверглись бомбардировке немецкой авиацией. В тот же день Алексей Иванович получил приказ командира 21-го стрелкового корпуса генерала В. Б. Борисова вступить в командование артиллерией корпуса.

Уже 23 июня 170-й артиллерийский полк отражал прорыв фашистских танковых колонн у деревни Товстюны, 35 километров северо-западнее Лиды. Встречный бой был тяжелым, неравным. Полк был укомплектован не полностью, по штату мирного времени; на каждое орудие имелось всего по два номера расчета. Офицерскому составу полка, в том числе и его командиру Нестеренко, пришлось стать у орудий и действовать за наводчиков или номеров, отражая атаки немецких танков. В этом первом тяжелом бою было подбито 11 немецких танков. Но и полк понес значительные потери в людях и материальной части, остался практически без снарядов, подвоз которых со складов был в сложившейся обстановке невозможен.

Пришлось с боями отступать. Алексей Иванович в автобиографии писал: «23 июня 1941 года с полком отражал атаку немецких танков на западной границе под Белостоком в районе Эйшешенки и Радуни. В течение месяца мы вели тяжелые неравные бои, непрерывно отражали натиск превосходящих сил врага до тех пор, пока были снаряды, а затем с большими потерями отходили в район Пинских болот. В этих боях я снова убедился в силе огня артиллерии».

В июле Нестеренко прорвался с подразделениями полка из окружения к Мозырю, в полной форме, с оружием и полковым знаменем. Согласно приказу весь личный состав полка был передан во вновь формируемые в Калинковичах и Гомеле части, а Нестеренко с группой офицеров был направлен в резерв Западного фронта на станцию Мещерская, а затем под Ельню — для отбора лучших офицеров-артиллеристов. По дороге, в Москве, Алексей Иванович побывал в оперативном отделе Генштаба, для которого написал докладную записку с изложением опыта боев и своими соображениями.

В августе 1941 года в лагерях 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища им. Л. Б. Красина в Алабине под Москвой Нестеренко сформировал 4-й гвардейский

минометный полк реактивной артиллерии резерва Верховного главнокомандования в числе первых восьми формируемых полков «катюш». Полк был вооружен боевыми машинами БМ-13 на трехосном автомобиле ЗИС-6. 16 реактивных осколочно-фугасных снарядов М-13 с направляющих установки БМ-13 могли быть выпущены в течение 8–10 секунд на максимальную дальность до 8470 метров. В 4-м полку было три дивизиона по три батареи (четвертый дивизион был отправлен в Ленинград), 1414 человек личного состава (из них 137 офицеров), 36 боевых машин, 12 зенитных 37-миллиметровых пушек, 9 зенитных и 18 ручных пулеметов, а также 343 грузовые и специальные машины.

Дивизионы полка были трехбатарейного состава, по четыре 16-зарядных боевых машины в батарее. Залп дивизиона составлял 192 снаряда, а залп полка — 576 снарядов 132-миллиметрового калибра (вес взрывчатого вещества снаряда 4,9 килограмма). Все они могли быть выпущены буквально за секунды.

Что собой представляла боевая машина БМ-13 — знаменитая «катюша»?

На трехосном шасси автомобиля ЗИС-6 была установлена металлическая ферма, на которой смонтирован пакет из восьми пятиметровых стальных двутавровых балок. Для облегчения боевой установки по всей длине каждой балки были высверлены круглые отверстия. Ферма с пакетом направляющих прочно соединялась с поворотной рамой. Установка имела поворотный и подъемный механизмы простейшей конструкции, кронштейн для прицела с обычной артиллерийской панорамой, железный бак для горючего, прикрепленный сзади кабины. На задней части шасси были смонтированы два откидных домкрата. Стекла кабины закрывались броневыми откидными щитами. Против сиденья командира боевой машины на передней панели был укреплен небольшой прямоугольный ящичек с вертушкой, напоминающей диск телефонного аппарата, и рукояткой для проворачивания диска. На диске имелось 16 номеров. Это приспособление называлось пультом управления огнем, сокращенно — ПУО. От пульта шел жгут проводников к специальному аккумулятору и каждой направляющей.

При одном обороте рукоятки ПУО происходило замыкание электроцепи, срабатывал пиропатрон, помещенный в передней части ракетной камеры снаряда, воспламенялся реактивный заряд и происходил выстрел. Темп стрельбы определялся темпом вращения рукоятки ПУО. 16 снарядов на БМ-13 могли быть выпущены за 8–10 секунд.

В своей книге «Огонь ведут “Катюши” Алексей Иванович отмечал: «Наше оружие было страшно для врага. О силе его

воздействия можно судить по тем тревожным сигналам, которые фашистское командование рассылало своим войскам. Так, в приказе немецкого командования от 14 августа 1941 года говорилось: “Русские имеют автоматическую многоствольную огнеметную пушку… Выстрел производится электричеством. Во время выстрела образуется дым… При захвате таких пушек немедленно сообщать”. А вскоре появилась новая директива, озаглавленная “Русское орудие, метающее ракетообразные снаряды”. В ней говорилось, что войска доносят о применении русскими нового вида оружия, стреляющего реактивными снарядами. Из одной установки в течение 3–5 секунд может быть произведено большое количество выстрелов… О каждом появлении этих орудий надлежит доносить генералу, командующему химическими войсками при верховном командовании в тот же день».

После окончания формирования полк был немедленно отправлен своим ходом под Харьков, где поступил в оперативное подчинение командования Юго-Западного фронта. Первый залп «катюши» 4-го гвардейского минометного полка произвели 25 сентября 1941 года под воспетой Гоголем Диканькой в Полтавской области. Здесь начался боевой путь полка. Дивизионным залпом в урочище Переруб была разгромлена и бежала с поля боя группировка пехоты и кавалерии противника, изготовившаяся к атаке. В боях под Диканькой враг был задержан на 14 суток. По показаниям пленных, 101-я пехотная дивизия противника от огня 4-го гвардейского минометного полка потеряла до 30–40 процентов своего состава.

«ПРИКАЗ

Кавалерийской орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, подшефной КИМу[1] имени Пархоменко дивизии.

1 октября 1941 года м. Диканька

№ 37

На протяжении семи дней с 24.9.по 1.10. 1941 года 4-й гвардейский минометный полк участвовал в операции совместно с вверенной мне 14-й кавалерийской дивизией.

В процессе ведения боев весь личный состав полка показал исключительное умение и четкость в работе при выполнении боевых задач, личную выдержку и готовность к самопожертвованию.

Несмотря на явное превосходство противника в силах, его маневрирование на поле боя, командование

полка в лице командира 4 гмп майора Нестеренко и батальонного комиссара Радченко быстро и четко ставили полку боевые задачи, которые он с честью выполнял, искусно используя мощь нового грозного вида оружия.

Все попытки противника создать концентрацию войск и перейти в атаку срывались метким огнем гвардейцев. Противник понес большие потери. Боевые задачи были выполнены.

За исключительно четкую работу, использование всей мощи новой техники, умелое маневрирование огнем на поле боя, безотказность управления и выполнение боевых задач командиру 4-го гмп Нестеренко, комиссару 4-го гмп батальонному комиссару Радченко и всему личному составу полка объявляю благодарность.

Выражаю уверенность, что 4-й гвардейский минометный полк, действуя на любом участке фронта, будет еще больше и метче громить и уничтожать фашистские орды.

Гвардейцы! За Сталина, за Родину всегда будьте готовы дать меткий всеуничтожающий залп!

Командир 14-й кавдивизии генерал-майор Крюченкин

Комиссар 14-й кавдивизии батальонный комиссар Добрушин

Начальник штаба 14-й кавдивизии майор Шмуйло».

В 1970 году Алексей Иванович получил письмо от жителей Диканьки:

«Мы знаем, что в сентябре 1941 года Вы командовали полком “катюш” и дали первый залп из Диканьки (первые залпы на Полтавщине). Ваши бойцы называли тогда свое оружие “чудо-пушка”. Вы задержали немцев на 14 суток, уничтожили много живой силы и техники врага.

Мы, жители Диканьки, решили поставить в парке им. Гоголя памятник первым “катюшам” и хотим просить Вас, чтобы Вы прислали нам свои воспоминания. Может, у Вас есть фотографии ваших товарищей, фронтовые газеты, плакаты или какие другие материалы, связанные с первыми залпами “катюш” под гоголевской Диканькой.

Вышлите по адресу: УССР, Полтавская область, пос. Диканька, Исторический музей или Райвоенкомат. Помогите нам через Министерство обороны закупить установку “катюши”

образца 1941 года. Мы ее поставим на пьедестал и напишем фамилии воинов, которые дали залп под Диканькой. Наша молодежь, идущая служить в Советскую Армию, возле памятника “катюшам” будет получать первые уроки мужества. Когда будет построен памятник, мы Вас пригласим на открытие». Далее шла приписка: «В Диканьку летом приезжает много туристов, наших и зарубежных, они спрашивают о залпе “катюш”. В музее нет никаких материалов, а люди-то знают — это история».

В поселке Диканька в парке им. Гоголя в 1970-е годы по просьбе жителей поселка при помощи Нестеренко был установлен памятник «катюшам» его полка — реактивная установка БМ-13 на постаменте. На открытие памятника вместе с ветеранами полка был приглашен Нестеренко, которому благодарные жители присвоили звание почетного гражданина Диканьки. После войны в Диканьке неоднократно встречались ветераны 4-го гвардейского минометного полка, на эти встречи приезжали и ветераны — представители других ГМЧ.

Из воспоминаний Нестеренко: «На участке обороны 14-й кавалерийской дивизии наш полк действовал с 24 сентября по 1 октября 1941 года. В это время дивизия не только удерживала занимаемый рубеж, но и смогла продвинуться вперед своим левым флангом на 12–15 километров. Все дивизионы нашего полка включились в активные боевые действия и своими батарейными и дивизионными залпами срывали каждую попытку врага сосредоточить на каком-либо участке свои силы и перейти в наступление. Вот как сказано о боевой работе нашего полка в это время в журнале боевых действий дивизии: “…В 11.00 один дивизион 4-го гмп открыл огонь по Федоровке, где сосредоточилась конница противника. После обстрела гитлеровцы бежали, оставив Федоровку. Всего перед фронтом дивизии действовало 3–4 батальона пехоты и до 5 батарей врага. Противнику нанесены большие потери артогнем 4-го гмп. В течение всего дня в Стаси немцы хоронили убитых…”

…За время боев под Лисичанском, с 19 ноября по 2 декабря, наш полк произвел 116 батарейных залпов. Всего было выпущено 6392 снаряда. Мы принимали все меры, чтобы помочь частям 49-й кавалерийской и 320-й стрелковой дивизиям овладеть Богдановкой, Золотаревкой, Малым Рязанцевом и Мессарошем.

Мы проводили ночные огневые налеты. Выводили на открытые позиции зенитные 37-миллиметровые батареи. Они внезапно появлялись со стороны леса и открывали беглый огонь по огневым точкам врага. В то же время с закрытых позиций мы давали минометный залп по расположению минометных батарей противника в районе Богдановки. Цель была одна — уничтожить

как можно больше живой силы противника».

После Диканьки полк переброшен под Харьков в район населенного пункта Мерефа, где в одном из боев по личной инициативе Нестеренко впервые в истории гвардейских минометных частей дивизион М-13 вел огонь по вражеской колонне прямой наводкой.

Во время боев на Харьковщине комиссар полка Радченко побывал в Харьковском горкоме партии. Он решил организовать выпуск многотиражки. В горкоме на его просьбу откликнулись охотно, и комиссар получил портативное типографское оборудование, запас шрифтов и бумаги. Через несколько дней в Старобельске вышел первый номер полковой газеты «Гвардеец». Младший политрук Туманов оказался опытным и инициативным редактором, а гвардеец Щербак прекрасным наборщиком. Многотиражка освещала боевую жизнь подразделений полка, партийно-политическую работу, рассказывала об отличившихся в боях. Ракетчики читали ее с неменьшим интересом, чем любую центральную газету.

Впоследствии в «Гвардейце» была напечатана песня «Катюша», написанная самодеятельным поэтом гвардии рядовым Э. К. Талалаевским. Вот ее текст:

По-гвардейски весело и дружно
Грянем песню в сотню голосов
О своей прославленной «катюше»,
О бессмертной доблести бойцов.
В бой несется грозная «катюша»,
Чтоб скорей на скопище зверей
С беспощадной меткостью обрушить
Залпы наших смелых батарей.
Озверелым фрицам из Берлина
С поля боя не уйти живьем,
Если наша грозная машина
Прогремит и сталью и огнем.
Так затянем весело и дружно,
По-гвардейски расправляя грудь,
Нашу песню о родной «катюше»,
Что на Запад пробивает путь!

Со 2 по 18 ноября 1941 года полк своими силами проводил в Старобельске ремонт боевых и транспортных машин, накапливал боеприпасы, которые специальными эшелонами доставлялись из Москвы. Здесь отремонтировали и часть автобусов с ценностями Харьковского отделения Госбанка. Когда немного подморозило и

окрепли дороги, «денежную» колонну отправили в Ворошиловград (ныне Луганск), где все ценности сдали в Государственный банк. За это полк впоследствии получил благодарность от Верховного главнокомандующего И. В. Сталина и 12 боевых машин с именными табличками на кабинах. Эти машины прибыли в полк уже под Сталинградом. Вручили их самым отважным расчетам.

8 ноября 1941 года полк по тревоге был вызван в город Лисичанск. Немцы подошли к городу и овладели его окраиной. Полк в быстром темпе, с марша, развернулся в боевой порядок и произвел мощный внезапный залп. В результате немцы оставили окраину города и в панике отошли на 8–12 километров на всем участке.

За бои под Диканькой, Харьковом и Лисичанском Нестеренко был награжден орденом Ленина.

Из наградного листа на майора Алексея Ивановича Нестеренко, командира 4-го гвардейского минометного полка:

> «Командуя 4-м гвардейским минометным полком в короткий срок сумел так организовать и воспитать подчиненных своего полка, что в настоящее время полк может решать любые боевые задачи. Волевой, инициативный командир. В боях против фашистов под селами Диканька, Федоровка, Коломак, Ольшаны полк под руководством тов. НЕСТЕРЕНКО нанес сокрушительные удары фашистам, уничтожив до 3000 живой силы, 10–12 минометных батарей, 2-х тяжелых батарей, 100–120 автомашин, 200 повозок. Во всех этих боях т. НЕСТЕРЕНКО, рискуя жизнью, всегда был на самых опасных участках. Личным примером, отвагой, мужеством и бесстрашием воодушевлял бойцов и командиров своего полка на выполнение поставленной задачи. Обладая хорошими организаторскими способностями, тов. Нестеренко за сравнительно короткий срок добился хорошей выучки личного состава полка в овладении сложной техникой, высокой дисциплины, маневренности полка в сложных боевых условиях. Тов. НЕСТЕРЕНКО заслуживает высшей правительственной награды — ордена Ленина.
>
> Начальник группы м/ч ОГВК ЮЗФ полковник ЗУБАНОВ
>
> Член Военного совета батальонный комиссар КИСЕЛЕВ 2.11.1941».

Зимой 1941 года, в связи с подготовкой нашего

контрнаступления под Москвой, Ставка поставила перед командованием Южного фронта задачу связать силы противника и не дать ему перебросить под Москву подкрепления. В декабре 1941 года на Южном фронте была создана подвижная группа из кавалерийских частей, усиленная танками и мотопехотой. В состав группы вошел и 4-й гвардейский минометный полк под командованием майора Нестеренко.

Группа совершила 200-километровый рейд по тылам противника, участвуя в боях с фашистами, наводя панику и дезорганизацию. Особенно тяжелые и кровопролитные бои вел полк под Верхней Любовшей. Немцам был нанесен значительный урон — уничтожено свыше 300 автомашин, более 15 артиллерийских батарей. Но и полк в этих боях нес значительные потери. В декабре 1941 года в одном из боев подразделения полка остались без прикрытия. К позициям «катюш» прорвались немецкие танки и пехота противника. В этот день погибло 18 гвардейцев, но ни одна машина не попала в руки немцев, которые очень упорно охотились за таким трофеем. Этот бой и погибших гвардейцев с болью вспоминал Алексей Иванович на своем юбилее в 1978 году.

За участие в глубоком рейде по тылам противника под Касторной с 5-м кавалерийским корпусом Алексей Иванович Нестеренко был награжден орденом Красного Знамени. Из наградного листа на майора Нестеренко, командира 4-го гвардейского минометного полка:

> «Тов. НЕСТЕРЕНКО — боевой, опытный, закаленный в боях командир. В бою под Алексеевкой полк под командованием тов. НЕСТЕРЕНКО, прекрасно маневрируя, подготовил огнем минометных батарей конную атаку 31-го и 76-го кавалерийских полков и искусно в дальнейшем поддерживал эту конную атаку. Огнем батарей было уничтожено до 150 немцев, а конники окончательно разгромили немецко-фашистскую группировку, действующую в этом направлении.
>
> В ночь 14.12.1941 года под дер. Воронцово было нападение большой группы автоматчиков противника на матчасть минометного полка. Тов. НЕСТЕРЕНКО организовал весь личный состав полка, занял оборону и огнем своих автоматов уничтожил и рассеял большую группу противника.
>
> Достоин правительственной награды — ордена “КРАСНОЕ ЗНАМЯ”.
>
> Командир 14-й кавдивизии Полковник Белогорский

Военный комиссар 14-й кавдивизии старший батальонный комиссар Добрушин

17 декабря 1941 года».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1942 года 4-й гвардейский минометный полк за успешные боевые действия был награжден орденом Красного Знамени. Это был первый гвардейский минометный полк, удостоенный правительственной награды.

«СПРАВКА

О БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 4 ГМП

За период с 22.9.41 г. по 15.3.42 г.

КОМАНДИР ПОЛКА — подполковник НЕСТЕРЕНКО Алексей Иванович

КОМИССАР ПОЛКА — ст. батальонный комиссар РАДЧЕНКО Иван Никифорович.

За период боевых действий на Юго-Западном фронте с 22.9.41 г. по 15.3.42 г. полком уничтожено:

пехоты противника до 5,5 полков солдат и офицеров, конницы свыше 3 полков — до 4000 солдат и офицеров, орудий разных калибров — 50, повозок — 320, автомашин до 500, артиллерийских и минометных батарей — 25, пулеметных батарей — 2, танков и броневиков — 15.

Рассеяно и подавлено: пехоты до 3-х полков, конницы до 1 полка, артиллерийских и минометных батарей — 14.

Полк участвовал в операциях: на Коломенско-Харьковском и Лисичанском направлениях, в Елецко-Ливенской операции.

В последние месяцы полк участвовал в операциях 21-й и 38-й армии на Белгородском и Харьковском направлении.

Командир полка подполковник НЕСТЕРЕНКО А. И. за все операции награжден орденом Ленина и орденом Красное Знамя.

Комиссар полка ст. батальонный комиссар РАДЧЕНКО И. Н. награжден орденом Ленина.

В полку 86 бойцов и командиров награждены орденами и медалями.

Командующий гвардейскими минометными частями свгк

генерал-майор артиллерии Аборенков

Член военного совета Гайдуков

ПРИМЕЧАНИЕ:

Подлинный материал за подписью Военного Совета Юго-Западного фронта о представлении полка к ордену Красное Знамя находится у тов. Поскребышева».

Уже без своего первого командира А. И. Нестеренко за бои под Сталинградом полк был удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина.

В марте 1942 года приказом народного комиссара обороны Алексею Ивановичу было присвоено воинское звание «полковник».

«Боевая характеристика на командира 4 ГМП полковника НЕСТЕРЕНКО Алексея Ивановича.

Командует 4 ГМП с 13 августа 1941 года. За время командования полком показал отличные боевые качества. В трудные моменты лично управлял огнем дивизионов, проявляя мужество и бесстрашие. Смел, энергичен, выдержан. Артиллерийская и общая подготовка хорошая. Политически развит хорошо. Среди личного состава полка и частей группы пользуется большим авторитетом. Много работает над воспитанием боевых качеств у своих подчиненных.

Увлекаясь чисто боевой деятельностью, недостаточно обращает внимания на руководство работой штаба и хозаппарата полка, не учит начальника штаба и помощника по МХО (материально-хозяйственному обеспечению. — *Г. С., В. И.)* культуре и четкости штабной работы, правильной организации и сбережения войскового имущества, в результате чего полк имел крупные недочеты в работе штаба и хозяйства.

Во время боев полк показал хорошую боевую выучку и за успехи в борьбе с германским фашизмом награжден Правительством орденом “Красное Знамя”. Сам товарищ Нестеренко награжден тремя орденами, из них орденом “Ленина” и “Красное Знамя” за успешное руководство полком по уничтожению врага и проявленное мужество и отвагу в боях на Юго-Западном фронте и орденом “Красная Звезда” за бои на Финском фронте в 1939–40 г.

Должности командира полка соответствует. Может быть использован на самостоятельной работе в гвардейских минометных частях.

Начальник опергруппы гв. м/ч СВГК ЮЗФ генерал-майор артиллерии ЗУБАНОВ

Член Военного Совета бригадный комиссар ЖУКОВ
Член Военного Совета полковой комиссар КИСЕЛЕВ».

17 февраля 1942 года газета Южного фронта «Сталинское знамя» посвятила боевым успехам 4-го гвардейского минометного полка целую страницу. Статья о Нестеренко называлась «Герой, воспитавший героев». Журналисты писали: «Слава об этих боевых машинах разнеслась среди бойцов раньше, чем успел прогреметь первый залп. Когда же машины прибыли на один из участков нашего фронта и сплошным испепеляющим огнем уничтожили несколько фашистских колонн вместе с вооружением и обозами с награбленным добром, слава о новых грозных машинах стала почти легендарной. Это была живая легенда. Ее творили гвардейцы под командованием испытанного воина, опытного и бесстрашного артиллериста Алексея Нестеренко.

Бывало, после огневых налетов гвардейцев, к тов. Нестеренко приходили бойцы с необычными просьбами:

— Разрешите поступить в вашу артиллерию.

Но у Нестеренко не было недостатка в храбрых и умелых бойцах. Любовь к великолепному советскому оружию, хорошая выучка, гвардейская доблесть всегда отличали его воспитанников».

За месяцы войны, проведенные в беспрерывных боях с немецкими захватчиками, Нестеренко научился искусству, без которого немыслим настоящий командир — умению находить людей, оценивать их способности и ставить их на те места, где эти способности могли бы пригодиться. Алексей Иванович был уверен в своих людях. Несмотря на то, что нередко дивизионы полка действовали на значительном расстоянии друг от друга и от штаба полка, Нестеренко знал, что любая задача будет выполнена.

Та же газета «Сталинское знамя» писала: «В части товарища Нестеренко 56 орденоносцев. Они воплотили в себе самые характерные черты советских гвардейцев — отвагу, презрение к опасности и даже к самой смерти во имя своей отчизны.

Ряды орденоносцев растут с каждым новым боем.

Это люди подвига. Смысл своей жизни они видят в том, чтобы любой ценой по завьюженным зимним дорогам, под вражескими бомбежками провести свои боевые машины и полоснуть по врагам своим смертельным всесокрушающим огнем».

Вот только один из фронтовых эпизодов в деятельности Нестеренко. Дивизион, выполнив боевую задачу, вышел из

деревни Усть-Лески на рассвете и продвигался по пробитой накануне в глубоком снегу колее к большаку. Когда головные машины уже подходили к перекрестку, командир увидел, что слева из лощины развернутые в боевой порядок шли вдоль большака танки с крестами на броне. За ними виднелись пехотные цепи. Фашисты тоже заметили нашу колонну, открыли огонь. Были подбиты две головные машины, которые загородили выход на шоссе. Обойти их или развернуть колонну в обратном направлении было невозможно из-за глубокого снега, а ударить по врагу «катюши» не могли — слишком небольшое расстояние отделяло их от фашистских танков.

Гвардейцы могли спастись. Справа, в сторону села Труды-Меряево, где были наши войска, уходил глубокий овраг. Если немедля воспользоваться им, можно было пешим ходом оторваться от противника. Но для этого пришлось бы бросить боевые машины. Командир полка молниеносно принял решение: «Все снаряды выпустить в сторону врага, занять оборону и удерживать противника, пока установки не будут взорваны». Такая команда прошла по нашей колонне.

Нестеренко не думал в тот момент, останется ли он в живых. Этот вопрос казался ему тогда излишним. В мозгу лихорадочно билась мысль о том, хватит ли ему оставшихся минут, чтобы выполнить последнюю боевую задачу — уничтожить все до единой пусковые установки. Он бегал от машины к машине, чтобы лично убедиться, что к подрыву все готово, что ни одна машина не достанется врагу. А комиссар полка Иван Радченко с горсткой бойцов, вооруженных только стрелковым оружием да гранатами, двинулся навстречу танкам, чтобы ценой своей жизни выиграть несколько минут, так нужных командиру.

Храбрым всегда везет. Неожиданно в хвосте нашей колонны появилась советская «тридцатьчетверка». Танкисты были мастерами своего дела — от их огня вспыхнули три немецких танка, остальные попятились назад в лощину. Дивизион был спасен.

Небольшое отступление: приказом наркома обороны от 29 июля 1941 года № 0061 (подписан лично И. В. Сталиным) при Главном артиллерийском управлении Красной армии был создан отдел специального артиллерийского вооружения, начальник которого одновременно являлся заместителем начальника Главного артиллерийского управления Красной армии по специальному артиллерийскому вооружению. Перед отделом специального артиллерийского вооружения были поставлены следующие задачи:

а) формирование и боевая подготовка специальных частей,

вооруженных машинами М-8 и М-13, и инспектирование частей, действующих на фронте;

б) обеспечение вновь формируемых частей материальной частью, боеприпасами и специальным артиллерийским вооружением;

в) снабжение действующих на фронте специальных частей материальной частью и боеприпасами;

г) организация валового производства и военной приемки материальной части и специальных артиллерийских выстрелов;

д) ведение опытных работ, обеспечивающих как упрощение валового производства, так и дальнейшее развитие специального вооружения.

Заместителем начальника ГАУ Красной армии и начальником отдела специального артиллерийского вооружения был назначен военинженер 1-го ранга В. В. Аборенков.

Первые полки и батареи полевой реактивной артиллерии были непосредственно подчинены Ставке Верховного главнокомандования. Материально-техническое обеспечение и руководство их боевой подготовкой в августе 1941 года были возложены на начальника Главного артиллерийского управления.

8 сентября 1941 года Государственный Комитет Обороны принял решение о создании специальных органов управления полевой реактивной артиллерией во главе с командующим и военным советом гвардейских минометных частей. Командующий гвардейскими минометными частями, он же заместитель наркома обороны, подчинялся непосредственно Ставке Верховного главнокомандования. На него возлагалась ответственность за формирование и боевую подготовку частей, за обеспечение их вооружением, автотранспортом и боеприпасами. Он контролировал и боевое применение этого нового вида артиллерии, отвечал за сохранение боевой техники и боеприпасов. Командующим гвардейскими минометными частями был назначен военинженер 1-го ранга (с 19 января 1942 года — генерал-майор артиллерии, с 25 марта 1943 года — генерал-лейтенант артиллерии) Василий Васильевич Аборенков; членами военного совета — полковой комиссар (с 1 декабря 1941 года — бригадный комиссар, с 24 марта 1942 года — дивизионный комиссар, с 25 июля 1942 года — генерал-майор артиллерии) Петр Алексеевич Дегтярев, начальник отдела общего машиностроения Управления кадров ЦК ВКП(б) (генерал-майор артиллерии) Лев Михайлович Гайдуков, секретарь Московского областного комитета партии Николай Павлович Фирюбин. Начальником штаба был полковник (с 4 марта 1942 года — генерал-майор артиллерии) Александр Андреевич Быков,

начальником оперативно-инспекторского отдела — полковник (с 31 марта 1943 года — генерал-майор артиллерии) Павел Гаврилович Любимцев. Командующему гвардейскими минометными частями подчинялось также Главное управление вооружения, которое возглавлял военинженер 1-го ранга (с 7 декабря 1942 года — генерал-майор инженерно-артиллерийской службы) Николай Николаевич Кузнецов.

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин лично утверждал распределение гвардейских минометных частей по фронтам, планы производства боевых машин и боеприпасов, а также план формирования новых полков. Поэтому деятельность штаба командующего ГМЧ и Главного управления вооружения была очень напряженной. Командующий и члены военного совета должны были в любое время суток иметь исчерпывающие сведения по всем вопросам. В штабе, управлении и отделах было установлено непрерывное дежурство. Место нахождения каждого работника всегда было точно известно оперативному дежурному.

29 апреля 1943 года решением Государственного Комитета Обороны гвардейские минометные части были переданы в оперативное подчинение командующему артиллерией Красной армии маршалу артиллерии Н. Н. Воронову. Обособленность управления и снабжения была сохранена, так как центральные органы управления гвардейских минометных частей успешно справлялись со своими задачами. Решение Государственного Комитета Обороны способствовало более тесному взаимодействию гвардейских минометных частей с артиллерийскими и, одновременно, обязывало командующих артиллерией фронтов и армий изучать особенности боевого применения, знать их состояние. Такие организационные мероприятия постепенно подготавливали необходимые условия для объединения ГМЧ с артиллерией. Командующим гвардейскими минометными частями Красной армии был назначен генерал-майор артиллерии (с 28 сентября 1943 года — генерал-лейтенант артиллерии) П. А. Дегтярев, его заместителем генерал-майор артиллерии П. Н. Кулешов, членом военного совета — генерал-майор артиллерии Л. М. Гайдуков. Они возглавляли ГМЧ до конца войны.

В сентябре 1941 года постановлением Государственного Комитета Обороны были созданы оперативные группы гвардейских минометных частей фронтов. Первые оперативные группы были созданы на Северо-Западном, Юго-Западном, Южном, Брянском и Ленинградском фронтах (последняя в октябре 1941 года была переименована в опергруппу Западного фронта). На командование этих групп возлагалось руководство

боевой деятельностью всех гвардейских минометных частей, находившихся в распоряжении фронта, а также обеспечение их боеприпасами, вооружением, организация ремонта боевых и транспортных машин. Начальники оперативных групп подчинялись непосредственно командующим фронтами, в распоряжении которых они находились, одновременно тесно взаимодействуя с командующими артиллерией.

Штат опергруппы состоял из командующего и одного-двух членов военного совета, штаба, отделения артиллерийско-технического снабжения, артиллерийского склада, автопарка, санчасти и передвижной ремонтной мастерской.

Оперативные группы были созданы и в армейском звене.

«ПРИКАЗ НКО СССР

О создании армейских оперативных групп минометных частей Ставки Верховного Главнокомандования

№ 008 11 января 1942 г.

1. Для оперативного руководства отдельными гвардейскими минометными дивизионами М-8 и М-13, действующими в составе армий, создать армейские оперативные группы минометных частей для армий, которым придано не менее трех отдельных гвардейских минометных дивизионов.

Армейские оперативные группы именовать: “Оперативная группа минометных частей (такой-то) армии”.

2. Армейские оперативные группы придавать в распоряжение командующих армий, с задачей оперативно-тактического руководства и правильного боевого применения и использования гвардейских минометных дивизионов, приданных армии.

3. Формирование армейских оперативных групп минометных частей возложить на командующего минометными частями Ставки Верховного Главного командования полковника тов. Аборенкова.

Формирование групп произвести: для Западного фронта — до 15 января 1942 г., для других фронтов — в течение января 1942 г.

Заместитель Народного комиссара обороны СССР
армейский комиссар 1-го ранга ЩАДЕНКО».

Столь подробно рассказываем об этих структурах, потому что без этого невозможно будет проследить дальнейшую службу Алексея Ивановича Нестеренко.

Обстановка войны лучше всяких кадровых органов исправляет те ошибки, которые до нее были допущены и кадровыми органами, и высшим командованием в выдвижении на те или иные посты тех или иных людей.

В марте 1942 года полковник Нестеренко был назначен начальником инспекторского отделения Штаба гвардейских минометных частей, находившегося при Ставке ВГК в Москве. В начале апреля его направили в командировку в штаб Северо-Западного фронта (командующий фронтом — генерал-лейтенант П. А. Курочкин, начальник оперативной группы ГМЧ — генерал-майор артиллерии Ю. П. Бажанов). Здесь три гвардейских минометных полка оказались отрезаны бездорожьем и непогодой от основных сил. Дислоцировались в лесу, в боевых действиях участия не принимали. Не хватало продовольствия, боеприпасов.

Алексей Иванович рассказывает: «Мне доложили, что снабжение частей прервано, что поступают тревожные радиограммы об отсутствии боеприпасов и продовольствия… Продовольствие и боеприпасы (патроны к винтовкам и автоматам) сбрасывались на парашютах. Делались попытки сбрасывать и ящики с реактивными снарядами, но они не увенчались успехом… Необходимо было срочно выводить полки ГМЧ на восточный берег реки Ловать».

Через сутки, благодаря мастерству водителя, Нестеренко добрался до минометных полков и сумел там в короткий срок подготовить все для вывода полков из западни, в которой они оказались. Напрягая все силы, ракетчики за двое суток построили лежневые дороги, через болотистые места проложили фашинные настилы. Через несколько суток все три полка переправились через реку Ловать в более сухие и безопасные места. Было срочно организовано продовольственное снабжение полков из ближайших продовольственных складов. Эту историю Нестеренко рассказал на праздновании своего семидесятилетнего юбилея, когда представил присутствующим своего гостя — Героя Советского Союза Петра Васильевича Шутова, который командовал одним из этих полков.

Из Москвы было получено распоряжение — выехать на левое крыло фронта, где находились другие гвардейские минометные части.

Нестеренко вспоминал: «Дороги уже достаточно подсохли, и через двое суток я прибыл в полк, которым командовал Герой Советского Союза гвардии майор Казбек Дриссович Карсанов, высокий статный мужчина с красивой черной бородой. Волевое лицо, спокойные уверенные движения, рассудительность внушали уважение и симпатию к этому человеку. Забегая вперед скажу, что

Казбек Дриссович окончил войну в звании генерал-майора, командуя 7-й гвардейской минометной дивизией.

После беглого ознакомления с ближайшим дивизионом мне стало ясно, что полк боеспособен. Вместе с Карсановым мы наметили план проверки дивизионов и тылов полка. Осуществить эту проверку не довелось, так как меня срочно вызвали в Москву. Прежде чем выехать в столицу, я встретился с генералом Ю. П. Бажановым и членом военного совета опергруппы полковником Г. С. Должиковым. Я доложил им о результатах проверки, передал свое впечатление о полках. Оно было хорошим. Несмотря ни на что, полки остались боеспособными, моральное состояние их — высокое».

Кстати, Герой Советского Союза генерал К. Д. Карсанов тоже был в числе гостей на праздновании семидесятилетия Нестеренко.

После прибытия в Москву и доклада о положении дел Нестеренко было приказано срочно выехать на Южный фронт, где складывалась неблагоприятная ситуация с гвардейскими минометными частями.

Южным фронтом командовал генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский, а оперативную группу ГМЧ возглавлял Герой Советского Союза полковник Л. М. Воеводин, который был храбрым командиром, но ему недоставало хороших организаторских способностей. Инспектирование завершилось тем, что Алексей Иванович возглавил оперативную группу ГМЧ Южного фронта. Такое решение принял командующий фронтом Малиновский, а его решение поддержал генерал Аборенков.

В это время фронт вел кровопролитные бои на территории Ростовской области. Шли бои за Новочеркасск и Ростов. По предложению Нестеренко приказом командующего Южным фронтом для прикрытия разрыва между Южным и Юго-Западным фронтами, куда прорывались танковые и механизированные колонны врага, в Дачном была сформирована подвижная группа фронта.

Алексей Иванович никогда не боялся ответственности. Вот отрывок из его книги «Огонь ведут “Катюши”»: «Севернее Изюма в лесу мы наткнулись на артиллерийский склад оперативной группы ГМЧ Юго-Западного фронта полковника Зубанова. Начальник склада доложил, что в лесу хранятся заряды в штабелях, вывезти их не на чем, транспорта нет, а связь со штабом группы отсутствует. Он чуть ли не со слезами на глазах умолял помочь ему.

— Отпускайте ваши снаряды 2-му и 43-му полкам Южного фронта, — сказал я.

— Да как же можно отпускать другому фронту без разрешения командования? — взмолился начальник склада.

— Всю ответственность за расход снарядов беру на себя!

Начальнику артсклада я оставил письменное распоряжение отпускать снаряды 2-му и 43-му полкам по их требованию, Зубанову написал записку, объясняющую мое решение.

Вскоре в этом же лесу мы нашли штаб 9-й армии, вернее, пока место, где он сосредоточивался. Под развесистой березой прямо на земле сидел крайне усталый командующий армией генерал-майор Ф. М. Харитонов.

Я представился генералу, предъявил документы, сказал, что знаю тяжелую обстановку на участке армии и тем не менее прошу помочь вывезти снаряды.

Командующий, выслушав меня, вздохнул и проговорил с укоризной:

— Полковник, нам орудия нечем возить… — но подумав, сказал: — Действительно, что делать?! Не можем же мы оставить врагу секретное оружие…

Командарм вызвал начальника тыла и приказал ему весь автотранспорт тыла и штаба срочно направить на вывозку снарядов».

Можно привести и другие примеры, когда Алексей Иванович в сложной обстановке самостоятельно принимал решения, не боясь никакой ответственности.

25 июля 1942 года генерал-лейтенант Малиновский назначил Нестеренко командующим подвижной группой в составе двух стрелковых и одного артиллерийского полка 176-й стрелковой дивизии, 8, 43, 49-го гвардейских минометных полков, 14-го отдельного гвардейского минометного дивизиона, 82-го отдельного танкового батальона, зенитного батальона. Выделялся соответствующий автотранспорт. Основой подвижной группы являлись гвардейские минометные части, которые сохранили свою боеготовность, имели хорошую радиосвязь со штабом оперативной группы и были в достаточной степени обеспечены боеприпасами, которые удалось эвакуировать баржей по Донцу, Дону и Манычскому каналу в район Сальска.

27 июля группа, не закончив полностью свое формирование, была переброшена в район станицы Пролетарской (северо-восточнее Сальска). Требовалось срочно прикрыть переправу в районе Пролетарской, так как прорвавшаяся моторизованная колонна противника угрожала Сальску, где были расположены тылы и штаб фронта. Противника удалось остановить внезапным ударом в районе станицы Буденновской. Немцам был нанесен большой урон в технике и живой силе.

По приказу командования фронта группа оставила батальон для прикрытия станицы Пролетарской и снова была переброшена на рубеж Мечетинская — Малая Кузнецовка с задачей — закрыть образовавшийся разрыв между 37-й и 12-й армиями, остановить движение моторизованных колонн противника, которые переправились через Манычский канал в районе Веселой и двигались в направлении станицы Мечетинской. К исходу 28 июля группа вела встречный бой с танками и мотоколонной противника на рубеже Мечетинская — Малая Кузнецовка. Затем в течение 29, 30 и 31 июля и 1 августа группа вела бои на рубежах Егорлыкская — Хлебородный, ст. Целина, Егорлык — Тацин, Песчанокопская — Развильное.

Две недели подвижная группа ежедневно вела ожесточенные бои с немецкими захватчиками. Залповым огнем минометов было уничтожено свыше 100 фашистских танков, много другой техники и живой силы противника. Прикрываясь стрелковыми подразделениями и огнем зенитных и противотанковых батарей, непрерывно маневрируя на 100-километровом фронте, группа наносила массированные удары залповым огнем «катюш». Немецкие танки не выдерживали ударов «катюш», несли потери, отходили и искали обходные пути, замедляя наступление. Подвижная группа в течение недели сдерживала бронетанковые и механизированные колонны врага, нанося им огромный урон, не давая прорваться через разрыв между Южным и Юго-Западным фронтами на рубеже Буденновская — Бекетный, а затем — в разрыв между 12-й и 37-й армиями.

Это был единственный случай в истории боевых действий в Великой Отечественной войне, когда основную тяжесть борьбы с танками и мотопехотой противника несли гвардейские минометные части, а стрелковые части были подчинены начальнику оперативной группы ГМЧ фронта, обеспечивая прикрытие гвардейским минометам. За эту операцию С. М. Буденный и Р. Я. Малиновский представили Нестеренко к званию Героя Советского Союза, но, видимо, общая картина отступления показалась Сталину неподходящим фоном для награждения.

2 августа по радио Нестеренко получил вызов к маршалу Буденному в город Армавир. Командование группой он передал командиру стрелковой дивизии полковнику Ивану Андреевичу Рубанюку. В дальнейшем, в силу сложившихся обстоятельств, эта группа разделилась на две части: 176 СД, 49 ГМП, два дивизиона ГМП под командой командира 176 СД полковника И. А. Рубанюка отходили в направлении Нальчика и Орджоникидзе. 14-я ОГМД, 67-й ГМП, 48-й ОГМД 101-й ОГМД, 25-й дивизион 8-го ГМП и

дивизион 2-го ГМП под командованием Нестеренко, ведя непрерывные арьергардные бои, отходили в направлении Майкоп — Краснодар.

В конце июля 1942 года Южный и Северо-Кавказский фронты объединились в один Северо-Кавказский фронт. Командующим этим фронтом был назначен Маршал Советского Союза С. М. Буденный. После отхода частей фронта в горы на участке Новороссийск — Сочи оперативная группа ГМЧ Южного фронта стала называться оперативной группой ГМЧ Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта. Группа объединяла все гвардейские минометные части на этом участке фронта. Командовать группой было приказано Алексею Ивановичу Нестеренко.

Он вспоминал: «У нас было 10 дивизионов М-13 и два дивизиона М-8. Только вот беда — не хватало снарядов для М-13. Зато из Баку мы в достаточном количестве получали снаряды для дивизионов М-8. Возникла и еще одна проблема. На ряде направлений в условиях сильно пересеченной местности и бездорожья применить боевые машины М-13 и артиллерию оказалось практически невозможным. Горные дороги буквально сковали дивизионы гвардейских минометных частей, которые теперь могли быть использованы в горах только в тех направлениях, где имелись проходные дороги для автотранспорта. Между тем для пуска реактивных снарядов не требовалось сложных устройств — нужны были всего лишь простейшие направляющие.

Нужно было найти выход из этой тяжелой ситуации. И такой выход был найден. Начальник подвижной ремонтной мастерской военный инженер 3-го ранга Алферов А. (Александр Фомич. — *Г. С., В. И.)* и подполковник Евсюков И. (Иван Андреевич. — *Г. С., В. И.)* предложили изготовить своими силами легкие горно-вьючные переносные пусковые установки для снарядов М-8, которые можно было в достаточном количестве получать из Баку. И тогда “катюши” смогут подняться в горы. Пришли они ко мне со своими эскизами и расчетами. Не обошлось без споров и сомнений. Появлялись дополнительные соображения.

А на второй день командиру 14-го дивизиона Москвину (Арсению Петровичу. — *Г. С., В. И.)* я послал “подкрепление” — двух технически грамотных офицеров — старшего техника-лейтенанта Суляева Х. (Хасана Яхъяевича. — *Г. С., В. И.)* и техника-лейтенанта Рипса Л. (Льва Романовича. — *Г. С., В. И.)».*

Через две недели после начала работ был изготовлен опытный образец горной установки и проведены испытательные стрельбы в сторону моря из парка «Ривьера» в Сочи.

Горная установка имела общий вес 68 килограммов и состояла из трех основных частей — пакета, фермы и станка. Каждый узел весил 22–23 килограмма. Пакет состоял из направляющих для восьми снарядов (по четыре сверху и снизу). Ферма, на которой закреплялся пакет, снабжалась поворотным кругом. Станок имел прочный опорный круг с крестовиной в центре и четырьмя откидными «ногами», как у паука. На концах «ног» имелись опорные лапы с отверстиями, в которые забивались металлические штыри. Ими станок прочно закреплялся на грунте. Были продуманы вопросы заряжания, прицеливания и другие технические особенности.

После испытаний Нестеренко доложил командующему Северо-Кавказским фронтом Буденному, что разработана горно-вьючная установка М-8. На другой день установка и снаряды были доставлены в ущелье Георгиевское (недалеко от Туапсе). На эту стрельбу с маршалом Буденным прибыли начальник штаба фронта генерал А. И. Антонов и члены Военного совета. Показательные стрельбы прошли успешно. Военный совет фронта принял решение об организации производства таких установок в подвижной ремонтной мастерской. За короткий период надо было изготовить 48 пусковых установок.

Всего было изготовлено 58 горных пусковых установок М-8. Из них сформировано 12 батарей, которые направлялись на усиление частей, действующих в наиболее сложных условиях местности. Были сформированы горно-вьючные дивизионы. Эти установки применялись в боях на Гойтхском перевале, на горах Семашхо, Два Брата, Индюк. О боевой активности дивизионов «катюш» в горах Кавказа красноречиво свидетельствуют цифры. Так, за октябрь — декабрь 1942 года гвардейскими минометными частями было выпущено 22 892 снаряда. Для горных условий это довольно внушительная цифра. В 1944 году на 4-м Украинском фронте были смонтированы горные установки на «виллисах». Одна установка «катюш» была у партизан Крыма. У Сапун-горы сооружен монумент, посвященный дивизионам горных «катюш».

Почти одновременно с горной установкой конструировались и изготовлялись 12-зарядные установки на железнодорожных дрезинах. Позже горные установки были смонтированы на пяти морских катерах. На тральщике «Скумбрия», например, было смонтировано восемь пусковых установок, и залп тральщика составлял 96 снарядов 82-миллиметрового калибра. По сути, это был первый ракетоносный корабль огневой поддержки на Черном море. На катерах и кораблях Черноморского флота установки впервые использовались при нанесении огневого удара по Анапе и в десантной операции под Новороссийском.

Благодаря отличному знанию техники и глубокому осмыслению опыта ее применения в боях Алексей Иванович многое сделал для совершенствования техники и организации боя. Разработал и широко применял методы стрельбы прямой наводкой, всегда грамотно организовывал разведку противника, боевое охранение и прикрытие, боепитание частей и подразделений, гибко использовал подчиненные ему войска для нанесения максимального урона врагу в обороне и в наступлении.

Как тут не вспомнить высказывание американского проповедника и писателя У. Ченнинга: «Целеустремленный человек находит средства, а когда не может найти, создает их».

В октябре 1942 года из Москвы было получено распоряжение об откомандировании генерал-майора Нестеренко на Донской фронт. Но, по ходатайству командующего Черноморской группой войск генерала И. Е. Петрова и члена Военного совета Л. М. Кагановича, Нестеренко был оставлен на месте и до апреля 1943 года участвовал во всех операциях фронта, на всех направлениях и перевалах от Сочи до Новороссийска.

7 декабря 1942 года Нестеренко в 34 года было присвоено звание генерал-майора артиллерии. В апреле 1943 года его назначают командовать оперативной группой ГМЧ Брянского фронта (командующий фронтом — генерал-полковник М. А. Рейтер, начальник штаба — генерал-лейтенант Л. М. Сандалов, командующий артиллерией — генерал-майор артиллерии А. А. Гусаков). В июне 1943 года в командование Брянским фронтом вступил генерал-полковник М. М. Попов, а командующим артиллерией был назначен генерал-лейтенант артиллерии Н. В. Гавриленко.

В оперативную группу ГМЧ Брянского фронта под командованием Нестеренко входили: 2-я и 3-я гвардейские минометные дивизии (по три бригады в каждой) и 8-я отдельная бригада М-30, шесть отдельных гвардейских минометных полков М-13 (85, 93, 310, 311, 312, 313-й) и дивизион М-8. В каждой бригаде трехдивизионного состава имелось 288 пусковых станков, в дивизии — 864, которые одновременно могли выпустить 3456 снарядов М-30 общим весом 320 тонн. Вот какая огромная мощь (практически артиллерийский корпус прорыва) была в руках Нестеренко для контрнаступления против сильно укрепленной обороны немцев в Курской битве! К тому времени минометные дивизии и полки уже имели немалый боевой опыт — они участвовали в Сталинградской битве.

Полтора года немцы создавали Кривцовский узел обороны.

18 минут потребовалось нашим войскам, чтобы за огневым валом реактивных снарядов захватить его. Плотность разрывов достигала 30–50 на гектар. Оставшиеся в живых оглушенные и обезумевшие немцы бежали в нашу сторону с поднятыми руками и криками: «Гитлер капут!» По показаниям пленных, не уцелело ни одного блиндажа, ни одной огневой точки. До 80 процентов живой силы и вооружения было уничтожено.

5 августа Москва салютовала освободителям Орла и Белгорода в честь пяти фронтов, среди которых был и Брянский. 17 сентября в столице был устроен новый салют в честь освобождения Брянска и Бежицы. 310-й и 74-й ГМП получили наименование Бежицких. На Брянском фронте 28 августа 1943 года Алексей Иванович получил звание генерал-лейтенанта артиллерии и был награжден за боевые отличия двумя орденами Отечественной войны 1-й степени (18 мая и 27 августа 1943 года).

Из наградного листа на гвардии полковника Алексея Ивановича Нестеренко, командира оперативной группы гвардейских минометных частей Черноморской группы войск Закавказского фронта:

> «Гвардии полковник тов. НЕСТЕРЕНКО А. И. командует Оперативной группой гвардейских минометных частей с июня 1942 года. За это время группой проведен ряд успешных огневых налетов по скоплениям противника, которому нанесены серьезные потери в живой силе и технике.
>
> В период тяжелых оборонительных боев в районе Сальских степей Военный совет фронта возложил на тов. НЕСТЕРЕНКО командование особой подвижной группой, созданной для борьбы с прорвавшимися танками и мотопехотой противника.
>
> Под руководством тов. НЕСТЕРЕНКО разработана и частями группы применяется система стрельбы прямой наводкой с открытых огневых позиций.
>
> По инициативе тов. Нестеренко в подразделениях оперативной группы разработана специальная боевая установка, имеющая серьезные преимущества при применении в горных условиях. Установка опробована и одобрена Ставкой Верховного командования Красной Армии.
>
> Тов. НЕСТЕРЕНКО неоднократно выезжал на передовые позиции для личного руководства боевой деятельностью своих подразделений.

Несмотря на сложность обстановки части Группы сохранили свою боеспособность.

Политико-моральное состояние частей Группы здоровое.

Случаев оставления огневых позиций и отхода без приказа не было. Не было также случаев оставления врагу боевой техники и снарядов.

Особенно большую помощь личным руководством тов. НЕСТЕРЕНКО оказал частям Южного фронта на переправах через реки Дон и Кубань.

За успешное руководство гвардейскими минометными частями Группы, за инициативу и личное мужество тов. НЕСТЕРЕНКО А. И. достоин награждения орденом “ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ” 1 степени.

Командующий Черноморской группой войск Закфронта генерал-полковник Черевиченко

Члены Военного совета Черноморской группы войск Закфронта Л. КАГАНОВИЧ, Л. КОРНИЕЦ

30 сентября 1942 года».

На вооружении дивизий вместо боевых машин были пусковые станки в виде металлических рам. В каждой бригаде четырехдивизионного состава имелось 288 станков. Залп бригады составлял 1152 снаряда общим весом 106 тонн. Всего в дивизии было 864 рамы, которые могли одновременно выпустить 3460 снарядов М-30–320 тонн смертоносного металла!

На Брянском фронте в полную меру проявилась мощь гвардейских минометных частей. В ходе боев гвардейцы-минометчики выпустили по врагу более 100 тысяч снарядов. Накопился опыт использования ГМЧ с максимальной эффективностью за счет высокой маневренности, внезапности. Поскольку ГМЧ фронта, как правило, не распылялись по армиям и дивизиям, появилась возможность сосредоточивать силы на направлениях главных ударов. Так было на участке 11-й гвардейской армии в районе Ильинское-Гнездилово, где группа ГМЧ в составе семи полков и одной бригады М-30 обеспечила прорыв обороны противника; так было при прорыве обороны и взятии Хотынца, на Карачевском направлении, где действовала группа ГМЧ из четырех полков, одной бригады и отдельного дивизиона; при наступлении на Брянск группа ГМЧ состояла из семи полков, трех бригад и отдельного дивизиона; под городом Кировом Калужской области в группу обеспечения прорыва входили восемь полков М-13, один полк М-8 и дивизия М-30.

Массированный огонь реактивных частей позволял нашим

войскам овладевать опорными пунктами противника сравнительно легко и с минимальными потерями.

Необходимо отметить наиболее характерную операцию Брянского фронта в районе города Кирова Брянской области, проведенную 7 сентября 1943 года, где главную роль в прорыве обороны противника сыграли гвардейские минометные части. Своим быстрым маневром и внезапным массированным ударом девяти гвардейских минометных полков был обеспечен прорыв оборонительной полосы противника и ввод в прорыв кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора В. В. Крюкова. Это привело в дальнейшем к успешному развитию операции на глубину до 300 километров от Брянска — Кирова до Гомеля. За эту операцию (маневр и артиллерийскую подготовку) все девять командиров полков были награждены орденами, а А. И. Нестеренко присвоено воинское звание генерал-лейтенант.

В течение июля — сентября 1943 года войска Брянского фронта освободили города Почеп, Унеча, Клинцы, Новозыбков. На очереди был Гомель. Но в конце сентября из частей Северо-Западного, Брянского и Калининского фронтов был создан новый фронт, который с 20 октября 1943 года стал именоваться 2-м Прибалтийским.

В шеститомной «Истории Великой Отечественной войны» есть такие строки: «7 сентября после короткой, но мощной артиллерийской подготовки армия перешла в наступление, нанося удар во фланг брянской группировки врага. Внезапность удара решила исход боя, оборона противника оказалась прорванной». О том, что значат слова «внезапность удара», Алексей Иванович Нестеренко знал не из чужих слов.

Наступление Западного и Брянского фронтов, начавшееся в августе 1943 года в районе Спас-Деменска и Кирова, натолкнулось на ожесточенное сопротивление гитлеровцев, занимавших хорошо укрепленные позиции. Было решено в короткий срок скрытно сосредоточить на стыке фронтов мощную группировку минометных и артиллерийских частей и огневым ударом сокрушить вражескую оборону. Всего две ночи потребовалось гвардейцам-минометчикам Брянского фронта, чтобы выполнить приказ командования. Руководил операцией генерал Нестеренко. Враг ничего не заметил, не успел предпринять контрмеры, и 7 сентября на головы фашистов обрушился сокрушающий удар.

Из наградного листа на генерал-майора Алексея Ивановича Нестеренко, начальника оперативной группы гвардейских минометных частей Брянского фронта:

«Командуя гвардейскими минометными частями добился сильного повышения их боевой деятельности и эффективности огня.

Обладая незаурядными качествами организатора и большим опытом применения гвардейских минометных частей в общевойсковом бою, умело и правильно планировал их участие на всех этапах артиллерийского наступления. Отказывался от шаблонных методов в руководстве вверенными ему частями, непрерывно работает над внедрением новых методов в боевой деятельности, применяя кочующие установки. Широкий маневр частями в период атаки и развития боя в глубине оборонительных полос и участков противника, проявляя при этом личную отвагу, мужество и неиссякаемую энергию.

В период прорыва сильно укрепленной полосы обороны противника (12.7.1943 г.) в районе ВЯЖИ-РЕПЬЕВКА, ТОЛКАЧЕВА-КРУТОГОРЬЕ и боев за овладение плацдармом в районе севернее МЦЕНСКА гвардейские минометные части под командованием генерал-майора артиллерии НЕСТЕРЕНКО, умело поддерживая наши танки и пехоту, обеспечивали им продвижение вперед и отбитие частых контратак противника.

Сопровождение пехоты и танков гвардейскими минометными частями фронта осуществлялось непрерывно специально приданными им частями ГМЧ. За период прорыва и преследования уничтожено и рассеяно до 50 батальонов пехоты противника, уничтожено и подбито 84 танка, подавлено до 24 минометных и артиллерийских батарей, отбито до 30 контратак противника, взорвано до 80 складов горючего и боеприпасов противника.

Благодаря умелому руководству гвардейские минометные части полностью выполнили поставленные перед ними задачи командующим войсками фронта.

За умелое руководство гвардейскими минометными частями в период подготовки и проведения наступательных боев фронта и проявленные при этом мужество и смелость генерал-майор артиллерии НЕСТЕРЕНКО достоин награждения орденом КУТУЗОВА 2 степени.

Командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант артиллерии ГАВРИЛЕНКО 7 августа 1943

года.

Заключение Военного совета фронта:

Достоин награждения орденом КУТУЗОВА 2 степени

Командующий войсками Брянского фронта генерал-полковник ПОПОВ

Член Военного совета Брянского фронта генерал-лейтенант МЕХЛИС.

11 августа 1943 года».

10 октября 1943 года распоряжением Ставки Брянский фронт был расформирован, его армии переподчинялись Центральному фронту, а штаб, органы управления, части и соединения фронтового подчинения во главе с командующим фронтом Поповым перебрасывались в район Великих Лук и Невеля Псковской области, где из войск Северо-Западного, частично Калининского и Брянского фронтов был создан 2-й Прибалтийский фронт. Его командующим стал генерал армии М. М. Попов, начальником штаба — генерал-майор Н. П. Сидельников, командующим артиллерией фронта — генерал-лейтенант П. Н. Ничков. Заместителем последнего все время существования фронта был А. И. Нестеренко.

В ноябре 1943 года войска фронта вели наступление на Витебско-Полоцком направлении. В январе следующего года фронт принял участие в Ленинградско-Новгородской операции, в ходе которой была окончательно снята блокада Ленинграда и освобожден Новгород. В ходе Старорусско-Новоржевской операции войска фронта вышли на подступы к Острову, Пушкинским Горам, Идрице; в июле 1944 года они провели Режицко-Двинскую операцию и продвинулись на запад до 200 километров, а в августе — провели Мадонскую операцию, в ходе которой продвинулись еще на 60–70 километров вдоль северного берега Западной Двины.

В сентябре — октябре 1944 года войска фронта приняли участие в Рижской операции и к 22 октября вышли к тукумскому рубежу обороны противника, блокировав совместно с войсками 1-го Прибалтийского фронта в Курляндии группу армий «Север». В последующем, до апреля 1945 года, они продолжали блокаду и вели бои по уничтожению курляндской группировки противника. Во всех этих операциях активное участие принимала артиллерия, руководимая А. И. Нестеренко.

«БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

На заместителя командующего артиллерией 2 Прибалтийского фронта по гвардейским минометным частям — гвардии генерал-лейтенанта артиллерии

НЕСТЕРЕНКО Алексея Ивановича, 1908 г.р., русского, члена ВКП (б) с 1940 г., военнослужащий, военное образование: Томское артиллерийское училище в 29 г., академия им. Фрунзе в 1938 г., в РККА с 1925 г., в занимаемой должности с августа 1944 г. На должностях офицерского состава с 1929 г., участник КВЖД в 1929 г., Финской войны в 1939–40 г.

Участник Отечественной войны с 22.6.1941 г., награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, 2 орденами Отечественной войны 1 ст., медалью XX лет РККА, назначен с должности начальника опергруппы ГМЧ 2-го Прибалтийского фронта Генерал-лейтенант артиллерии НЕСТЕРЕНКО А. И. в занимаемой должности с начала организации 2 Прибалтийского фронта.

Делу Ленина-Сталина и Социалистической родине предан. Высоко развито сознание долга службы Родине.

Проявляет разумную инициативу, в бою смел. В сложных условиях боя не теряется, решения принимает правильно.

Много уделяет времени работе в частях. Всегда держит гвардейские минометные части в боевой готовности. Серьезно и вдумчиво ведет работу по занимаемой должности.

Лично генерал НЕСТЕРЕНКО дисциплинирован, требовательный к подчиненным, умеет учить офицерский состав.

Тактику современного боя знает, умело применяет гвардейские минометные части в различных видах боя.

ВЫВОД: должности заместителя командующего артиллерией фронта по ГМЧ соответствует.

Командующий артиллерией 2 Прибалтийского фронта Генерал-полковник артиллерии п/п НИЧКОВ

22 февраля 1945 года».

После подчинения оперативных групп гвардейских минометных частей командующим артиллерией фронтов, приказом народного комиссара с 1 апреля 1945 года войска 2-го Прибалтийского и часть войск 1-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов, блокирующие курляндскую группировку немцев из 36 дивизий группы армий «Север», были объединены в Ленинградский фронт под командованием Маршала Советского Союза Л. А. Говорова. Нестеренко стал заместителем по гвардейским минометным частям командующего

артиллерией этого фронта Г. Ф. Одинцова. В состав оперативной группы ГМЧ Ленинградского фронта входили одна дивизия и четыре отдельные бригады М-31, а также 17 полков М-13. За боевые отличия на этом фронте Нестеренко 29 июня 1945 года был награжден орденом Кутузова 2-й степени.

Здесь уместно вспомнить слова нашего знаменитого военачальника маршала И. С. Конева из его книги мемуаров «Сорок пятый»: «Когда мы говорим о тех качествах, которые требовались от военачальников на войне, то как бы храбрость не была важна, не она в первую очередь определяла боевые качества людей, руководивших войсками. Смелость, храбрость, личное мужество были характерны для наших командиров с начала войны. Главные боевые качества военачальника — это умение управлять войсками, постоянная готовность принять на себя ответственность и за то, что ты уже сделал, и за то, что ты собираешься сделать. Решимость нести ответственность за все действия войск, за все последствия отданных тобою приказов — чем бы это ни грозило и чем бы это ни кончилось — вот первый и главный признак волевого начала в командире».

И надо признать, что такие подходы к делу были присущи Алексею Ивановичу на всем протяжении войны.

Книга мемуаров Нестеренко «Огонь ведут “Катюши”» в полной мере отвечает еще одному требованию, о котором упоминает маршал Конев: «Человек, пишущий воспоминания о войне, может принести наибольшую пользу для воссоздания ее общей картины в том случае, если он пишет прежде всего о тех событиях и делах, с которыми сам непосредственно сталкивался, за которые отвечал. Правильнее всего смотреть на события войны, если так можно выразиться, с того командного пункта, на который он был поставлен».

День Победы застал Нестеренко за подготовкой к решающему наступлению против курляндской группировки немцев, в состав которой входило более 300 тысяч человек. После капитуляции фашистской Германии группировка сдалась в плен. Алексей Иванович встретился с плененным начальником артиллерии курляндской группировки генерал-майором Бауэрмейстером. Во время беседы задал пленному вопрос: «Мы солдаты и наше дело воевать. Но за что вы уничтожали наших детей? За что вы уничтожали наших матерей? За что вы заливали кровью нашу страну?» Ответов не последовало. Правда, в конце беседы фашистский генерал сказал: «Лучше бы мне быть сейчас столяром, чем командующим артиллерией».

Как показывает описание боевого пути, Алексей Иванович Нестеренко являлся видным полководцем Великой Отечественной

войны. В заключительных операциях под его командованием находилось семь тяжелых бригад гвардейских минометов из сорока имевшихся в Советской армии (17,5 процента), 17 полков «катюш» из 115 в Советской армии (14,8 процента), то есть шестая часть главной ударной мощи Советской армии — реактивной артиллерии.

В боях Нестеренко проявлял ум, сметку, смелость, находчивость, изобретательность, инициативу, высокий профессионализм, умело использовал маневренность и ударную мощь нового оружия. Находясь на важнейших и опасных участках фронта, он не раз сталкивался в ближнем бою с танками и мотопехотой, попадал под пулеметный огонь и удары авиации. Был контужен 26 июня 1941 года у станции Говье в Западной Белоруссии, легко ранен 28 ноября 1941 года в бою под городом Лисичанском Ворошиловградской области и 24 июля 1942 года при воздушном налете, когда руководил понтонной переправой в Ростове-на-Дону.

В течение всей войны гвардейские минометные части реактивной артиллерии не имели уставов, наставлений и правил стрельбы. В силу полного отсутствия элементарной руководящей литературы для офицеров ГМЧ, а также правил стрельбы по инициативе гвардии генерал-лейтенанта Нестеренко и под его редакцией в начале 1944 года топографическим отделом штаба 2-го Прибалтийского фронта издана брошюра «Гвардейские минометные части в наступлении и преследовании (Тактические примеры из боевого опыта частей)».

В 1945 году на Ленинградском фронте под руководством и при личном участии генерал-лейтенанта Нестеренко было разработано и издано руководство-справочник «Расчет плотности огня гвардейских минометных частей и некоторые вопросы пристрелки». В предисловии к справочнику командующий артиллерией Ленинградского фронта генерал-полковник артиллерии Г. Ф. Одинцов писал:

> «1. Настоящий справочник насущно необходим не только офицерам гвардейских минометных частей, но и командующим артиллерией стрелковых дивизий, стрелковых корпусов и армий.
>
> 2. Авторы ставили своей задачей:
>
> а) показать необходимое среднее количество снарядов на гектар для решения задач разрушения и подавления;
>
> б) дать практические формулы и приемы подсчета плотностей огня (снарядов на гектар) при решении

боевых задач.

3. Этот справочник заставит командующих артиллерией грамотно ставить задачи гвардейским минометным частям и не допускать бесцельное разбрасывание снарядов отдельных установок, батарей без достаточной плотности.

4. В своей практической части справочник должен быть известен общевойсковым командирам, что обязаны сделать командующие артиллерией и командиры частей и соединений ГМЧ.

5. Сила реактивных снарядов во внезапном применении их по площадям, с достаточной плотностью положенных на объект. Каждый офицер ГМЧ должен всегда стремиться положить залпы с наибольшей точностью (лучшей частью эллипса) по назначенной цели.

6. Подобный справочник одобрен начальником штаба ГУКАРТ генерал-полковником Самсоновым и выпускается впервые в Красной Армии.

7. После ознакомления и использования справочника в боевых условиях всякие замечания направлять мне через генерал-лейтенанта Нестеренко для будущего выпуска справочника ГУКАРТ».

Это были первые печатные пособия, которые дошли до действующих частей на фронте, что позволило установить единую систему подготовки офицеров и выработать единый взгляд на методы применения гвардейских минометных частей.

В 1945 году в журнале «Военная мысль» (№ 9) была опубликована большая статья генерал-лейтенанта А. И. Нестеренко «О роли и месте реактивной артиллерии». В статье обобщен опыт применения реактивной артиллерии в годы войны. В своей статье Алексей Иванович писал:

«Это оружие основано на использовании новейших достижений науки и техники… Массовое применение реактивной артиллерии, разнообразие и эффективность выполняемых ею огневых задач сделали это оружие мощным средством массового истребления живой силы и техники противника, средством значительного качественного и количественного усиления артиллерии.

Специфичность огня гвардейских минометных частей состоит в его мощи и массированности, в возможности значительно увеличивать ударную силу артиллерии на решающих направлениях и тем самым способствовать успешному

выполнению самой трудной задачи артиллерийского наступления — одновременного разрушения и подавления всей тактической глубины неприятельской обороны. Все зависит от правильного сочетания этого огня с огнем ствольной артиллерии и от умелого использования самих гвардейских минометных частей.

Роль и место реактивной артиллерии в любой наступательной операции определяются ее тактическим применением в данной конкретной обстановке, ее огневой производительностью в различные периоды артиллерийского наступления. При планировании операции должна обязательно учитываться огневая производительность привлекаемой группировки гвардейских минометных частей.

Гвардейские минометные части — оружие мощного и внезапного огня, мощного удара, поэтому оно должно применяться только массированно и внезапно. Оружие, рожденное для стремительных маневров и ударов, нельзя надолго приковывать к огневым позициям».

В 1945–1946 годах в Ленинграде и на полигоне Струги-Красные по заданию штаба артиллерии Вооруженных сил Алексей Иванович организовывал и был консультантом на съемках учебного кинофильма «Реактивная артиллерия».

В годы войны Алексей Иванович Нестеренко воевал плечом к плечу вместе с видными маршалами и генералами. Это — В. В. Аборенков, А. И. Антонов, П. А. Артемьев, И. Х. Баграмян, Ю. П. Бажанов, М. М. Барсуков, П. А. Белов, В. Н. Богаткин, И. В. Болдин, С. М. Буденный, Н. А. Булганин, А. А. Быков, Л. М. Воеводин, Н. В. Гавриленко, Л. М. Гайдуков, Л. А. Говоров, А. В. Горбатов, А. А. Гусаков, П. А. Дегтярев, А. И. Еременко, И. Я. Жук, Л. М. Каганович, Г. С. Кариофилли, П. М. Козлов, В. Я. Колпакчи, Л. Р. Корниец, Ф. Я. Костенко, Я. Г. Крейзер, В. В. Крюков, В. Д. Крюченкин, Н. Н. Кузнецов, П. И. Кулешов, П. А. Курочкин, К. Н. Леселидзе, Р. Я. Малиновский, Л. З. Мехлис, К. С. Москаленко, Н. Ф. Науменко, М. И. Неделин, П. Н. Ничков, Г. Ф. Одинцов, И. Е. Петров, М. М. Попов, К. И. Провалов, М. А. Рейтер, А. И. Родимцев, И. Н. Руссиянов, А. И. Рыжов, Ф. А. Самсонов, Л. М. Сандалов, А. Ф. Тверецкий, К. Ф. Телегин, С. К. Тимошенко, И. И. Федюнинский, Ф. М. Харитонов, Я. Т. Черевиченко, А. Н. Черников, П. В. Черняев, И. М. Чистяков, М. Н. Чистяков, В. Ф. Шестаков, А. Ф. Щеглов и др.

На фронтовых дорогах он не раз пересекался с офицерами В. И. Вознюком, А. Г. Мрыкиным, П. П. Пузиком, А. Ф. Пануевым, Г. А. Тюлиным, М. Е. Шубным, А. Г. Карасем, которые после войны стали известными всем Вооруженным силам генералами Ракетных войск стратегического назначения и Космических войск.

После войны всё это будет помогать Нестеренко в решении различных организационных и хозяйственных вопросов в Академии им. Ф. Э. Дзержинского, в 4-м НИИ МО, на полигоне Байконур.

Когда читаешь воспоминания Нестеренко о войне, поражает то, что он ни о ком из окружавших его людей, подчиненных не сказал ни одного плохого слова. Мало того, для характеристики большинства сослуживцев он всегда находит добрые слова: «В этих боях я потерял водителя своей машины Ваню Осипова. Много лет прошло с тех пор, а я и сейчас с болью в сердце вспоминаю его. Осипов был выдержан и находчив, смел, решителен и скромен. Этого высокого сероглазого юношу со Смоленщины я любил как родного брата. Ваня был тяжело ранен во время артиллерийского налета».

Майор И. А. Евсюков — «волевой, энергичный офицер».

Подполковник А. М. Лобанов — «знающий артиллерист, рассудительный и требовательный командир, он пользовался большим уважением у всего личного состава».

Батальонный комиссар Б. А. Хохлов — «исключительно внимательный, тактичный человек».

Майор К. Д. Карсанов — «волевое лицо, спокойные уверенные движения, рассудительность внушали уважение и симпатию к этому человеку».

И т. д. и т. п.

После войны А. И. Нестеренко был заместителем командующего артиллерией Ленинградского военного округа по минометным частям. В мае 1946 года в Москве состоялось Всеармейское совещание по обмену опытом боевого применения гвардейских минометных частей. Алексей Иванович был одним из инициаторов созыва этого совещания.

Глава четвертая
ВО ГЛАВЕ НИИ-4

В развитие ракетной и космической техники в нашей стране, решение вопросов ее эксплуатации и боевого применения значительный вклад внес созданный в июне 1946 года Научно-исследовательский институт ракетного вооружения № 4 Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, в дальнейшем переименованный в 4-й Центральный научно-исследовательский институт Министерства обороны (4-й ЦНИИ МО).

«Сов. секретно
Приказ
Министра Вооруженных Сил Союза ССР
№ 007
“24” мая 1946 года г. Москва

Содержание: 1. О сформировании управлений реактивного вооружения в составе ГАУ и военно-морских сил и Научно-исследовательского реактивного института ГАУ.

2. Об утверждении Положений указанных управлений и учреждений.

Во исполнение постановления Совета Министров Союза ССР № 1017-419 от 13 мая 1946 года

ПРИКАЗЫВАЮ:

<…> 3. Сформировать к 15 июня 1946 года Научно-исследовательский институт ГАУ по штату № 25/612 численностью военнослужащих 446 человек, присвоив наименование Научно-исследовательский институт ГАУ № 4. Формирование Научно-исследовательского института возложить на начальника ГАУ маршала артиллерии тов. Яковлева.

Назначить начальником научно-исследовательского реактивного института ГАУ гвардии генерал-лейтенанта артиллерии НЕСТЕРЕНКО Алексея Ивановича.

4. Начальнику Тыла Вооруженных Сил генералу армии Хрулеву к 1 июня доложить предложения по размещению научно-исследовательского реактивного института.

<…> 7. Утвердить Положения и штаты Управлений реактивного вооружения ГАУ и военно-морских сил и о Научно-исследовательском реактивном институте

Главного артиллерийского управления Вооруженных Сил (приложения № 1–4).

Заместитель Министра Вооруженных Сил Союза ССР
генерал армии
БУЛГАНИН».

«Сов. секретно
“УТВЕРЖДАЮ”
ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР
ГЕНЕРАЛ АРМИИ БУЛГАНИН
24 мая 1946 г.

ПОЛОЖЕНИЕ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ РЕАКТИВНОМ ИНСТИТУТЕ
ГЛАВНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР.

1. Научно-исследовательский институт является научно-исследовательским учреждением Главного артиллерийского управления Вооруженных Сил в области развития реактивного вооружения Сухопутных войск.

2. Во главе Научно-исследовательского реактивного института стоит Начальник института, который подчиняется начальнику Главного артиллерийского управления.

3. На Научно-исследовательский реактивный институт возлагается:

а) изучение и обобщение опыта развития и применения реактивного вооружения в СССР и за границей;

б) организация и проведение научно-исследовательских работ по основным принципиальным и проблемным вопросам реактивного вооружения;

в) научное обоснование системы вооружения реактивной артиллерии Сухопутных войск;

г) научное обоснование тактико-технических требований на новые образцы реактивного вооружения Сухопутных войск;

д) проведение исследований в области аппаратуры для испытаний реактивного вооружения;

е) научное обоснование технических условий на приемку и испытания средств реактивного вооружения;

ж) разработка методов стрельбы и способов корректировки огня реактивной артиллерии,

составление инструкций по стрельбе и таблиц стрельбы;

з) подготовка кадров научных работников в области реактивного вооружения, для чего при институте организуется аспирантура;

и) издание сборников научных трудов по теоретическим и техническим вопросам реактивного вооружения;

к) проведение экспертизы по опытным и научно-исследовательским работам.

4. Научно-исследовательский реактивный институт состоит из отделов: системы вооружения, дальнобойных снарядов, зенитных снарядов на жидком топливе, пороховых снарядов полевой артиллерии, пороховых зенитных снарядов, противотанковых снарядов, внешней и внутренней баллистики и стрельбы, управления полетом снарядов и стабилизации полета снарядов, пусковых и стартовых устройств, снаряжения, взрывателей, материаловедения, техники безопасности, конструкторского бюро, лабораторий и испытательских станций, вспомогательных отделов по материально-техническому и хозяйственному обеспечению.

5. При начальнике института состоит Ученый Совет, как совещательный орган.

Председателем Ученого Совета является начальник института.

Члены Ученого Совета назначаются начальником Главного артиллерийского управления».

Таким образом, согласно этому приказу Институт вначале был подчинен Главному артиллерийскому управлению.

«Секретно

Приказ Министра Вооруженных Сил Союза ССР № 015

“24” июня 1946 года г. Москва

Содержание: О передаче военного городка 17/3 Главному артиллерийскому управлению Вооруженных Сил.

Для организуемого по постановлению Совета Министров СССР от 13 мая 1946 года № 1017–419сс Научно-исследовательского института № 4 Главного артиллерийского управления Вооруженных Сил ПРИКАЗЫВАЮ:

Командующему Инженерными войсками Сухопутных войск Маршалу инженерных войск ВОРОБЬЕВУ

полностью освободить и передать в месячный срок Главному артиллерийскому управлению Вооруженных Сил военный городок 17/3 (ст. Болшево) со всеми жилыми, учебными, хозяйственными постройками, подсобным хозяйством, со всем оборудованием и инвентарем по состоянию на 25.6.1946 г.

Заместитель Министра Вооруженных Сил Союза ССР генерал армии БУЛГАНИН».

В военном городке было два жилых дома на 64 квартиры для офицерского состава, не полностью освобожденных от прежних обитателей, три казармы, шесть бараков и один учебный корпус. Хозяйство, принятое квартирно-эксплуатационным отделом института, находилось в запущенном состоянии. Жилую площадь обслуживало домоуправление, образованное еще в 1938 году. Штат домоуправления состоял из девяти человек. Никаких транспортных средств не было. Котельные и водонасосные станции не работали, канализация и водопровод требовали капитального ремонта. Трудно даже представить, в каких сложных условиях начинали работу сотрудники института. Помещений для лабораторий не хватало. Лабораторного оборудования, приборов, станков не было.

Все необходимое Нестеренко выбивал за счет репараций и благодаря своему авторитету. Ветераны НИИ-4 вспоминают, что был случай, когда он перехватил эшелон с металлоконструкциями, шедший из Германии. Из них смонтировали здание экспериментального завода.

В 1947–1948 годах все здания, доставшиеся институту, были отремонтированы. В них разместились научные лаборатории, конструкторский отдел, экспериментальный завод и подразделения обслуживания. Позже на месте старых зданий и сооружений вырос город Юбилейный с населением 30 тысяч человек, в 2014 году вошедший в состав города Королева.

В 1947 году Нестеренко добился в Мособлсовете выделения семи гектаров земли, на которых построили 43 финских и 10 шлакоблочных домиков («финский городок»). Рядом с домами разбили садово-огородные участки, это помогало семьям офицеров решать продовольственную проблему в нелегкие послевоенные годы.

Институт формировался по штатам, утвержденным директивой Генерального штаба Вооруженных сил от 24 мая 1946 года и был создан в составе 20 научных и 20 вспомогательных отделов, а также 16 испытательных лабораторий. Одной из главных особенностей института являлось то, что позже его

исследования охватывали весь жизненный цикл стратегических систем вооружения.

21 ноября 1946 года приказом министра ВС Союза ССР научно-исследовательский институт был передан в подчинение Академии артиллерийских наук.

> «Совершенно секретно
>
> ПРИКАЗ МИНИСТРА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР № 0028
>
> “21” ноября 1948 года г. Москва
>
> СОДЕРЖАНИЕ: О передаче научных учреждений Академии артиллерийских наук.
>
> В соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР за № 1538–685сс от 10 июля 1946 года ПРИКАЗЫВАЮ:
>
> <…> 2. Начальнику Главного артиллерийского управления Вооруженных Сил Маршалу артиллерии тов. Яковлеву Н. Д. передать Академии Артиллерийских наук:
>
> а) научно-исследовательский институт № 4;
>
> б) Артиллерийский исторический музей.
>
> 3. Начальникам довольствующих управлений Министерства Вооруженных Сил продолжать финансировать и снабжать необходимыми материалами по роду своей деятельности вышеуказанные институты и учреждения до особых указаний.
>
> Заместитель министра Вооруженных сил Союза ССР генерал армии БУЛГАНИН».

Становление института проходило в относительно трудных условиях. Это объясняется тем, что в Советской армии было мало офицеров, хорошо знающих ракетное оружие. В связи с этим главными задачами начального периода (1946–1948 годы) были подготовка и расстановка кадров, создание научных коллективов, способных организовать работу и выполнять задачи, поставленные перед институтом. Комплектовался институт в основном участниками Великой Отечественной войны, служившими ранее в гвардейских минометных частях. Научные подразделения комплектовались личным составом из войск, военных приемок и военных академий. Кроме того, в институт направлялись отдельные группы инженерно-технического состава из бронетанковых войск, Военно-воздушных сил и промышленности, работавшие по профилю, близкому к специализации института.

С целью изучения опыта разработки и производства немецкой

ракетной техники в августе 1946 года большая группа сотрудников института была направлена в советскую зону оккупации Германии. В их числе И. И. Гвай, Н. М. Горев, И. И. Гребенщиков, И. С. Дубинин, Н. В. Егиазаров, В. А. Каваносян, Д. А. Лебедев, А. Д. Левин, М. А. Розенберг, И. В. Семенов, Г. П. Шампанов. Эта работа проводилась под руководством и при участии видных специалистов, занимавшихся ракетной техникой еще в предвоенные годы: С. П. Королева, В. П. Глушко, В. П. Бармина, А. М. Исаева, Н. А. Пилюгина, Ю. А. Победоносцева, Б. Е. Чертока и др.

В 1945 году будущий начальник НИИ-4 А. И. Соколов, занимавший тогда должность начальника Управления вооружения гвардейских минометных частей, и Г. А. Тюлин по приглашению англичан выезжали в союзническую зону оккупации Германии для участия в пуске ракеты Фау-2.

И все же в Советской армии не было тогда достаточного количества офицеров, хорошо знающих ракетное оружие. Как правило, назначаемые в институт люди не имели ни опыта научной работы, ни глубокого знания тех проблем, которыми им предстояло заниматься. Для исправления положения принимались энергичные и разнообразные меры. В 1948 году большая группа сотрудников была направлена на двухгодичные Высшие инженерные курсы при МВТУ им. Баумана, где лекции читались самыми крупными специалистами в ракетной технике того времени — С. П. Королевым, А. А. Космодемьянским, Ю. А. Победоносцевым и др. В самом институте проводились занятия по теории реактивного движения и другим проблемам, ряд сотрудников были зачислены в адъюнктуру при Академии артиллерийских наук, была образована собственная заочная адъюнктура.

Приказом министра высшего и среднего специального образования в мае 1950 года в НИИ-4 был создан ученый совет с правом принятия к защите кандидатских диссертаций. В конечном итоге все это принесло свои плоды. О том, что в НИИ-4 в период становления как научной организации была успешно решена задача подготовки научных кадров, свидетельствует то, что в начале 1950-х годов большая группа специалистов-ракетчиков института была направлена на усиление центральных аппаратов Министерства обороны, в том числе Сухопутных войск и войск ПВО, а также созданных в отдельных видах Вооруженных сил научно-исследовательских институтов. В дальнейшем многие из них были выдвинуты на руководящую работу в органах управления Министерства обороны и в организациях оборонно-промышленного комплекса. Среди них Константин

Александрович Трусов, ставший заместителем начальника вооружения Министерства обороны, Георгий Лазаревич Тарасов — начальником управления ГУЭРВ, главным энергетиком РВСН, Анатолий Григорьевич Фунтиков — первым заместителем начальника вооружения Министерства обороны, Георгий Александрович Тюлин — директором ЦНИИМАШ, затем заместителем и первым заместителем министра общего машиностроения, Георгий Степанович Нариманов — заместителем председателя научно-технического совета Министерства общего машиностроения.

С целью более четкого профилирования работ НИИ-4 в 1947 году было рекомендовано объединить научные отделы, образованные в 1946 году, в три сектора: управляемых ракет (первый начальник — инженер-полковник М. К. Тихонравов); неуправляемых зенитных снарядов (начальник — инженер-полковник К. К. Глухарев); ракетного точного приборостроения и электроники (начальник — инженер-полковник Ф. Д. Бовман). Кроме того, было рекомендовано создать два отдела прямого подчинения: стрельбы и боевого применения баллистических ракет (начальник — генерал-майор инженерно-артиллерийской службы Д. А. Мышецкий) и внешней баллистики (начальник — инженер-подполковник М. А. Розенберг). Вспомогательный сектор состоял из информационного, редакционно-издательского, технического отделов и возглавлял его ученый секретарь, в обязанности которого входила также подготовка научных кадров, заседаний ученого совета и других, в основном организационных вопросов.

Алексей Иванович терпеливо вникал во все научные, технические, хозяйственные и бытовые вопросы института. После доклада президенту Академии артиллерийских наук генерал-лейтенанту Благонравову о формировании научных и вспомогательных подразделений Нестеренко получил от него указание разработать и строго выполнять план научно-исследовательских работ, организовать взаимодействие института с промышленными НИИ, КБ и полигоном Капустин Яр.

В соответствии с указанием президента Академии артиллерийских наук в декабре 1946 года была создана комиссия для составления плана НИР на 1947–1948 годы и плана развертывания отделов, лабораторий и экспериментальных мастерских. Один только план научно-исследовательских работ института на 1947 год включал 37 тем, по которым к концу года было выпущено 146 отчетов. Выпуск такого большого количества отчетов, в основном обзорного характера, позволил командованию быстро включить весь коллектив сотрудников в

исследовательскую работу.

Одним из первых результатов научно-исследовательских работ явилось обоснование в 1947–1948 годах системы вооружения полевой реактивной артиллерии.

Алексей Иванович писал: «Преодолевая косность и консерватизм некоторых старших артиллерийских начальников, я и многие другие генералы и офицеры — бывшие командиры ГМЧ, начальники оперативных групп ГМЧ фронтов (Кулешов, Никольский, Вознюк и др.) вели большую работу и борьбу с их консервативными взглядами, спорили, доказывали необходимость дальнейшего развития реактивной артиллерии. Консерватизм некоторых артиллерийских и общевойсковых военачальников, к нашему счастью, не помешал ЦК КПСС и правительству правильно определить возможные перспективы развития ракетного вооружения, роль и значение этого нового вида оружия в будущей войне».

В связи с постановкой в институте поисковых научно-исследовательских работ по созданию новых типов пусковых установок для полевой реактивной артиллерии возникла необходимость проведения исследований в области газовой динамики свободных газовых струй реактивных снарядов. Проведенные газодинамические исследования под руководством члена-корреспондента Академии артиллерийских наук Ф. И. Франкля позволили создать упрощенную методику расчета параметров сверхзвуковых высокотемпературных газовых струй реактивных снарядов и их действия на плоские преграды. Были также разработаны тактико-технические требования Министерства вооруженных сил на полевые реактивные системы и снаряды. В процессе выполнения этих научно-исследовательских работ впервые были показаны возможности разработки топлив на основе перхлоратных солей, что послужило толчком к развертыванию работ над смесевыми твердыми топливами, без чего было бы невозможно в будущем создание твердотопливных ракет большой дальности. Вообще, 4-й НИИ был одной из первых организаций, начавших теоретические и экспериментальные исследования по определению возможности и путей создания баллистических ракет большой дальности на твердом топливе. Решались многие проблемы из этой области: отрабатывались рецепты смесевых твердых топлив, заряды внутреннего горения, теплозащитные и эррозионно-стойкие материалы.

Во время руководства институтом проявились незаурядные организаторские способности Алексея Ивановича. Прибыв в НИИ-4, он грамотно организовал прием, подбор и расстановку

научных кадров. В короткие сроки были сформированы научные и обслуживающие подразделения, организована финансово-хозяйственная деятельность института. Период становления НИИ-4 был сокращен до полутора — двух лет благодаря энергичным действиям Нестеренко и его заместителей и помощи со стороны руководства Министерства вооруженных сил.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов, как и в последующие периоды, достижения института в выполнении научно-исследовательских работ были связаны с именами многих выдающихся ученых, работавших в НИИ-4. Кроме заместителей Нестеренко Якова Борисовича Шора и Георгия Александровича Тюлина, можно назвать Михаила Клавдиевича Тихонравова, Николая Гавриловича Чернышева, Павла Ефимовича Эльясберга, Георгия Степановича Нариманова и др.

В подборе кадров для института была немалая заслуга Нестеренко. Так, Алексей Иванович узнал, что в НИИ-1 Министерства авиационной промышленности работает группа М. К. Тихонравова, которая занимается созданием ракет дальнего действия и использованием их для полета человека в космос. Он пригласил к себе Тихонравова и после беседы предложил всей группе перейти в НИИ-4, при условии, что она будет работать по профилю института. Одновременно договорились, что Нестеренко не будет препятствовать работе группы сверх плана над своей темой.

С 1947 года под руководством Михаила Клавдиевича Тихонравова проводились исследования возможных путей развития компоновочных схем ракет большой дальности. В 1947–1951 годах Тихонравов сформировал коллектив сотрудников-энтузиастов исследований по созданию межконтинентальных ракет и освоению космического пространства. Сначала в него входили Игорь Марианович Яцунский и Глеб Юрьевич Максимов. В 1950 году к работе в группе были привлечены также Лидия Николаевна Солдатова, Анатолий Викторович Брыков, Григорий Макарович Москаленко, Игорь Константинович Бажинов, Олег Викторович Гурко. С группой Тихонравова взаимодействовали такие ученые, как Владимир Николаевич Галковский и Ян Иванович Колтунов. В 1951–1957 годах в НИИ-4 работал будущий космонавт Константин Петрович Феоктистов.

Эти специалисты впервые в стране нашли принципиальные решения всех основных вопросов, связанных с созданием межконтинентальной ракеты, ракеты-носителя и искусственного спутника Земли. С полным основанием можно считать, что результаты выполненных в НИИ-4 в конце 1940-х — начале 1950-х годов исследований явились теоретическим фундаментом для

дальнейших работ по освоению космического пространства.

Для читателя будет интересным тот факт, что еще в 1946 году появилась докладная записка М. К. Тихонравова Сталину и министру авиационной промышленности М. В. Хруничеву о том, что есть возможность запуска в космос человека. 20 июня 1946 года Хруничев написал Сталину о предложениях М. К. Тихонравова и Н. Г. Чернышева:

> «Секретно
>
> ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР товарищу СТАЛИНУ И. В.
>
> По Вашему поручению мною рассмотрено предложение группы инженеров, руководимой товарищами Тихонравовым и Чернышевым, о создании ракеты, предназначенной для полета с двумя человеками и аппаратурой на высоту 100–150 километров.
>
> Представленный проект ракеты несколько тождественен с немецкой ракетой Фау-2, но с удлиненным корпусом, герметической кабиной для пилотов и приборов с увеличенными баками, с расчетом заливки горючего 9 тонн, вместо 8 тонн на Фау-2. Для рассмотрения этого предложения мною была создана экспертная комиссия под предводительством заместителя начальника ЦАГИ, академика Христиановича. Комиссия дала положительное заключение по идее, изложенной в предложении этой группы инженеров…
>
> Докладываю:
>
> Полет ракеты технически возможен. По имеющимся сведениям в Германии были полеты ракеты подобного типа на высоту до 30 километров.
>
> Вторая часть проблемы — спуск ракеты — связан с большими техническими трудностями, так как не исследованы такие вопросы, как спуск герметичной кабины без ракеты, работа различного рода автоматических устройств, управляющих полетом, отделение корпуса двигателя от ракеты в момент начала спуска и другие.
>
> <…> Одновременно докладываю, что в письме, адресованном на Ваше имя товарищами Тихонравовым и Чернышевым, назывался срок строительства высотной ракеты, близкий к году, после же рассмотрения всех материалов авторы называют уже срок два года. Следует отметить, что срок два года является минимальным и

весьма напряженным. Группа инженеров, возглавляемая тов. Тихонравовым, по своему инженерному опыту в этой области не является достаточно сведущей, за исключением самого тов. Тихонравова, который в области реактивной техники имеет опыт и навык. В связи с этим, если будет предрешен вопрос об организации бюро, эту группу придется усиливать за счет более опытных специалистов.

Требование товарищей Тихонравова и Чернышева о создании для работы над высотными ракетами специальной организации в виде института или лаборатории с производственной базой считаю преждевременным. Создание такой организации возможно только после проведения первых испытаний высотной ракеты на базе одного из институтов Министерства Авиапромышленности.

М. Хруничев».

Работая в НИИ-4 МО, группа Тихонравова провела громаднейшую расчетную работу и доказала, что с помощью пакетной ракеты, состоящей из одноступенчатых ракет с дальностью около тысячи километров, можно вывести на орбиту искусственный спутник Земли.

В последующие годы работы по искусственным спутникам Земли становились все более масштабными. Были разработаны научные основы управления спутниками различного назначения, проведения наблюдений и измерений координат искусственных спутников Земли. 14 июля 1948 года на научной сессии Академии артиллерийских наук М. К. Тихонравов выступил с докладом «Пути осуществления больших дальностей стрельбы ракетами», где предложил пакетную схему ракеты на базе существующих ракет. Свой доклад он заключил словами: «Таким образом, дальность полета ракет не только теоретически, но и технически не ограничена».

Доклад был воспринят скептически. К нему отнесся серьезно только Сергей Павлович Королев, работавший тогда главным конструктором ОКБ-1. Он специально приехал к Тихонравову в НИИ-4, увидел расчеты и графики и сказал окружившим его инженерам: «Вы — инженеры с большой буквы!» Королев ухватился за идею пакетной ракеты и наладил сотрудничество с Тихонравовым, воплотив его идеи в ракете Р-7. Тому есть документальные доказательства. Дневник Тихонравова свидетельствует о частых встречах с Королевым. Пункт о перспективности направления работ по пакетной схеме появился

в эскизном проекте ракеты Р-3 в 1949 году.

16 декабря 1949 года Королев направил в НИИ-4 техническое задание на выполнение научно-исследовательской работы «Исследование возможности и целесообразности создания составных ракет дальнего действия типа “пакет”». В сопроводительном письме к техническому заданию говорилось: «В связи с актуальностью работ по исследованию составных ракет типа “пакет”, проводимых в НИИ-4 МО под руководством члена-корреспондента Академии артиллерийских наук М. К. Тихонравова, НИИ-88 считает целесообразным заключение с НИИ-4 договора на эту работу с выдачей технического задания на ее выполнение».

В марте 1950 года в НИИ-4 МО состоялась научно-техническая конференция, на которой с большим докладом «Ракетные пакеты и перспективы их развития» выступил М. К. Тихонравов. Доклад показал возможность практической реализации составных ракет. В 1949–1950 годах группой Тихонравова был проработан двухступенчатый вариант «пакета» из трех ракет Р-3, стартовая масса каждой из которых была около 70 тонн, масса боевого заряда составляла три тонны, а дальность полета доходила до трех тысяч километров. В результате проведенных расчетов было установлено, что такой «пакет» может вывести на орбиту ИСЗ достаточно тяжелый груз.

Несмотря на неодобрение высокого начальства и сокращение группы Тихонравова до двух человек, Нестеренко продолжал поддерживать работу Михаила Клавдиевича. Они дружили семьями, все праздники и юбилеи отмечали вместе. Вклад Нестеренко, оценившего и поддержавшего группу Тихонравова в то время, когда еще никто не думал об искусственном спутнике, очень велик. Разве мог подумать тогда Алексей Иванович, что ему же будет поручено воплощать теорию в практику, вкладывая свой ум и энергию в создание космодрома Байконур, в испытания первой в мире пакетной межконтинентальной ракеты Р-7 и запуск первого в мире искусственного спутника Земли?

Алексей Иванович пишет, что «они своей работой заставили заниматься такие крупные, мощные организации, как ОКБ-1, НИИ-88». И далее: «Если бы я в свое время не предложил Михаилу Клавдиевичу работать на таких условиях, когда он сверх плана работал бы над задуманной им темой, не поддержал бы его, то вопрос об искусственных спутниках Земли у нас оттянулся бы еще на несколько лет. Группа М. К. Тихонравова сделала большое дело, и не случайно потом Сергей Павлович добился, чтобы М. К. Тихонравов был переведен в его КБ, где ему было поручено возглавить отдел перспективного развития ракетной техники».

Результаты исследований группы Тихонравова были изложены в отчетах НИИ-4 МО: «Исследование возможности и целесообразности создания составных ракет» (1950), «Исследование принципа ракетных пакетов для достижения больших дальностей стрельбы» (1951), «Выбор оптимальных вариантов ракет для стрельбы на большие дальности» (1952). На основании проведенных исследований в 1951 году был разработан и выслан в ОКБ-1 проект экспериментальной ракеты пакетной схемы, способной осуществить запуск ИСЗ.

Многие результаты исследований использовались при эскизном проектировании ракеты Р-7. Проект содержал раздел, посвященный проблемам создания ИСЗ, вывода его на орбиту и спуска на Землю. На официальной защите в 1956 году эскизного проекта первого ИСЗ С. П. Королев отметил, что проект спутника разработан в ОКБ-1 на основе исследовательских работ группы сотрудников НИИ-4 МО, возглавляемой М. К. Тихонравовым.

В апреле-июне 1948 года в НИИ-4 из Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского было переведено Научно-исследовательское бюро спецтехники ВВС (НИБС ВВС), возглавляемое кандидатом технических наук полковником Георгием Мироновичем Можаровским.

> «Совершенно секретно
>
> ПРИКАЗ МИНИСТРА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР № 0014
>
> “29” апреля 1948 года г. Москва
>
> СОДЕРЖАНИЕ: О передаче научно-исследовательского бюро спецтехники ВВС из ВВИА им. Жуковского в НИИ-4 Академии артиллерийских наук.
>
> Главнокомандующему Военно-Воздушными Силами ВС передать к 1 июля 1948 года из Военно-Воздушной Инженерной Академии им. Жуковского Научно-исследовательское бюро специальной техники ВВС по штату № 20/708 со всем личным составом, тематикой работ, финансовыми обязательствами, выделенным кредитом и лабораторным имуществом в Научно-исследовательский институт реактивного вооружения (НИИ-4) Академии артиллерийских наук.
>
> Исполнение донести.
>
> Заместитель министра Вооруженных сил Союза ССР
> Маршал Советского Союза
> ВАСИЛЕВСКИЙ».

Сотрудники научно-исследовательского бюро были распределены по отделам института. Прибывшие с

Г. М. Можаровским сотрудники были высококлассными специалистами, многие из них заняли в последующем высокие должности в институте и в других организациях — Г. С. Нариманов, П. А. Агаджанов, П. А. Мельников, А. В. Шишкин, Л. Т. Тюрин, М. М. Бавыкин.

Одновременно с изучением баллистических ракет дальнего действия и началом разработки их первых образцов были начаты поиски путей борьбы с ними, результаты которых нашли свое отражение в изобретении Г. М. Можаровского по созданию наземной системы противоракетной обороны по принципу «ракета против ракеты» при радиолокационном обеспечении. В процессе исследований был разработан аванпроект системы ПРО отдельного района от баллистических ракет с дальностью полета до трех тысяч километров, определены пути и потребные усилия для практической реализации этой системы. Один из разделов аванпроекта системы ПРО был посвящен выяснению и учету влияния отделяющихся частей ракет (обтекателя и др.), мешающих перехвату головных частей. Исследование роли отделяющихся элементов, являющихся одиночными радиолокационными отражателями, создало предпосылки для изучения в дальнейшем способов противодействия системам противоракетной обороны.

В декабре 1949 года заданная комплексная НИР была завершена выпуском итогового отчета в объеме тридцати трех книг и шестнадцати приложений, в которых обоснованы тактико-технические требования (ТТТ) к системе противоракетной обороны района. В процессе работ был выполнен ряд важных исследований, послуживших в дальнейшем основой для создания самостоятельных областей и направлений развития ракетной техники, и в частности — преодоления противоракетной обороны. К числу таких направлений относятся:

исследование радиолокационных характеристик ракет и головных частей;

радиолокационное наблюдение за полетом ракет на полигонах Министерства обороны;

поиск областей применения вычислительных машин для повышения уровня автоматизации работы систем противоракетной обороны;

динамика движения тел с жидким наполнением под действием управляющих сил;

разработка радиолокационных станций противоракетной обороны.

Особенно продуктивно в данных направлениях работали сотрудники института П. А. Агаджанов, И. И. Гребенщиков,

Г. И. Левин, А. М. Бахрамов, М. М. Бавыкин.

Материалы НИР были в 1954 году использованы отечественной промышленностью при разработке и создании экспериментального полигонного варианта системы противоракетной обороны. Группа ученых под руководством А. А. Ильюшина и И. Е. Шашкова доказала возможность устойчивости летательных аппаратов независимо от взаимного расположения центра давления и центра тяжести с помощью разных стабилизаторов.

Коллектив ученых и сотрудников ЦНИИ-4 принимал участие в проектировании всех экспериментальных и боевых ракетных комплексов. К числу наиболее значимых фундаментальных исследований и разработок, осуществленных в институте в 1946–1951 годах, можно отнести:

методику расчета и составления таблиц для первых ракет; в декабре 1950 года был разработан проект инструкции по отстрелу и составлению таблиц стрельбы ракетами дальнего действия (разработчиком таблицы стрельб был видный ученый П. Е. Эльясберг). Временные таблицы были составлены в 1951 году;

методику расчета полетных заданий для следующих поколений ракет;

работы по исследованию конструкций корпусов ракет;

исследования жидкостных (Г. С. Наримановым были проведены исследования влияния колебаний компонентов топлива в баках на устойчивость движения летательных аппаратов) и твердотопливных реактивных двигателей;

исследования ракетных топлив;

разработку тактико-технических требований на автономную систему управления межконтинентальных баллистических ракет;

обоснование принципов построения высокоточных систем управления на базе бортовых цифровых вычислительных машин и многое другое.

В 1947–1949 годах проведен целый комплекс научно-исследовательских работ по определению перспектив развития автономных систем управления. Разработана инженерная методика расчета систем автоматического регулирования полета ракеты, впервые сформулирована общая постановка задачи управления и стабилизации движения ракеты, исследованы в теоретическом плане вопросы устойчивости для случая нестационарного движения. В 1948 году впервые в отечественном ракетостроении разработана теория гироскопических приборов типа «Вертикант» и «Горизонт». Проанализированы возможные ошибки этих приборов.

Развитие ракетной техники во многом зависело от разработки новых материалов, особенно для двигательных установок. В 1946–1948 годах в институте был выполнен ряд научно-исследовательских работ по анализу применяющихся в ракетной технике материалов. Лабораторная база позволяла провести такой анализ (сотрудниками института П. Р. Шелепухиным и Н. Л. Кафенгаузом была создана специальная экспериментальная установка для его проведения). На основе анализа свойств различных материалов была показана целесообразность применения для изготовления внутренней оболочки камеры сгорания хромистой бронзы. Постановлением Совета министров СССР от 13 февраля 1953 года № 443–213 группе организаций в составе НИИ-4 (головной), Государственного института редких металлов, Московского института цветных металлов совместно с ленинградским заводом «Красный выборжец» были поручены разработка технологии выплавки и прокатки хромистой бронзы и внедрение ее в производство жидкостных ракетных двигателей, разрабатываемых ОКБ-456 Министерства авиационной промышленности. Эта работа закончилась позже разработкой и рекомендацией к применению в жидкостных ракетных двигателях жаропрочных высокотеплопроводных медных сплавов.

Институт разрабатывал, участвовал в создании и эксплуатации измерительных комплексов для всех ракетных полигонов и космодромов. Были также проведены исследования и задолго до начала промышленных разработок обоснованы возможность и целесообразность создания железнодорожного ракетного комплекса. Предложения не нашли реализации в силу ряда недостатков комплекса (ограниченный маневр, трудности маскировки, сложность боевого управления). Эти идеи воплощены в практику только в 1980-е годы, когда, используя новейшие достижения науки и техники, были разработаны и приняты на вооружение боевые железнодорожные ракетные комплексы.

Институт имел отделы, занимавшиеся проблемами улучшения характеристик жидких и твердых топлив. Наличие таких отделов обеспечивало высокий уровень исследований в крайне важной тогда области ракетостроения — в области ракетных двигателей.

В 1950–1951 годах были приняты на вооружение две первые баллистические ракеты оперативно-тактического назначения Р-1 и Р-2. В создании и испытаниях этих ракет активное участие принимал и 4-й НИИ. Его ученые сыграли важную роль в разработке проблем баллистики управляемых ракет большой

дальности и, в частности, в моделировании их полета, составлении таблиц стрельбы, без которых ракеты не могли быть приняты на вооружение.

Характерной чертой работы института было то, что все результаты исследований, выполнявшихся их учеными, находили практическую реализацию. Созданная в первые годы лабораторно-испытательная база позволяла проводить всесторонние исследования по обоснованию тактико-технических требований к ракетному вооружению и обеспечивающим системам, предложений по их развитию и совершенствованию. Был построен ряд корпусов, в которых размещались научные подразделения и лаборатории, созданы экспериментальный завод и КБ, способные производить практически любые опытные элементы техники, которой занимался институт.

Алексей Иванович был прогрессивным человеком и видел перспективы нового дела. Он участвовал в работах по исследованию зенитных управляемых снарядов для ПВО страны, по спуску и мягкой посадке на Землю с помощью парашютно-тормозной системы груза, сбрасываемого с самолета (за это ему в составе группы разработчиков 14 марта 1951 года присуждена Сталинская премия 3-й степени).

В 1947–1950 годах в НИИ-4 проводились исследования по крылатым ракетам большой дальности и перспективам их развития. С 1949 года велись исследования по разработке высотной ракеты и ракетного зонда, которые завершились выпуском эскизного проекта системы для отработки приземления людей и животных, размещенных в кабине, запускаемой при помощи ракеты Р-1.

В конце 1946 года на 4-м ГЦП начались работы по подготовке и проведению первых пусков ракет А-4 и Р-1. В баллистическом обеспечении пусков этих ракет активное участие принимал НИИ-4. Научный отчет института № 1 «Внешняя баллистика дальнобойных реактивных снарядов типа А-4» был посвящен решению основных вопросов баллистики ракеты.

В 1947–1949 годах в институте была разработана инженерная методика расчета систем автоматического регулирования полета ракет, впервые сформулирована общая постановка задачи управления и стабилизации движения.

Научно-исследовательские работы начального периода деятельности НИИ-4 были направлены на глубокое изучение принципов действия отечественных и зарубежных головных частей и автоматики подрыва боевых зарядов. Проводились также исследования по стартовым комплексам и наземному технологическому оборудованию для перспективных ракет

дальнего действия, полевых реактивных снарядов, зенитных и противоракетных систем. В работах института 1948–1950 годов, посвященных перспективам развития наземного технологического оборудования для жидкостных ракет дальнего действия, сотрудниками института К. Д. Масленниковым, В. И. Путвинским, Н. В. Слобожановым было доказано, что при дальности стрельбы ракетой на тысячу и более километров целесообразно создание стационарных стартовых комплексов, поскольку подвижные комплексы жидкостных ракет типа тех, что применялись для ракет Р-1 и Р-2, для таких ракет представлялись в то время слишком громоздкими и имеющими низкую боевую готовность.

С 1950 года в институте начались исследования по стартовым комплексам межконтинентальных ракет. Были проанализированы принципиальные схемы подготовки таких ракет к пуску, различные способы установки ракет на пусковое устройство, заправки и прицеливания.

В 1946–1948 годах институтом были выполнены научно-исследовательские работы обзорного и поискового характера с целью изучения и разработки специальных полигонных измерительных комплексов. В весьма короткие сроки институт силами своих специалистов осуществил доработку радиолокационных станций наведения и корректировки огня зенитной артиллерии американского и английского производства. Сотрудники института принимали участие в подготовке боевых расчетов для этих станций, непосредственно участвовали в организации работ и пусках ракет на полигоне Капустин Яр.

На 4-м ГЦП с участием НИИ-4 в 1947 году была создана служба единого времени, располагающая комплексом аппаратуры генерирования, формирования, усиления и передачи сигналов времени потребителям. В 1949 году была создана система единого времени, однако в начале 1950-х годов в связи с разработкой ракет с дальностью полета более тысячи километров возникла проблема значительного улучшения ее характеристик. К обоснованию возможностей создания совершенной системы единого времени в институте приступили в 1953 году.

Огромная работа в первые три года существования института была проведена по созданию его экспериментальной и производственной базы.

Для материально-технического обеспечения НИР и развития института в 1946 году были созданы соответствующие отделы, возглавляемые заместителем начальника института по МТО. В первые годы их основной задачей было снабжение института приборами, химическими реактивами, взрывчатыми веществами,

порохами, двигателями реактивных снарядов, экспериментальных мастерских — необходимыми материалами, оборудованием.

Не следует думать, что НИИ-4 существовал в «тепличных условиях»: его деятельность находилась под строгим контролем государственных и военных структур, требовавших от сотрудников и руководителей института полной отдачи. В ходе аттестации, проведенной в конце 1947 года, немало претензий было высказано и в адрес начальника института.

«Аттестация

за период с ноября 1946 г. по декабрь 1947 г. на начальника института реактивной техники (НИИ-4) вооружения Академии артиллерийских наук гвардии генерал-лейтенанта артиллерии Нестеренко Алексея Ивановича.

Во время Великой Отечественной войны тов. Нестеренко зарекомендовал себя энергичным, решительным, обладающим широким кругозором генералом — в должностях начальника оперативной группы ГМЧ и зам. командующего артиллерией фронта по ГМЧ.

На должности начальника института несколько более года. За это время под его руководством происходило формирование института.

Институт далеко еще не стал полноценно работающей организацией, не имея основных рабочих подразделений — лабораторий. Наиболее серьезным тормозом в развитии института является срыв строительных работ не по вине начальника института. Однако многие из работ институт сумел обеспечить, пользуясь чужой базой, и организовать нормальный их ход, хотя и в затруднительных условиях. Институт далеко не полно укомплектован кадрами, а из числа имеющихся кадров значительное количество лиц не является ценными для института работниками.

В вопросе подбора кадров т. НЕСТЕРЕНКО не проявил должного внимания. Рассчитывая на нормальный ход строительства, задержал развитие некоторых лабораторий, которые могли бы быть организованы ранее.

Сам дисциплинирован, но не всегда умеет держать в руках подчиненных. Не уделил внимания батальону охраны института, в результате чего в этом

подразделении крайне слаба воспитательная работа, а офицерский состав пытается насадить дисциплину только карательными мероприятиями и не всегда правильными.

Тов. Нестеренко сам взялся за ведение научной работы по изучению и обобщению опыта войны, но пока еще на этом поприще себя не выявил. В административном отношении авторитетом пользуется. Политически достаточно развит, безусловно предан делу партии Ленина — Сталина и Социалистической Родине. Состояние здоровья хорошее.

Может быть оставлен в занимаемой должности, но с указанием на необходимость более активного включения в научную работу, более тщательного изучения своих подчиненных и поднятия дисциплины среди офицерского состава.

Президент Академии артиллерийских наук генерал-лейтенант артиллерии БЛАГОНРАВОВ

Аттестация утверждена заместителем Командующего артиллерией ВС СССР маршалом артиллерии М. Н. ЧИСТЯКОВЫМ 30 декабря 1947 года».

В 1947 году в НИИ-4 был создан стенд для огневых испытаний ЖРД тягой до 100 килограммов, работающий на спирте и газообразном кислороде. В 1948–1949 годах появились второй и третий стенды, в 1950–1951 годах — четвертый и пятый. Кроме того, были построены три лаборатории, две экспериментальные установки, пороховая мастерская, экспериментальные мастерские при основных отделах института. В институте были построены и функционировали экспериментальные установки для исследования механического воздействия взрыва на объекты и технику, взрывная камера для изучения физики действия воздушной ударной волны с различными преградами, метательные высокоскоростные взрывные установки, термобарокамера для исследования механического воздействия высотного ядерного взрыва и многое другое.

В неприспособленных помещениях к началу 1947 года были размещены пять цехов экспериментальных мастерских, оснащенных в основном трофейным оборудованием. В 1948 году численность рабочих экспериментальных мастерских составляла 90 человек. В середине года по чертежам отдела жидкостных двигателей был изготовлен двигатель для работы на тетранитрометан-керосине, имевший тягу 500 килограммов. Этот

двигатель явился первой продукцией экспериментальных мастерских.

В 1949 году в институте был создан конструкторский отдел. В него вошли лучшие инженеры-конструкторы из конструкторских групп научных подразделений, имеющие знания и опыт по проектированию экспериментальных двигательных установок на жидком, твердом и комбинированном топливах, приборов систем управления, головных частей и взрывателей, а также всевозможных испытательных стендов для лабораторной базы. Была создана единая конструкторско-производственная база в виде конструкторского отдела и экспериментальных мастерских для эффективного обеспечения научных исследований. Позже, в 1951–1955 годах, было завершено строительство нового производственного корпуса площадью 6185 квадратных метров для мастерских, которые были преобразованы в экспериментальный завод.

В целом с 1946 по 1954 год на территории института было построено семь капитальных лабораторно-производственных зданий суммарной площадью свыше 20 тысяч квадратных метров.

Нестеренко посетил ОКБ-1, познакомился с С. П. Королевым, а также со всеми руководителями КБ, занимающимися ракетами и оборудованием для их испытаний. Уже на стадии разработки он подключал свои научные подразделения к работам по их профилю. Тесное взаимодействие с разработчиками обеспечивало ускорение выполнения научно-исследовательских работ и их практическую ценность.

Начиная с первого плана НИР института, сформированного в 1947 году, значительная часть работ выполнялась в тесном взаимодействии с заказывающими управлениями и организациями Министерства обороны и промышленности — 4-м управлением Главного артиллерийского управления Министерства обороны, 4-м Государственным центральным полигоном Министерства обороны, ленинградским полигоном «Ржевка», Софринским артиллерийским полигоном, Академией химзащиты, ВА им. Ф. Э. Дзержинского. Основной проблемой, для решения которой строились отношения с научно-исследовательскими институтами и конструкторскими бюро промышленности, было создание первых управляемых баллистических ракет дальнего действия. Здесь НИИ-4 работал в тесном сотрудничестве с НИИ-88 Министерства вооружения, НИИ-885 Министерства промышленности средств связи, НИИ-1 Министерства авиационной промышленности. Совместно исследовались вопросы устойчивости полета ракет, изучались летно-технические характеристики (баллистика) ракет. С

НИИ-125 Министерства сельскохозяйственного машиностроения, НИИ-6 Министерства химической промышленности, ОКБ Московского энергетического института, Государственным институтом прикладной химии проводились многие исследования топлив. Развивалось сотрудничество с Ленинградским государственным оптико-механическим заводом и другими организациями и предприятиями. При выполнении исследований в области зенитных ракет НИИ-4 тесно взаимодействовал с научно-исследовательскими институтами и конструкторскими бюро, выполнявшими заказы войск ПВО.

Генерал-лейтенант Юрий Александрович Мозжорин, служивший в 1947–1955 годах в баллистическом отделе Управления реактивного вооружения ГАУ, характеризуя этот период, писал: «Непрерывно шли испытания, частые продолжительные командировки, разрабатывались новые ракеты, дорабатывались старые, организовывалось серийное производство принятых на вооружение ракет дальнего действия. Подготавливались многочисленные документы по техническим характеристикам разрабатываемых и испытываемых ракет, на их доработку, устранение недостатков и усовершенствование отдельных агрегатов, систем и аппаратуры… Конструкторские бюро и заводы работали с удивительным напряжением и эффективностью».

Помимо традиционных методов взаимодействия между заказчиками и исполнителями научно-исследовательских работ, согласования технических заданий, приема результатов, выдачи заключений и т. д. широкое распространение получило непосредственное участие представителей заказывающих управлений в работе научных совещаний и научно-методических советов подразделений института, на которых рассматривались и обсуждались материалы итоговых и промежуточных отчетов, а также отдельные, наиболее важные результаты. Такая форма взаимодействия существовала на протяжении многих лет и способствовала более качественному выполнению научно-исследовательских работ и более полной реализации результатов.

Алексей Иванович лично посещал многие организации, знакомился с руководителями, договаривался о совместной работе. В ходе этих встреч определялись основные направления сотрудничества.

НИИ-4 добился больших успехов, часто опережая промышленные организации и конструкторские бюро в исследованиях перспектив развития новых видов вооружения и нередко подсказывая промышленности решение отдельных научно-технических задач. Исследуя вновь создаваемые боевые

ракетные комплексы, институт завоевал авторитет и начал работы по обоснованию тактико-технических требований к ракетным комплексам и всем системам.

«Аттестация

за период с декабря 1947 г. по октябрь 1949 г. на начальника института реактивного вооружения Академии артиллерийских наук МВС СССР гвардии генерал-лейтенанта артиллерии Нестеренко Алексея Ивановича.

Во время Великой Отечественной войны тов. Нестеренко зарекомендовал себя энергичным, решительным, обладающим широким кругозором генералом — в должностях начальника оперативной группы ГМЧ и зам. командующего артиллерией фронта по ГМЧ.

Будучи назначен начальником института, руководил его формированием в трудных условиях, вытекавших из отсутствия необходимых квалифицированных кадров, затяжки строительных работ и новизны дела. Несмотря на далеко еще недостаточное развитие института, на необходимость в ряде случаев проводить работы, пользуясь сторонней экспериментальной базой, к 1949 году институт приобрел лицо научно-исследовательской организации, способной вести серьезные научные работы по реактивной технике. Наряду с полноценно проведенными работами, в институте встречаются случаи не вполне качественного выполнения работ, объясняемые несвоевременным контролем за ходом их выполнения и отсутствием лиц, обладающих должной научной квалификацией.

Не будучи лично в состоянии охватить глубоко все вопросы многосторонней тематики работ института, тов. Нестеренко вынужден полагаться на работу своих заместителей и ближайших помощников, не всегда также обладающих необходимым опытом, что иногда приводит к неправильной оценке состояния работ. В результате этого получается, что тов. Нестеренко, будучи человеком твердого и решительного характера, иногда попадает под влияние подчиненных ему лиц, которым он привык доверять больше, чем другим и не всегда правильно разбирается в необходимых мероприятиях.

Большое внимание уделяет вопросам материального обеспечения института, иногда увлекаясь чрезмерными

масштабами, в результате чего в институте были случаи излишнего накопления неиспользуемых для работы материальных ценностей.

Трудолюбив, безусловно честен и прям в высказываниях своих мыслей. Лично дисциплинирован. Военную тайну хранить умеет. Не полностью добился наведения порядка в работе подчиненных, обеспечивающего исключение мелких нарушений в существующих правилах ведения работы, связанной с секретными объектами.

Морально и политически устойчив. Делу партии Ленина-Сталина предан. Лично включился в ведение работы по вопросам боевого применения и реактивного вооружения; наличие боевого опыта у тов. Нестеренко определяет возможности непосредственного его участия в таких работах.

Состояние здоровья хорошее.

Целесообразно командировать на ВАК при Высшей Военной Академии, поскольку тов. НЕСТЕРЕНКО более соответствует по своим личным качествам и подготовке должностям, связанным с руководством боевой подготовкой. Заключение подкомиссии Высшей аттестационной комиссии 1948 года о несоответствии тов. Нестеренко занимаемой должности по специальной своей подготовке не было реализовано в связи с крайними затруднениями в подборе лучшей кандидатуры на должность начальника института.

Президент Академии артиллерийских наук генерал-лейтенант артиллерии БЛАГОНРАВОВ

Аттестация утверждена заместителем Военного министра Союза ССР Маршалом Советского Союза Соколовским В. Д. 9 мая 1950 года».

На фоне всего сделанного в НИИ-4 под руководством А. И. Нестеренко более чем странно выглядят заключения двух комиссий, проверявших деятельность института в 1950 и 1951 годах.

Вот извлечение из приказа военного министра СССР от 20 апреля 1950 года № 0084 «О результатах проверки работы научно-исследовательского института № 3 и использования оборудования и приборов в Научно-исследовательском институте № 4 Академии артиллерийских наук»:

«Проверкой установлен целый ряд существенных недостатков, основными из которых являются:

По научно-исследовательскому институту № 4

Несмотря на вскрытые в 1947–1949 годах Финансовым управлением факты нерационального расходования средств на приобретение оборудования и бесхозяйственного его использования и хранения, Министерством государственного контроля СССР в декабре 1949 года вскрыты в деятельности института следующие факты:

1. Приобретение дорогостоящего оборудования и приборов производится институтом бесхозяйственно, без учета тематики Института, вследствие чего это оборудование длительное время хранится без использования.

В апреле 1948 года вместо необходимого 10 отделу компаратора, по заявке начальника этого отдела, был приобретен стереокомпаратор стоимостью 177 150 рублей, который за ненадобностью был передан артиллерийской академии им. Дзержинского.

2. На складах МТО института хранится большое количество материальных ценностей, ненужных институту.

По неполным данным, на складах НИИ-4 находится на 1 164 125 рублей ненужного институту оборудования и на 237 863 рубля излишних материалов, длительное время не используемых институтом и подлежащих реализации.

3. В институте установилась незаконная практика заключения договоров на выполнение работ с научными и инженерно-техническими обществами, с допущением при этом перерасхода государственных средств. Так, в июле 1949 года институтом был заключен договор с научно-исследовательской лабораторией приборостроения Московского отделения Всесоюзного химического общества имени Менделеева при Академии наук СССР на изготовление 4 шестишлейфовых осциллографов стоимостью 64 тысячи рублей каждый, в то время, как на отечественных заводах изготавливаются осциллографы типа МОП-2 более лучшей конструкции и стоимостью 24 тысячи рублей каждый, т. е. на 40 тысяч дешевле заказанных институтом.

Особенно серьезные нарушения имели место при заключении договоров с артиллерийской академией имени Дзержинского. В октябре 1947 года НИИ-4 заключил договора на проведение 2 работ, не

предусмотренных тематическим планом института. Договора были заключены по распоряжению вице-президента ААН тов. Струсельбы, причем по одной из работ, не предусмотренной тематическим планом НИИ-4 (профессора Франкля), были выплачены деньги на 4 месяца раньше подписания договора, чем институтом было допущено серьезное нарушение договорной и финансовой дисциплины.

В целях устранения отмеченных недочетов в хозяйственной деятельности, грубых нарушений в приобретении и использовании оборудования и приборов, выявленных Министерством государственного контроля СССР в научно-исследовательском институте № 4 ААН

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Президенту Академии артиллерийских наук: а) в тематике научно-исследовательских работ сосредоточить основное внимание на вопросах артиллерийского вооружения;

<…> е) строго руководствоваться при приобретении оборудования, аппаратуры и приборов и использовании их указаниями Постановления Совета Министров СССР от 30 января 1950 года № 397–137 и приказа МВС № 0047 от 20 февраля с. г.;

ж) факты необоснованного приобретения и бесхозяйственного использования оборудования, приборов и аппаратуры расследовать и лиц, виновных в этом, наказать своей властью;

з) к 1 июня с.г. доложить мне о принятых мерах по улучшению использования приобретенного институтами ААН оборудования, приборов и аппаратуры и передаче в установленном порядке ненужного институтам оборудования и излишних материалов и инструмента;

л) повысить большевистскую требовательность к качеству и своевременному выполнению работ, создав благоприятные условия для развертывания деловой критики и самокритики…

3. За непринятие мер к наведению порядка в заключении договоров, контроля за их выполнением и использованием оборудования, аппаратуры, приборов и материалов начальнику НИИ-4 генерал-лейтенанту артиллерии Нестеренко — объявить выговор. <…>

Заместитель военного министра Союза ССР Маршал Советского Союза В. Соколовский».

Летом 1951 года была проведена новая проверка, организаторы которой пришли к выводу, что руководство НИИ-4 не сделало выводов из предыдущей критики. Поэтому были приняты новые, более радикальные решения. Вот извлечение из приказа военного министра СССР от 18 сентября 1951 года № 00 212 «О результатах проверки работы научно-исследовательских институтов № 3 и № 4 Академии артиллерийских наук»:

> «Руководство НИИ № 3 и № 4, а также Президент ААН приказом № 0084 от 20 апреля 1950 года обязывались улучшить работу институтов, сосредоточив основное внимание в их работе на важнейших вопросах артиллерийского вооружения, а также усилить контроль за качеством выполняемых научно-исследовательских работ.
>
> Проверкой работы этих институтов установлено, что руководство НИИ-3 и НИИ-4 и Президиум ААН должных выводов из приказа военного министра для своей практической работы не сделали и по существу приказ не выполнили.
>
> В этих институтах по-прежнему имеют место следующие недостатки:
>
> II. По научно-исследовательскому институту № 4 ААН
>
> 1. Президиум ААН и руководство НИИ-4 не выполнили поставленных перед ними задач в области развития научной работы по реактивному вооружению.
>
> За пять лет существования НИИ-4 ААН выполнил совершенно недостаточное количество полезных научных работ по реактивному вооружению, мало занимается вопросами обоснования тактико-технических требований к образцам реактивного вооружения и усовершенствованием методов его испытания.
>
> 2. Одной из основных причин неудовлетворительной работы НИИ-4 является слабое руководство институтом со стороны… начальника института и его заместителей.
>
> Среди работников института имеется стремление уклониться от сложных и актуальных научных тем и заменить их второстепенными работами.
>
> В планах НИИ-4 имеется значительное число тем, не свойственных военному институту, на выполнение которых отвлекаются значительные силы института в ущерб основной его тематике.

3. Руководство научной работой института неудовлетворительное. Вопросу подбора заместителей начальника НИИ-4 по специальностям должного внимания не уделялось, что отрицательно сказывается на всей научной деятельности института. Некоторые заместители по научной работе (т.т. Глухарев, Овчинников) не имеют достаточной подготовки для обеспечения руководства подчиненными им отделами и лабораториями.

В институте до сих пор находятся работники, которые по своей квалификации не способны к научно-исследовательской работе.

4. Начальник НИ И-4 генерал-лейтенант артиллерии Нестеренко и заместитель начальника института по политической части полковник Лапаев не уделяли должного внимания политико-воспитательной работе среди личного состава и не вели решительной борьбы с нездоровыми склочными настроениями отдельных работников института. Это привело к тому, что среди здорового коллектива работников института имеются отдельные лица, которые продолжительное время занимаются склоками и создают нездоровую обстановку в НИИ-4.

ПРИКАЗЫВАЮ:

<…> 3. Начальника НИИ-4 генерал-лейтенанта артиллерии Нестеренко А. И., как не обеспечившего руководства институтом, от занимаемой должности освободить.

Президенту ААН в 10-дневный срок представить из системы ААН на должность начальника НИИ-4 и практические предложения по укреплению института необходимыми научными кадрами.

4. Для пользы службы освободить от работы в НИИ-4 инженер-полковника Овчинникова П. А. и направить его на другую работу с использованием по специальности.

5. За неудовлетворительное выполнение своих служебных обязанностей по руководству научной деятельностью НИИ-4 секретарю 4 отделения ААН полковнику Шапиро объявить замечание.

Военный министр Союза ССР Маршал Советского Союза ВАСИЛЕВСКИЙ».

Излагаем позицию некоторых авторов по этому вопросу. Несмотря на то, что деятельность А. И. Нестеренко в НИИ-4 всеми

оценивалась положительно, в сентябре 1951 года он был снят с должности. Как утверждал генерал-полковник А. А. Максимов, это случилось из-за того, что Нестеренко написал в ЦК докладную записку, где назвал работу группы С. П. Королева по созданию ракет типа Фау-2 экономической диверсией. Он мотивировал это тем, что Фау-2 в войне никакой погоды не сделали из-за низкой точности. Наши ракеты того времени имели точность восемь километров по дальности и четыре километра по боковому отклонению. Так что докладная имела под собой достаточные основания. Однако многие коллеги Нестеренко испугались репрессий и расценили этот поступок как предательство.

Надо сказать, что в те годы отношение к ракетам вообще было весьма скептическим. Например, известный авиаконструктор А. С. Яковлев доказывал, что немцы проиграли войну чуть ли не потому, что увлеклись ракетостроением в ущерб авиации. В 1940-е — в начале 1950-х годов мало кто верил и в ракеты и в завоевание космоса, и даже Королев, услышав впервые предложения Тихонравова, усомнился в их осуществлении в ближайшее время. Только приехав к Тихонравову в НИИ-4 и посмотрев его расчеты и графики, он убедился в осуществимости космического полета в ближайшее время с помощью новых пакетных ракет, созданных на базе уже существующих.

Не менее интересен и такой факт. Президиум Комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства при Совете министров СССР 27 февраля 1951 года единогласно принял решение о присуждении Сталинских премий за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы в области военной техники за 1950 год создателям ракеты дальнего действия Р-1. Однако Советом министров это решение не было поддержано и Сталинская премия не была присуждена ни С. П. Королеву, ни В. П. Глушко, ни Н. А. Пилюгину, ни В. И. Кузнецову, ни М. С. Рязанскому, ни В. П. Бармину, ни остальным шестидесяти двум соавторам этих работ.

Несмотря на то, что Алексей Иванович всей своей последующей жизнью доказал беззаветную преданность ракетам, ему не простили его ошибки даже через много лет. Совет ветеранов Байконура вместе с другими организациями к семидесятилетию А. И. Нестеренко вышел с ходатайством о присвоении ему звания Героя Советского Союза, которое он безусловно заслужил более многих околокосмических героев из Москвы (имевших, кстати, в своем «активе» куда более серьезные и к тому же небескорыстные ошибки). Однако обращение оставили без последствий.

При изучении этой истории возникает много вопросов. Кто не простил поступок Алексея Ивановича? Если это было руководство страны или Министерства обороны, то как объяснить последующие назначения Нестеренко на самые ответственные должности? Если его не могли простить сотрудники королевского НИИ-88, то возникает логичный вопрос — а кто они такие? Они что, руководили страной, вооруженными силами, могли распоряжаться судьбами людей? К тому же неизвестно, писал ли на самом деле Нестеренко записку с критикой ракетной программы. Ее текст в архивах не найден, и ни С. П. Королев, ни другие конструкторы нигде не упоминали о ней.

Нам кажется вероятным другой, более простой вариант. Академия артиллерийских наук оказалась не слишком компетентной организацией (в перспективе это и привело к ее ликвидации в апреле 1953 года), поэтому во время проверок ее начальник Благонравов сдавал своих начальников институтов и даже подливал масла в огонь, когда чувствовал, что над ним сгущаются тучи. Иначе как объяснить, что и через полтора года после отстранения Нестеренко от должности комиссия Министерства обороны снова отмечала в деятельности его НИИ те же недостатки?

Минуло более шестидесяти лет, как Алексей Иванович оставил свой пост начальника НИИ-4, но его сотрудники и жители выросшего вокруг института подмосковного города Юбилейного чтут память первого начальника и основателя первых военных городков. Именем Нестеренко названа одна из главных улиц города Юбилейного, где на административном здании к его девяностолетию была установлена мемориальная доска. В ее открытии приняли участие бывшие слушатели спецнабора Артиллерийской академии Э. В. Алексеев и М. М. Бордюков, рассказавшие молодым жителям города о жизненном и боевом пути генерал-лейтенанта Нестеренко.

> «ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 11.06. 96 № 255-ПГ г. Москва
>
> О переименовании улицы 2-го микрорайона г. Юбилейного в улицу имени А. И. Нестеренко Рассмотрев материалы, представленные администрацией и собранием представителей г. Юбилейного, а также ходатайства руководства и коллективов 4 Центрального научно-исследовательского института Министерства обороны Российской Федерации, 50-го Центрального научно-исследовательского института Военно-космических сил, Совета ветеранов г. Юбилейного, постановляю:

1. Переименовать улицу 2-го микрорайона г. Юбилейного, на которой расположены дома № 21,22,23,33,37,38,92,40,49, здания администрации и Собрания представителей города, военторга № 858 и УНР № 336, — в улицу имени А. И. Нестеренко.

2. Рекомендовать администрации города Юбилейного установить на одном из домов улицы мемориальную доску и выполнить необходимые организационно-технические мероприятия.

Глава администрации Московской области А. С. Тяжлов».

В последние годы жизни Нестеренко тяжело болел и не мог присутствовать на торжественных мероприятиях, которые никогда не пропускал раньше. В такие дни, особенно перед Днем Победы, представители командования института посещали заслуженного ветерана дома. С таким поручением генерал-майор М. М. Бордюков побывал у Алексея Ивановича в последний год его жизни, когда он постоянно жил в подмосковном городе Видное. Долго вспоминали институт. Алексей Иванович был растроган, он очень дорожил вниманием бывших сослуживцев и подчиненных.

С января 1952 года по 22 января 1953 года А. И. Нестеренко служил в должности заместителя командующего артиллерией Белорусского военного округа. В декабре 1952 года очередная аттестация подтвердила:

«АТТЕСТАЦИЯ

За период с ноября 1949 года по ноябрь 1952 года

На заместителя командующего артиллерией Белорусского военного округа генерал-лейтенанта артиллерии НЕСТЕРЕНКО Алексея Ивановича.

Недостатки, отмеченные в предыдущей аттестации в 1949 году — Указано на несоответствие должности по специальной своей подготовке.

Выводы по аттестации за 1949 год — Должности (начальника НИИ-4 ААН) не соответствует. В 1950 году необходимо командировать на ВАК Высшей Военной академии.

ТЕКСТ АТТЕСТАЦИИ

Генерал НЕСТЕРЕНКО А. И. в должности заместителя командующего артиллерией округа работает с января месяца 1952 года. До этого 5 лет был начальником НИИ-4 Академии Артиллерийских Наук.

Будучи оторванным от непосредственной жизни войск и боевой подготовки, в работе встречает значительные затруднения.

С первых дней вступления в данную должность генерал Нестеренко серьезно взялся за дело, осваивая новый характер работы и в настоящее время твердо стал на путь, который обеспечит ему нормальный дальнейший рост. Систематически работает над повышением своих знаний по вопросам артиллерийско-стрелковой подготовки, а также оперативно-тактического использования артиллерии в современном бою, за этот период времени усвоил необходимый уровень знаний, который позволит успешное совершенствование.

К поручаемым заданиям, как в проводимых учениях и играх, а также при работе в войсках относится добросовестно. На тактических учениях войск округа в октябре месяце 1952 года исполнял обязанности помощника руководителя артиллерии “синих” (от штаба руководства учениями), с возложенными на него обязанностями справился вполне удовлетворительно.

Имеет развитые организаторские способности.

Над повышением своего идейно-теоретического уровня работает. В жизни партийной организации принимает активное участие.

Общеобразовательную подготовку имеет удовлетворительную. Инициативен. Обладает твердым характером. Дисциплинирован. Состояние здоровья хорошее.

Идеологически выдержан, морально устойчив.

Предан делу партии Ленина — Сталина и Социалистической Родине.

ВЫВОД: Занимаемой должности соответствует. Необходима переподготовка на Высших академических курсах.

Командующий артиллерией БВО Генерал-лейтенант артиллерии ДМИТРИЕВ 2.12. 1952 г.».

4 декабря комиссия во главе с командующим артиллерией Советской армии В. И. Казаковым признала полное соответствие Нестеренко занимаемой должности. Однако его служба в Белоруссии оказалась недолгой. Уже в начале следующего года он был вызван в Москву, где ему по иронии судьбы предстояло готовить специалистов в области той самой ракетной техники, которую он прежде критиковал.

Глава пятая
РАКЕТНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Почти два года, с февраля 1953 года по декабрь 1954 года, А. И. Нестеренко работал в Артиллерийской инженерной академии им Ф. Э. Дзержинского в должности начальника ракетного факультета (из 6-го он в этот период был переименован в 4-й). Этот факультет являлся самым многочисленным, на нем обучалась большая часть слушателей академии. В 1952 году на факультете насчитывалось 500 человек основного набора, 1300 человек — спецнабора, всего — 1800 слушателей. В 1953–1955 годах на факультете было 176 курсов, 36 партийных организаций. Бурное развитие ракетной техники требовало большого количества соответствующих специалистов.

На Артиллерийскую академию было возложено решение задачи по подготовке специалистов в области ракет больших дальностей. Вот краткий перечень мер, предпринятых в академии в те годы. В октябре 1944 года создана кафедра вооружения гвардейских минометных частей (кафедра реактивного вооружения); в сентябре 1945 года — факультет реактивного вооружения со сроком обучения пять лет и два месяца, число слушателей 200 человек. В июне 1948 года было принято решение об увеличении срока учебы до пяти лет и восьми месяцев; в апреле 1948 года при академии организованы курсы повышения квалификации инженеров, работающих в области реактивного вооружения; в сентябре 1950 года численность слушателей на факультете реактивного вооружения увеличена до 240 человек, а на курсах переподготовки — до 40 человек.

В августе 1951 года вместо кафедры реактивного вооружения были созданы три кафедры: кафедра пороховых реактивных снарядов, кафедра жидкостных реактивных снарядов, кафедра теории полета и аэродинамики реактивных снарядов. Численность слушателей реактивного факультета была увеличена до 420 человек; в сентябре 1951 года 350 слушателей выпускных курсов других факультетов переведены на факультет реактивного вооружения; в декабре 1951 года численность слушателей третьего курса факультета реактивного вооружения увеличилась на 100 человек за счет студентов ведущих технических вузов страны. Созданы десятимесячные курсы переподготовки по реактивному вооружению для ГАУ численностью 160 человек. Произведен досрочный выпуск тридцати восьми слушателей факультета реактивного вооружения.

Ракетные кафедры академии работали в очень напряженном режиме. Учебная нагрузка их преподавателей зачастую превосходила в несколько раз нормальную нагрузку. Не было учебников и учебных пособий. Не существовало сложившихся проверенных форм обучения. Преподаватели в большинстве своем не имели достаточного педагогического опыта, а иногда и глубоких знаний по специальности. Они сами учились в процессе преподавания.

Наконец, в январе 1953 года вышло постановление правительства о проведении специального набора на факультет реактивного вооружения студентов четвертых и пятых курсов ведущих гражданских технических вузов. Набор проведен в два приема: в марте 1953 года — 400 человек, в августе 1953 года — 500 человек.

«СОВ. СЕКРЕТНО (Особая папка)

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР ПОСТАНОВЛЕНИЕ “21” января 1953 г. № 177–80сс.

Москва, Кремль.

Об отборе студентов пятых курсов технических учебных заведений для зачисления их в Артиллерийскую академию.

Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Поручить Отделу ЦК КПСС по подбору и распределению кадров отобрать для Артиллерийской академии 900 студентов пятых курсов технических высших учебных заведений, согласно прилагаемому списку, в следующие сроки: к 20 февраля — 500 человек и к 1 августа 1953 года 400 человек.

Отбор студентов произвести непосредственно в высших учебных заведениях с участием представителей Военного Министерства СССР и директоров соответствующих вузов.

2. Обязать Министерство высшего образования СССР (т. Столетова) и Министерство путей сообщения (т. Бещева) откомандировать в распоряжение Военного Министерства СССР студентов пятых курсов, отобранных для зачисления в Артиллерийскую академию, в сроки, указанные в пункте 1 настоящего Постановления.

3. Обязать Военное Министерство СССР (т. Василевского):

а) призвать в кадры Советской Армии всех отобранных студентов и зачислить их слушателями Артиллерийской академии.

Начало занятий установить:

Для первой очереди — 1 марта 1953 года;

Для второй очереди — 1 сентября 1953 года;

б) увеличить на 1953–1955 годы контингент слушателей 6-го факультета Артиллерийской академии за счет призыва в Советскую Армию из технических высших учебных заведений 900 студентов и соответственно увеличить штат постоянного состава Артиллерийской академии;

в) организовать при военных комиссариатах технические комиссии и обеспечить отобранных кандидатов проездными документами и денежным довольствием на путь следования в Артиллерийскую академию.

4. Обязать Госплан СССР (т. Сабурова) внести соответствующие изменения в план распределения молодых специалистов для министерств и ведомств на 1953 год.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР».

Сроки и условия подготовки специалистов были чрезвычайно жесткими. Проводился набор не только студентов-слушателей, но и преподавателей, руководящего состава. С упреждением велся отбор кандидатов, с упреждением работали военкоматы.

Возглавить переподготовку студентов в ракетчики поручили генерал-лейтенанту Нестеренко. Сам Алексей Иванович так рассказывал о работе в академии: «Ракетному факультету большую помощь оказывали кафедры других факультетов. Конечно, наиболее трудная задача ложилась на плечи профессорско-преподавательского состава и начальников курсов 4-го факультета. Исключительно большая, поистине титаническая работа была проделана начальниками кафедр, товарищами А. С. Шаталовым, А. В. Солодовым, Я. М. Шапиро, Д. А. Погореловым, В. Ф. Замковцем, Н. Г. Кальжановым и коллективом в то время молодых и талантливых преподавателей М. И. Копытовым, Д. Н. Щеверовым, Е. Б. Волковым, М. Д. Артамоновым, Г. П. Леоновым, О. В. Сюсюрой и многими другими, а также большая и упорная работа была проделана коллективами лабораторий.

Вспоминая давно минувшие дни, мне хочется также отметить большую работу моих заместителей: по политической части — полковника И. А. Иванищенко, по учебной части — инженер-полковника С. Н. Эльмановича и по спецнабору — инженер-подполковника И. К. Прядко.

Прошло много лет, и сейчас трудно выделить кого-то особо. В памяти осталось самое лучшее воспоминание о постоянном составе факультета, начиная от лаборантов и кончая начальниками курсов, преподавателями и начальниками кафедр. Все трудились так, как позволяли их способности и силы, не считаясь со временем. Все было подчинено выполнению поставленной партией и правительством задачи. В постановке новых курсов по ракетной технике исключительный энтузиазм, упорство и способности проявили молодые и талантливые преподаватели факультета, такие как товарищи Солодов, Копытов, Волков, Погорелов, Артамонов, Щеверов, Леонов, Кислик, Сюсюра и другие.

Большую помощь мне, как начальнику факультета, оказывал генерал Григорий Михайлович Третьяков, который в тот период был заместителем начальника академии по учебной и научной работе. Своими практическими советами, своим оптимизмом, веселым и жизнерадостным характером, тактичным остроумием он снимал напряженность во взаимоотношениях и вселял уверенность в работе. В организации партийно-политической и воспитательной работы на 4-м факультете большая помощь была оказана со стороны политотдела во главе с полковником И. А. Снобковым и в целом партийной организации академии».

В мае и декабре 1954 года состоялись выпуски спецнаборов. Всего было выпущено 1004 человека, в том числе по профилю факультета реактивного вооружения — 894 человека. Это был самый большой выпуск специалистов по ракетной технике за всю историю академии. В течение двух-трех лет все задачи, поставленные партией и правительством, были выполнены.

В 1946–1958 годах на факультете было подготовлено 1633 инженера (в том числе в 1953–1955 годах — 1098 человек), специалистов в области разработки, испытаний, производства и эксплуатации нового, очень сложного вида вооружений. Если бы эти специалисты не были своевременно подготовлены в академии, последующее развитие и становление системы стратегического вооружения стало бы практически невозможным.

Артиллерийской инженерной академии им. Ф. Э. Дзержинского принадлежало решающее слово в большой, сложной и ответственной работе — становлении полигона Байконур, так как значительная часть выпускников академии была направлена на формирование этой новой научно-испытательной организации. Выпускники академии были назначены на большинство ведущих должностей испытательных отделов. Они блестяще справились с поставленными задачами. Не случайно в первое десятилетие полигон был награжден

орденом Красной Звезды и орденом Ленина. Многие из выпускников также были награждены правительственными наградами, а некоторым присвоены звания лауреатов Ленинской премии и Героев Социалистического Труда.

Многие из выпускников спецнабора достигли в своей службе значительных успехов. Более ста выпускников прошли через 4-й НИИ. Среди них известные и ныне генерал-майоры Э. В. Алексеев, М. М. Бордюков, Герой Социалистического Труда полковник С. В. Есенков, полковники В. Н. Мосягин, М. В. Штундюк и др. Выпускники спецнаборов Ю. С. Тимофеев, М. М. Бордюков, Г. В. Лексин стали генералами — заместителями начальника НИИ-4. Восемь офицеров, окончивших спецнаборы, стали докторами технических наук, профессорами, начальниками специальных кафедр.

Абсолютное большинство спецнаборовцев с теплотой вспоминали и вспоминают А. И. Нестеренко, хотя сегодня, спустя пятьдесят с лишним лет, когда стали известны детали его руководящих указаний и решений, высказываются и некоторые обиды. Например, в связи с приказным занижением количества красных дипломов в августе по сравнению с февралем. Или в связи с неодинаковым подходом к возможным кандидатам на получение золотой медали после окончания академии. Однако это мелочи, причем вполне объяснимые, житейские, практически не повлиявшие на жизнь молодых лейтенантов.

Алексей Иванович, будучи требовательным к себе и подчиненным, в то же время отличался большой душевностью и внимательностью к людям. Вспоминают спецнаборовцы: «Генерал А. И. Нестеренко, приняв командование факультетом, сосредоточил усилия кафедр на стратегических ракетах. Он как-то собрал начальников факультетских кафедр и предложил подумать о создании принципиально новой стратегической ракеты под маркой академии. Мы разошлись озадаченными и в таком состоянии вскоре молча проводили Алексея Ивановича на новую должность — начальника полигона Байконур».

«Разборы проводил новый начальник факультета — генерал-лейтенант Алексей Иванович Нестеренко. Это был самый яркий начальник факультета за время моей учебы. Он был и единственным, кто представился факультету при назначении и попрощался при уходе, а командовал он недолго, менее двух лет. Было объявлено, что он направлен на новую работу, с повышением, но куда — сказано не было. Велико же было мое удивление, когда через полгода в читальном зале на выставке новых поступлений в американском журнале *Missiles and Rockets* в разделе *Brief* (коротко) я обнаружил портрет Алексея Ивановича и

сообщение о том, что он назначен начальником вновь организованного ракетного полигона Джусалы».

Из воспоминаний генерал-лейтенанта В. М. Рюмкина, одного из когорты спецнаборовцев: «Впервые я увидел Алексея Ивановича в августе 1953-го, когда прибыл в академию в составе второй группы спецнаборовцев. После окончания академии я был назначен в Управление заместителем командующего артиллерией Советской армии по реактивному вооружению, располагавшееся на 3-м этаже правого крыла 3-го дома Министерства обороны. Весной и летом 1959 года там одна из комнат по соседству с нашим отделом, занимавшим три комнаты, была выделена для оперативной группы штаба этого нового полигона. Алексей Иванович появлялся здесь часто. Затем в середине 60-х мне пришлось подолгу трудиться практически как прикомандированному в НТК Генштаба, где тогда служил членом НТК Алексей Иванович.

Последний раз с живым Алексеем Ивановичем виделся и душевно беседовал в начале 90-х, когда навещал в госпитале им. Бурденко одного из своих друзей и встретил там его. Бывая ежегодно перед Днем Победы на Кунцевском кладбище, мы обязательно навещаем Алексея Ивановича и низко кланяемся ему в знак благодарности за все, чему он научил своим примером».

Будучи начальником факультета, в апреле 1953 года Алексей Иванович возглавил Государственную комиссию по испытаниям ракетного комплекса с одноступенчатой управляемой оперативно-тактической баллистической ракетой 8К11 (Р-11). Научно-исследовательская работа по этому комплексу под названием «Исследования вариантов ракет дальнего действия с применением топлив на основе высококипящих окислителей» началась в ОКБ-1 под руководством С. П. Королева в соответствии с постановлением СМ СССР от 4 декабря 1950 года. Заданием предусматривалось создание ракеты, которая могла бы транспортироваться и находиться в заправленном состоянии в течение месяца.

Разработку курировали В. П. Мишин, С. О. Охапкин, М. К. Янгель, ведущими конструкторами были И. В. Попков, Е. В. Синильщиков, В. П. Макеев. Инерциальная система управления разработана под руководством Н. А. Пилюгина, комплекс наземного оборудования — под руководством В. П. Бармина, маршевый жидкостной ракетный двигатель на хранимом топливе — под руководством А. М. Исаева.

Первый испытательный пуск ракеты состоялся 18 апреля 1953 года на полигоне Капустин Яр. Она отличалась значительно меньшей стартовой массой, чем ракета Р-1, а боеготовность

комплекса повысилась более чем в два раза. Имела небольшие размеры и, что самое главное, предназначалась для транспортировки в заправленном (горизонтальном) положении в войсковых условиях. Высокая прочность корпуса позволила применить для ракеты неотделяемую головную часть с фугасным боезарядом. Дальность стрельбы — 80–270 километров, стартовая масса ракеты — 5,67 тонны, масса пустой ракеты — 1,64 тонны, масса топлива — 3,36 тонны, масса головной части — 0,67 тонны, масса обычного взрывчатого вещества — 0,53 тонны, длина ракеты — 10,5 метра, наибольший диаметр корпуса — 0,88 метра, время подготовки к пуску — 3,5 часа, максимальная скорость полета — 1500 м/сек, время полета на максимальную дальность — 5,4 минуты. Точность стрельбы (предельное отклонение) — 6,0 километра. На ракете использовалась автономная система управления.

Значительное внимание было уделено обеспечению скорейшего осуществления пуска после занятия боевой позиции. Вначале, когда осуществлялась перевозка ракеты на грунтовой тележке, пуск проводился не позднее чем через 3,5 часа. С переходом к самоходной пусковой установке (ракета Р-11М) время пуска было сокращено. Уменьшилось и число агрегатов наземного оборудования — часть из них размешалась на пусковой установке (автономном стартовом агрегате).

В докладной записке министра обороны СССР Р. Я. Малиновского и командующего артиллерией М. И. Неделина в ЦК КПСС о выполнении доработок ракеты Р-11 от 14 января 1958 года отмечалось:

«Ракета Р-11 является первой отечественной ракетой на топливе из керосина и высококипящего окислителя (азотная кислота), исключающем необходимость применения крайне неудобного в эксплуатации жидкого кислорода. Она разработана для замены ракеты Р-1 на жидком кислороде, принятой на вооружение в 1950 году. Ракета Р-11, имея дальность стрельбы от 50 до 270 км и заряд взрывчатого вещества весом 530 кг, обладает высокой маневренностью и удобна в эксплуатации (обеспечивается хранение и транспортировка на стартовую позицию в заправленном виде).

Эта ракета была принята на вооружение в июле 1955 года по результатам пристрелочных и зачетных испытаний 15 ракет, из которых 14 ракет дали удовлетворительный результат и одна ракета — неудовлетворительный.

…На базе ракеты Р-11 с обычным зарядом создана ракета Р-11М с атомным зарядом, которая в 1957 году прошла испытания и будет представлена на вооружение Советской

Армии. Кроме того, на базе ракеты Р-11 ведется отработка морской ракеты Р-11ФМ для подводных лодок.

…В последующем ракеты Р-11 и Р-11М будут заменены унифицированной ракетой Р-11МУ с повышенной надежностью в атомном и обычном снаряжении. Эта ракета в настоящее время отрабатывается».

Летные испытания ракеты шли на полигоне Капустин Яр два года, были напряженными и включали несколько этапов. Первый этап — экспериментальные пуски — проходил с 18 апреля по 3 июня 1953 года. Было проведено 10 пусков, из них два были аварийными. В апреле — мае 1954 года шли доводочные испытания. Произведено 10 пусков (из них один был аварийным). Затем в январе 1955 года проведено пять пристрелочных пусков, и с начала февраля комиссия приступила к зачетным испытаниям, в ходе которых провели 10 пусков. Дальше испытания шли уже без Алексея Ивановича. Комиссию возглавлял генерал-майор И. М. Пырский.

Приказом министра обороны от 13 июля 1955 года № 00150 с объявлением постановления Совета министров СССР ракетный комплекс с перевозимой на грунтовой тележке ракетой принят на вооружение. В течение ряда лет комплекс с ракетами Р-11 и Р-11М был в Советской армии основным комплексом с ракетой оперативно-тактического назначения.

После выпуска слушателей спецнаборов Алексею Ивановичу было предложено стать начальником создаваемого Научно-исследовательского испытательного полигона МО (НИИП-5).

Глава шестая
ПОЛИГОН

20 мая 1954 года было принято постановление СМ СССР № 956–408сс о разработке, изготовлении и испытании первой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7.

Для летных испытаний МКР необходимо было создать и соответствующий полигон, так как Капустин Яр не мог обеспечить проведения летных испытаний такого типа ракет. МБР по схеме «пакет» состояла из нескольких ракет и составных частей. Максимальная длина ракеты превышала 30 метров, максимальная ширина — 10 метров, вес незаправленной ракеты — 25–30 тонн. Ракету можно было доставить на полигон только по частям, там собрать, проверить всю ее аппаратуру и после этого доставить на старт. Предусматривалась постройка технической позиции — монтажно-испытательного корпуса (МИК), оснащенного необходимым оборудованием, испытательными стендами, лабораториями, моделирующими устройствами.

Для межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 требовалась трасса испытаний длиной порядка восьми тысяч километров с полем падения отделяющейся первой ступени и полями падения головной части. Кроме размещения большого количества технических сооружений, инфраструктуры и жилого городка в стартовом районе требовалось ряд сооружений разместить вне стартового района.

Полигон Капустин Яр не удовлетворял требованиям размещения новых объектов из-за небольшой территории, значительной населенности окружающей местности и наличия рядом крупного индустриального центра Сталинград, а также потому, что один из пунктов радиоуправления в этом случае должен был размещаться в Каспийском море.

Для выбора места полигона постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР была создана государственная комиссия во главе с генерал-лейтенантом В. И. Вознюком. В результате работы комиссии и представленных ею материалов были утверждены: место основной базы полигона — в Кармакчинском районе Кзыл-Ординской области, район падения первых ступеней — в Акмолинской области, район падения головных частей — на севере полуострова Камчатка.

Выбор места дислокации полигона Байконур был трудным. Вот что докладывали в ЦК КПСС В. Малышев, А. Василевский,

Г. Жуков, П. Дементьев, А. Домрачев, В. Калмыков 4 февраля 1955 года:

«Совершенно секретно Особой важности
ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КПСС
Докладываем:

Для отработки баллистической ракеты Р-7 с дальностью полета 8000 км и крылатых ракет “Буря” и “Буран” с дальностью полета 7500–8000 км министерства обороны, среднего машиностроения, оборонной промышленности, авиационной промышленности и радиотехнической промышленности Постановлением Совета Министров СССР от 17 марта 1954 года обязывались произвести к 1 января 1955 года выбор полигона и к 1 марта 1955 года доложить Правительству свои предложения. Этим же Постановлением предусматривалось проведение первых этапов летных испытаний указанных ракет с Государственного центрального полигона Министерства обороны, из районов Капустин Яр — Владимировка, Астраханской области.

Во исполнение этого Постановления междуведомственная комиссия из представителей указанных министерств, в период с апреля по декабрь 1954 года, изучила возможность размещения:

— старта ракет на Государственном центральном полигоне, в Ставропольском крае (Степное, Дивное), в районах Красноводска, Казалинска, Вологды;

— района падения первых ступеней ракеты Р-7, который должен быть удален от старта на расстояние 680 км, применительно к каждому из указанных районов старта.

Для изучения районов падения боевых частей ракет специальные экспедиции обследовали районы Чукотки, Сахалина, Камчатки, побережья Охотского моря и Курильские острова.

В результате проведенной работы комиссия пришла к выводу, что выбрать полигон, обеспечивающий пуск ракет на требуемую дальность 8000 км, при размещении района падения боевых частей на суше, с соблюдением должной безопасности пусков ракет для населения и скрытности работ, не представляется возможным. Поэтому после совещания с главными конструкторами ракет Р-7, “Буря” и “Буран” было решено ограничиться

дальностями полета на период отработки 6200 км, а контрольные стрельбы на полную дальность 8000 км провести в водах Тихого океана.

Изучив все возможные варианты размещения полигона для летной отработки ракет Р-7, “Буря” и “Буран”, комиссия установила, что наиболее приемлемым вариантом является район вблизи р. Сыр-Дарья, примыкающий к ж. д. магистрали Чкалов — Ташкент, на участке между Казалинском и Джусалы, с местом падения боевых частей на незаселенной территории полуострова Камчатка, у мыса Озерный.

При таком расположении полигона отделяющиеся ступени ракет Р-7 будут падать в малозаселенном районе Акмолинской области, у озера Тенгиз, а место падения отделяющихся ступеней ракет “Буря” и “Буран” будет примыкать к району старта…

Рассмотрев предложения комиссии, мы согласились с ее выводами о целесообразности строительства нового полигона для отработки ракет и испытания ракет Р-7, “Буря” и “Буран” в районе Казалинск».

Предложения комиссии были утверждены, и 12 февраля 1955 года Совет министров СССР принял постановление № 292–181 «О новом полигоне для Министерства обороны СССР»:

«Сов. секретно Особая папка

Постановление Совета Министров СССР № 292–181 от 12 февраля 1955 года

“О новом полигоне для Министерства обороны СССР” Совет Министров СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

<…> 3. Принять предложение т.т. Малышева, Жукова, Василевского, Дементьева, Домрачева и Калмыкова:

а) о создании в 1955–1958 гг. научно-исследовательского и испытательного полигона Министерства обороны СССР для летной отработки изделий Р-7, “Буря” и “Буран” с расположением:

— головной части полигона в Кзыл-Ординской и Карагандинской областях Казахской ССР, в районе между Н. Казалинском и Джусалы;

— района падения головных частей изделий в Камчатской области РСФСР, у мыса Озерный;

— района падения первых ступеней изделий Р-7 на территории Акмолинской области Казахской ССР, в районе озера Тенгиз;

б) о проведении первого этапа отработки изделий “Буря” и “Буран” на сокращенную дальность с территории научно-испытательного полигона № 4 Министерства обороны СССР, из района Владимировка Астраханской области РСФСР в направлении на озеро Балхаш.

4. Обязать т.т. Малышева, Сабурова и Жукова в трехнедельный срок представить в Совет Министров СССР мероприятия по обеспечению организации и строительства указанного полигона.

Председатель Совета Министров Союза ССР Н. БУЛГАНИН

Управляющий делами Совета Министров Союза ССР А. КОРОБОВ».

Случайности в выборе места не было. Район, более близкий к экватору, позволял максимально использовать скорость вращения Земли, что снижало расход тяги двигателей на единицу полезного груза. На данной широте при запуске космической ракеты в восточном направлении она получает дополнительно почти четыре процента орбитальной скорости — 316 метров в секунду. Выбранное место расположения полигона обеспечивало сравнительно большую дальность стрельбы на суше — 6200 километров, полную дальность стрельбы — 8000 километров в воды Тихого океана и позволяло удовлетворительно разместить наземные средства радиоуправления полетом. С Байконура космические объекты выводятся на орбиты, наклон которых к плоскости экватора составляет от 48 до 81 градуса при восточном направлении запуска.

Этот вариант размещения полигона был наиболее выгодным и целесообразным с точки зрения безопасности пусков ракет для населения и наименьшего экономического ущерба народному хозяйству страны. Район старта ракет располагался в малонаселенной пустынной степи, вблизи не было населенных пунктов, имелись лишь небольшие селения вдоль железной дороги, идущей на Ташкент. То есть это была огромная пустующая территория и требуемое отчуждение большой территории размером 1 миллион 100 тысяч гектаров существенно не затрагивало интересы народного хозяйства.

Трассы полета ракет также проходили над малонаселенными местностями. Расположение района падения боевых частей в северо-восточной части Камчатки также не представляло опасности для населения и не требовало производить никакого отселения на территории более 100 тысяч гектаров. Район

падения первых ступеней ракеты Р-7 у озера Тенгиз в Акмолинской области Казахстана требовал освобождения территории только на период испытаний, то есть временно.

Район стартовых позиций и район целей был ровным, плоским и обеспечивал быстрое передвижение людей и транспорта; исключалась также возможность возникновения радиопомех. Местность была в целом сухой, но с достаточным количеством источников воды. Имелось место для строительства аэродрома. Была возможность доставки на полигон тяжелых грузов по железной дороге. Отсутствовали пересекающие полигон воздушные линии и железнодорожные магистрали. Климатические условия позволяли эксплуатировать полигон круглый год. Существовала возможность розыска и сбора отдельных частей ракеты с целью последующего изучения причин аварий. Полигон располагался на значительном удалении от государственной границы СССР, в районе труднодоступном для различных средств разведки вероятного противника.

Но если с точки зрения технической выбранный район был оптимальным, то для жизни людей первоначально фактически никаких условий здесь не было. Станция Тюра-Там, возле которой создавался полигон, была построена на железной дороге Оренбург — Ташкент в 1906 году. Она располагалась между ближайшими железнодорожными станциями и населенными пунктами Джусалы (центр Кармакчинского района) и Казалинск (центр Казалинского района), оба населенных пункта находились от Тюра-Тама соответственно в 80 и 110 километрах. В Джусалах располагался аэродром с грунтовой полосой, имевший местные рейсы и рейсы на Москву. Кроме того, раз в неделю здесь совершали посадку самолеты рейса Москва — Кабул. Так что аэродром числился в международных. Мог принимать самолеты Ил-2.

С древних времен здесь жили кочевники-казахи. Их основными занятиями были кочевое скотоводство, речное и озерное рыболовство, рисоводство и бахчеводство у Сырдарьи. Кругом голая пустыня, оживляемая скудной растительностью только весной. Климат региона — резко континентальный. Летом — изнурительная жара с суховеями и столбами завихрений обжигающего воздуха, пылевые и песчаные бури. Зимой — морозы, достигающие 50 градусов, с песчано-снежными буранами.

Генерал-лейтенант М. Г. Григоренко, Герой Советского Союза, в 1951–1959 годах главный инженер Главного управления специального строительства, вспоминает: «Чем больше мы изучали экономику района, тем больше видели трудностей. Все

было в остром “дефиците” или отсутствовало вовсе. Местные ресурсы рабочей силы отсутствовали, местных материалов — камня, гравия, щебня, леса — не было. Промышленность районов развита слабо и никакой помощи оказать нам не сможет. Энергосистема прилегающих районов может при условии ЛЭП выделить стройке крайне ограниченную мощность. Грунтовые воды практически отсутствуют. Единственный источник водоснабжения — небольшая река, на которой необходимо соорудить водозаборные сооружения и от нее прокладывать к потребителям водопроводные сети большой протяженности. Дебит реки будет недостаточным для нужд строительства и эксплуатации, надо искать подземные источники водоснабжения, бурить скважины и строить водозаборные сооружения. Ближайшие аэродромы находились на расстоянии сотен километров и не могли быть использованы для нужд строительства из-за отсутствия автомобильных дорог… Грандиозную стройку надо было начинать на голом месте и необходимые ресурсы подавать по единственной железнодорожной магистрали Москва — Ташкент, частично используя также воздушный транспорт…

Крупная стройка разворачивалась без подготовительного периода. Строительство основных сооружений часто опережало строительство промышленной базы и жилья для строителей. Все было в дефиците: специалисты, автотранспорт, строительные машины и механизмы, строительные и горюче-смазочные материалы, продовольствие и даже хлеб, который не успевали подвозить по бездорожью. Самым же дефицитным было время. Надо было экономить каждую неделю, сутки, час, минуту».

Хорошо и не без юмора сказал о принципах, которыми руководствовались в выборе места будущего космодрома, Владислав Волков, сотрудник королевского ОКБ-1, ставший впоследствии космонавтом:

«По максимуму неудобств. Нужно найти место, куда, во-первых, нелегко было бы добраться любым видом транспорта, начиная с самого современного и кончая таким архаичным, как ишак или верблюд. Но этого мало. Надо, чтобы местность была пустынной. Чтобы не было воды и ее привозили в цистернах. Обязательное условие — это песок! Причем песка должно быть много, очень много. И если подует ветер, то этот песок должен висеть в воздухе, так чтобы в трех шагах ничего не было видно. Желательно, чтобы он попадался в борще и котлетах. Это для того, чтобы ты понимал, что дома тебя ждет жена с вкусным обедом. Если ты нашел такое место, значит, оно подходит для строительства космодрома».

Надо иметь в виду, что каждый камень, кирпич, доска, гвоздь были доставлены издалека по железной дороге до станции разгрузки, а затем автотранспортом на площадки по бездорожью. Для обеспечения водой гарнизонов и всего строительства, в том числе и работы бетонного завода, работало круглосуточно несколько десятков водовозов. Питание всех жителей гарнизона осуществлялось из походных солдатских кухонь, а затем офицерский состав, рабочие и служащие, их семьи питались во временных столовых барачного типа.

В условиях пустынной местности, жары, ветров и песчаных бурь условия жизни вновь создаваемого гарнизона усложнялись еще и тем, что вблизи не было крупных населенных пунктов, на которые можно было бы в какой-то степени базироваться и использовать их коммунально-бытовые предприятия: хлебопекарни, прачечные, магазины, парикмахерские и т. п. Населенные пункты (Джусалы и Казалинск) не могли оказать помощи, так как были удалены на 100–120 километров.

Немало трудностей в этот период вызывал вопрос организации торговой сети (военторга), а впоследствии совхоза, молочной фермы и мясокомбината. Для размещения гражданских специалистов и рабочих необходимо было иметь общежития, гостиницы и столовые. В начальный период это представляло тоже много хлопот и трудностей.

В соответствии с директивой Генерального штаба Советской армии от 10 марта 1955 года была создана оперативная группа из десяти офицеров ГЦП МО во главе с заместителем начальника ГЦП полковником Анатолием Александровичем Васильевым, которая 15 марта 1955 года вылетела в Москву, в распоряжение начальника Главного управления реактивного вооружения генерал-майора А. И. Семенова.

В задачи группы входили: а) разработка штата полигона; б) подбор и подготовка кадров; в) подготовка заявок по всем видам материального и технического обеспечения; г) организация контроля за строительством полигона.

Оперативная группа нового полигона постоянно расширялась и вскоре включала 100 человек. Штаб группы располагался в одной комнате на третьем этаже правого крыла 3-го дома МО СССР на Фрунзенской набережной среди служебных помещений заместителя командующего артиллерией Советской армии по реактивному вооружению.

В течение марта — апреля были назначены начальник полигона, начальник политотдела, начальник штаба и другие должностные лица.

27 июля 1955 года директивой Генерального штаба была

создана экспедиция по выбору площадок измерительных пунктов, базы, пунктов сопряженного наблюдения объекта «Тайга» и проведения инженерных изысканий. Экспедиция комплектовалась специалистами, способными разносторонне оценить условия работы измерительных пунктов. Ей были приданы легковые и грузовые автомобили высокой проходимости, самолет Ли-2 и несколько легкомоторных самолетов для ускорения осмотра больших площадей земной поверхности. Предстояло определить местоположение семи измерительных пунктов и двух пунктов радиоуправления полетом ракеты Р-7, применявшейся на первых этапах ее отработки, а также службы наблюдения и анализа падения первых ступеней ракеты.

По решению правительства выбор районов размещения ИП, разработка службы измерений и СЕВ (система службы единого времени) были возложены на НИИ-4. Поэтому и схема размещения измерительных пунктов была разработана также НИИ-4. Председателем комиссии по выбору районов размещения ИП был назначен начальник отдела НИИ-4 инженер-полковник В. А. Тарасов. В состав комиссии от полигона входили полковники Н. Д. Силин и С. С. Блохин.

Некоторые пункты (ИП-4, ИП-7, ИП-6) эта комиссия выбрала и разместила неудачно — далеко от воды в пустынной местности. Она руководствовалась теоретическими расчетами НИИ-4 без учета необходимых условий для длительной жизни гарнизонов, оторванных от населенных пунктов. Позже Нестеренко отмечал: «Благодаря моему вмешательству удалось передвинуть пункты 8, 9 и базу в Ладыженке ближе к воде и населенным пунктам. В результате такого казенного отношения к делу некоторые гарнизоны до сих пор вынуждены привозить воду за 15–20 километров машинами. Это создает дополнительные трудности, которых можно было избежать».

Другие экспедиции параллельно решали вопросы выбора конкретного района падения головных частей ракеты Р-7 на полуострове Камчатка. Все результаты работы экспедиции и выработанные предложения были оформлены в виде многотомного отчета и доложены Г. А. Тюлину и Ю. А. Мозжорину, которые одобрили их. Мозжорин был тогда начальником 1-го отдела НИИ-4, Тюлин — заместителем начальника НИИ по научно-исследовательской работе.

19 марта 1955 года приказом № 0053 министра обороны Маршала Советского Союза Г. К. Жукова Алексей Иванович Нестеренко был назначен начальником полигона. Когда Главный маршал артиллерии М. И. Неделин предложил Нестеренко стать начальником вновь формируемого полигона в Тюра-Таме, он

фактически без колебаний согласился, поменяв свое благополучное и прочное московское существование на неустроенность и трудности строительства на пустом месте и в сложных климатических условиях.

Алексей Иванович пишет: «Первый разговор со мной на эту тему состоялся на полигоне Капустин Яр у генерала В. И. Вознюка, который пригласил меня к себе и объяснил, что создается новый большой полигон для испытаний и отработки МКР. Маршал артиллерии М. И. Неделин просил выяснить, не дам ли я согласие стать начальником этого полигона, подчеркнув, что это, безусловно, связано с необходимостью выезда из Москвы, и дать ответ в течение суток. Я ответил генералу В. И. Вознюку, что работа в области развития и совершенствования ракетной техники меня очень интересует. Он просил меня сообщить свое мнение в 8 часов утра, с тем чтобы в 9.00 доложить маршалу.

Вечером я по телефону сообщил жене, что мне предлагается новая должность с выездом из Москвы. Она ответила: “Решай сам, а мы готовы ехать куда угодно. Не первый раз”. Я сообщил, что работа большая, интересная, нужная. Жена ответила: “Если надо, то давай согласие, дети у нас уже большие”.

В назначенное время я сообщил генералу В. И. Вознюку о своем согласии. После приезда в Москву маршал М. И. Неделин лично сообщил мне, что приказом министра обороны СССР я назначен начальником формируемого полигона. Он кратко объяснил мне задачи, рассказал об ориентировочных сроках формирования и строительства полигона. Пунктами формирования были назначены: г. Москва, полигон Капустин Яр, Тюра-Там, НИИ-4 в Болшеве. В заключение беседы М. И. Неделин рекомендовал мне быстро сдать факультет и приступить к формированию полигона, о ходе формирования еженедельно докладывать лично, а по выезде в Тюра-Там до установления ВЧ-связи — письменно два раза в месяц… Относительно подчиненности было сказано, что до выезда из Москвы я нахожусь в распоряжении маршала Неделина, а затем в зависимости от того, как будет лучше».

Митрофан Иванович Неделин, поздравляя Алексея Ивановича с новым назначением, поблагодарил его, сказав: «Спасибо, что не держитесь за Москву!»

Вначале предполагалось, что новый полигон будет филиалом Государственного центрального полигона и должен был непосредственно подчиняться генералу В. И. Вознюку. В дальнейшем из-за большой отдаленности полигонов друг от друга и плохого сообщения между ними, а также в связи с большим размахом и масштабом новой организации было

принято решение — полигон не может быть филиалом ГЦП. Его целесообразно создавать и развивать как самостоятельную организацию с непосредственным подчинением начальнику ГУРВО генералу А. И. Семенову.

На базе оперативной группы была сформирована рабочая группа по разработке штатов нового полигона и его организационной структуры. Возглавлял группу начальник полигона Алексей Иванович Нестеренко. Разработанные проекты штатов полигона и его организационной структуры 24 мая 1955 года были представлены в Генеральный штаб на утверждение. В предложениях на создание штатной структуры полигона первоначально было указано 20 частей и отдельных подразделений и собственно управление полигона. После рассмотрения штаты были утверждены директивой начальника Генерального штаба от 2 июня 1955 года. Впоследствии эта дата приказом министра обороны СССР от 3 августа 1960 года, в ознаменование начала формирования полигона, была объявлена днем ежегодного праздника НИИП-5 МО и входящих в его штат на день издания приказа воинских частей.

В апреле 1955 года Алексей Иванович приступил к подбору кадров и формированию полигона. В первую очередь необходимо было подобрать начальника штаба, начальника политотдела и заместителей по спецслужбам (опытно-испытательных работ, научно-исследовательских работ и измерений, строительства, тыла, главного инженера, службы режима, начальника отдела кадров, начальников медицинской и финансовой служб). На должность начальника штаба Главным управлением кадров МО СССР были рекомендованы Н. С. Васендин, А. Г. Захаров и А. С. Буцкий. Васендин и Захаров согласия не дали.

Беседа с Буцким была основательнее. Он вначале заявил следующее: «Я не могу с ходу дать согласие, так как не знаю ни характера, ни объема работы, не знаю, справлюсь ли я с ней. Если можно, прошу подробнее сообщить мне о характере и объеме работы». Нестеренко ответил: «Вы были начальником штаба артдивизии, поэтому я считаю, что опыт у вас есть и, судя по личному делу, на всех участках работы, куда вас назначали, вы справлялись хорошо. Может быть вас пугает место?» Буцкий сказал, что место его не пугает и семья этого не боится, что он офицер и куда прикажут, туда он и поедет, но хотел быть уверенным, что оказанное ему доверие он сможет оправдать. Нестеренко дал Буцкому сутки на размышление. На второй день разговор был кратким. Алексей Саввич дал согласие. Алексей Иванович был доволен — Буцкий сразу произвел на него хорошее впечатление скромностью, тактичностью, как серьезный офицер.

После этого, в апреле 1955 года, А. С. Буцкий был назначен начальником штаба полигона (приказ МО от 9 апреля 1955 года № 0060). Время показало, что его назначение было серьезной помощью в организационных делах.

Полковник Буцкий проделал исключительно большую работу в начальный период организации полигона. Своим трудолюбием и добросовестным отношением к делу он завоевал большое уважение и доверие у коллектива. Однако случилось непонятное. Когда Алексей Иванович вернулся из командировки с «Камы» (Камчатки) и докладывал маршалу Неделину о состоянии развертывания строительных работ и условиях жизни гарнизонов, то в конце беседы маршал сказал, что Буцкого придется заменить, так как он не имеет достаточного опыта руководства штабом полигона.

Нестеренко в ответ заявил: «Может быть, целесообразно заменить начальника полигона, а не начальника штаба, поскольку считаю, что Буцкий своей должности вполне соответствует». Неделин ответил: «Это вы зря, товарищ Нестеренко. Мы вам подберем достойного начальника штаба, например полковника Карася». На это Нестеренко сказал, что полковника Карася хорошо знает еще по Великой Отечественной войне как одного из лучших командиров гвардейских минометных полков, смелого и храброго офицера, но нет никакого основания для того, чтобы заменять Буцкого. На этом разговор был окончен.

Через некоторое время был получен приказ, которым полковник Буцкий освобождался от занимаемой должности. На эту должность назначался начальник штаба ГЦП полковник А. Г. Карась, а на место Карася назначался полковник Буцкий — их поменяли местами. Чтобы как-то сгладить обиду того и другого, они оба были награждены ценными подарками за хорошую работу.

Как потом стало известно, эта замена произошла по требованию С. П. Королева. Буцкий не понравился Королеву лишь по той причине, что Сергей Павлович был включен в состав первого рейса самолета Ан-2, отлетающего из Джусалы в Москву, а не в состав четвертого, тогда Королеву не пришлось бы ждать других, летящих в Москву. Списки составлял генерал А. Г. Мрыкин. В то время Буцкий еще не знал главных конструкторов и других чиновников и не знал, кому какая принадлежит роль в распределении мест «за барским столом». Мрыкин же прекрасно знал эту бюрократическую субординацию и непростой характер Королева, но не предупредил Буцкого и не нашел в себе мужества сказать, что списки составлял он, а не

Буцкий.

Так что эта замена ничем не была оправданна и принесла только лишние трудности. По своим деловым качествам эти офицеры были совершенно равноценны. Оба были переведены без особого желания, и самолюбие их было сильно ущемлено. Не слишком здоровому полковнику Карасю не хотелось ехать в более суровые климатические условия (кстати, через год он был освобожден от занимаемой должности по состоянию здоровья и назначен на должность консультанта в НИИ-4).

Такое решение задело и самолюбие Нестеренко, так как не было принято во внимание его мнение. Стало также ясно, что маршал Неделин находится в зависимости от С. П. Королева.

Кроме начальника штаба полковника А. С. Буцкого заместителями начальника полигона были назначены: по опытно-испытательным работам — подполковник А. И. Носов, по научно-испытательной работе и службе измерений — полковник А. А. Васильев, главным инженером — подполковник А. П. Метелкин, заместителем по строительству — подполковник Н. Н. Васильев, начальником тыла — полковник В. А. Лебедев, заместителем по режиму и охране — полковник Н. Д. Силин, заместителем начальника штаба — полковник Д. П. Ковель, начальником оперативного отдела — подполковник А. М. Войтенко.

Все заместители были участниками Великой Отечественной войны, удостоены высоких правительственных наград. Даже склонный к покровительственно-задиристому поведению по отношению к военным заместитель Королева Л. А. Воскресенский всегда вел разговор с замами начальника полигона в уважительно-корректном тоне.

Основным органом управления космодрома являлся штаб. В 1955 году он состоял из шести отделов. Отдел планирования и обеспечения научно-испытательных работ и испытательных полей (подполковник А. М. Войтенко) с первого дня своего существования стал организующим и планирующим органом штаба, осуществляющим постоянную связь и взаимодействие со всеми службами полигона. А. С. Буцкий вспоминал: «Главная роль в организации постоянного и действенного контроля принадлежала оперативному отделу штаба. Полковник Войтенко, с присущей ему настойчивостью и требовательностью к себе и подчиненным, успешно справлялся с возложенными на отдел задачами, настойчиво обучал и требовал от подчиненных добиваться изучения истинного положения дел на контролируемом участке, умело использовал опыт работы штаба полигона Капустин Яр, не стеснялся учиться и набираться опыта у

своих товарищей».

С момента своего создания штаб полигона занимался вопросами организационно-штатного строительства и развития НИИП-5, такими как: разработка и утверждение штатов и на управление полигона, и на входящих в его состав частей и подразделений; подбор кадров; формирование и укомплектование управления полигона, научно-испытательных отделов, контроль за ходом комплектования личным составом частей и подразделений; организация специальной подготовки инженерно-технического состава; размещение личного состава, семей офицеров, рабочих и служащих; организация снабжения, питания, культурного обслуживания личного состава и населения поселка; контроль за ходом строительства объектов, организация тесного взаимодействия, взаимопомощи и сотрудничества с военными строителями 130-го УИР.

Вот как вспоминает об особенностях работы штаба в 1955 году полковник Алексей Саввич Буцкий: «В таком технически оснащенном учреждении, как НИИП-5, задачи штаба полигона и его работа значительно отличались от работы обычных войсковых штабов. Эта специфика работы особенно проявлялась в периоды формирования частей и подразделений, штатная структура многих из них создавалась впервые, укомплектование их инженерно-техническими кадрами, подготовка инженеров до уровня специалистов, создающих комплексы и системы первой отечественной МКР, бытового устройства подчиненных и их семей в условиях полного отсутствия местных ресурсов на открытой пустынной территории с районами очаговой природной чумы и резко континентальным климатом… Все работы по подготовке сооружений и объектов первой очереди полигона, начиная от формирования штатных подразделений и частей до завершения всех работ, приходилось начинать, как говорится, с нуля…»

Кроме оперативного отдела в состав штаба входили отделы: боевой подготовки и боевого применения (подполковник В. Е. Вельчинский), аэрометеорологический (подполковник В. А. Овчинников), специальных испытательных полей (подполковник Е. Л. Беляев), строевой (майор А. П. Раздоров), секретный (капитан Б. А. Ключников), отделения специальной связи (капитан Н. Ф. Здор). Кроме того, в 1956 году по приказу Нестеренко в состав штаба был включен отдел специальной связи и службы единого времени (полковник Н. М. Крючников), ранее входивший в службу опытно-испытательных работ полигона.

Штабу подчинялись базы специальных испытательных полей: база падения блоков 1-й ступени в/ч 13 961 в Казахстане в районе

Ладыженки (подполковник Л. А. Кондратюк) и база падения головных частей и остатков 2-й ступени на Камчатке — 43-я отдельная научно-испытательная станция (ОНИС) (полковник Б. Ф. Козлов, с 24 декабря 1955 года полковник И. К. Павленко). Кроме того, штабу подчинялись батальон связи (командир — подполковник Г. П. Дробышевский), 6-е отдельное авиационное звено (старший лейтенант Н. Д. Лубнин), склад артвооружения (лейтенант В. Е. Деев), военно-почтовая станция.

95-й батальон связи формировался на площадке № 5 полигона Капустин Яр с июля 1955-го по апрель 1956 года. 3 мая 1956 года батальон прибыл в Тюра-Там и был размещен на берегу Сырдарьи. Личный состав батальона участвовал в создании линий и узлов связи и их охране.

19 июня 1955 года к месту постоянной дислокации части прибыла оперативная группа командования полигона в составе семи офицеров (в их числе полковники А. С. Буцкий и Н. М. Прошлецов, подполковники С. С. Блохин и Н. И. Кузьменко, инженер-капитаны А. А. Белужкин и Д. Ф. Киселев). К этому времени на станцию Тюра-Там прибыли строители во главе с полковником (в последующем генерал-майором) Георгием Максимовичем Шубниковым. В районе строительства площадок сосредоточивались строительные батальоны. Строители создавали материально-техническую базу для развертывания строительства.

В 1956 году в состав полигона вошел политический отдел, который выступал мобилизующей и организующей силой, активно помогая начальнику полигона генерал-лейтенанту А. И. Нестеренко решать сложные и ответственные задачи становления и развития полигона, сплочения воинских коллективов.

Первым начальником политотдела космодрома был назначен полковник Н. М. Прошлецов. В составе небольшой группы офицеров-ракетчиков он прибыл на космодром летом 1955 года. На плечи Николая Михайловича легла тяжелейшая ноша формирования коллектива политотдела, создания партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, подбора и расстановки офицерских кадров, организации партийно-политической работы в частях и подразделениях, установления контактов, развития отношений с местными (районными и областными) и республиканскими органами власти.

Николай Михайлович не щадил себя, не знал ни покоя, ни отдыха. Сказались и тяготы Великой Отечественной войны. В сентябре 1956 года полковник Прошлецов преждевременно ушел из жизни. Новым начальником политотдела космодрома стал

полковник Василий Иванович Ильюшенко. Он родился в 1914 году, был участником Великой Отечественной войны, ранее служил заместителем начальника политотдела Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского и заместителем по политической части председателя Главного артиллерийского управления.

Так же как на фронте, Василий Иванович самоотверженно, не щадя здоровья и сил, вместе со всеми ракетчиками-испытателями строил объекты космодрома, обеспечивал первые запуски ракет и космических аппаратов. Вместе с Нестеренко он смог создать на полигоне такой микроклимат среди руководителей, что все задачи решались дружно, быстро, с высокой ответственностью и качеством, за что к ним с большим уважением относились С. П. Королев и маршал артиллерии М. И. Неделин.

Василий Иванович основное внимание в своей работе уделял совершенствованию стиля партийно-политической работы, повышению качества боевой подготовки, улучшению бытовых условий для личного состава, жилищному строительству, организации культурной работы, досуга. По его инициативе в феврале — марте 1957 года были проведены конкурсы на лучшую столовую, на лучшую солдатскую казарму, офицерское общежитие, смотр художественной самодеятельности. А ведь с момента рождения космодрома прошло чуть более полутора лет!

Но главное внимание В. И. Ильюшенко уделял строительству объектов космодрома, подготовке офицеров и солдат к испытаниям ракетной техники. Вместе со своими товарищами он отдал много сил для успешного запуска первых баллистических ракет, первого в мире искусственного спутника Земли и других космических аппаратов.

Благодаря настойчивым письменным просьбам начальника полигона А. И. Нестеренко и начальника политического отдела В. И. Ильюшенко 21 января 1958 года указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР поселку на 10-й площадке (до этого он условно назывался «Заря») было присвоено название «Ленинский». 1 марта 1959 года состоялись первые выборы Ленинского поселкового совета. Это политическое мероприятие потребовало больших усилий коллектива политотдела и его начальника.

В первые месяцы все прибывающие офицеры, рабочие и служащие размещались в палатках, землянках и вагонах. В условиях пустынной местности, жары, ветров и песчаных бурь условия жизни вновь создаваемого гарнизона усложнялись еще и тем, что вблизи не было крупных населенных пунктов, на которые можно было бы в какой-то степени базироваться и использовать

их коммунально-бытовые предприятия: хлебопекарни, прачечные, магазины, парикмахерские и т. п. Населенные пункты (Джусалы и Казалинск) не могли оказать помощи, так как были удалены на 100–120 километров. Питание всех жителей гарнизона осуществлялось из походных солдатских кухонь, а затем офицерский состав, рабочие и служащие, их семьи питались во временных столовых барачного типа.

Первая зима (1955/56 года) была на редкость холодной и ветреной. Морозы доходили до минус 42 градусов. Природа как будто нарочно решила проверить стойкость и мужество этого громадного, быстро создаваемого гарнизона. Зимой, для того чтобы поддержать минимально возможную температуру, необходимо было круглосуточно топить временные печи: железные, кирпичные, чугунные, глинобитные — какие кто мог соорудить. Это требовало большого количества дров. Надо учесть, что каждая палка, каждая щепка привозились за тысячи километров. Круглосуточная топка времянок вызывала частые пожары в палатках, землянках и домиках, несмотря на противопожарные мероприятия. И чем было холоднее, ненастнее, тем чаще возникали пожары. Начальником гарнизона был издан приказ, в котором требовалась постоянная противопожарная готовность всего офицерского состава в ночное время для выезда по тревоге. В каждом подразделении назначались дежурные противопожарные подразделения и нештатные пожарные команды. В результате проводимых мероприятий возникавшие очаги пожаров быстро ликвидировались.

Наблюдалась острая нехватка питьевой воды. Насосная станция у паровозной водокачки работала круглосуточно, но напоить всех она не могла. Случалось, что из-за отсутствия воды невозможно было приготовить обед в столовых. Солдаты самовольно выходили на дорогу, останавливали водовозки и выпивали их досуха, заливая про запас котелки, ведра, фляги.

Первый приезд Алексея Ивановича в район будущего полигона состоялся в июне 1955 года. В мае он находился на полигоне Капустин Яр, проверял размещение первых подразделений, которые там формировались: батальон связи и испытательные отделы. Там же размещался отдел кадров, который занимался подбором офицеров из состава ГЦП. В этот период Нестеренко внезапно заболел и попал в госпиталь, а через несколько дней на ГЦП прилетел маршал М. И. Неделин в сопровождении генерала Л. М. Гайдукова. К его прилету Алексей Иванович почувствовал себя лучше и прямо из госпиталя выехал на аэродром для следования с маршалом в Тюра-Там. К слову сказать, в период пребывания в госпитале ему удалось уговорить

начальника медицинской части госпиталя подполковника медицинской службы А. В. Соловьева дать согласие на должность начальника госпиталя на новом полигоне.

Посадка самолетов была возможной в то время только на аэродроме в Джусалах. Из Джусалов в Тюра-Там группа прибыла в специальном вагоне. Местность и условия расквартирования были удручающими: степь, такыры, солончаки, пески, колючки, жара и ветер, иногда переходящий в песчаные бури, множество сусликов. Ни одного дерева, ни одного населенного пункта. Как сказал адъютант Неделина по приезде на полигон: «Да, это вам не финская баня, это — среднеазиатская пустыня Тюра-Там».

А. И. Нестеренко вспоминал: «Из поселка Джусалы специальной железнодорожной летучкой, состоящей из тепловоза и двух пассажирских купейных вагонов, мы поехали на станцию сосредоточения строителей. Там нашу летучку поставили на временный железнодорожный путь. В металлических, раскаленных солнцем вагонах мы обливались по́том и жадно вдыхали воздух, как рыбы, выброшенные на берег. Страшно хотелось пить. Казалось, без привычки невозможно утолить жажду. Чтобы как-то облегчить возможность пребывания в вагонах, где можно было укрыться от палящего солнца, генерал Гайдуков приказал строителям цистерной подвезти воду к вагонам и поливать крыши вагонов водой, особенно ту часть вагона, где находился маршал. Но так как насосов не было, эту процедуру строители выполняли вручную ведрами. Эффект незначительный, но все-таки морально было легче. Тем более что эта примитивная операция производилась под непосредственным руководством генерала Гайдукова».

Только после заката наступала прохлада, которая способствовала быстрому восстановлению сил и энергии. Однако в ночное время одолевали другие неприятности — это надоедливые мухи, комары и москиты, мелкие и кусачие твари. Сколько видно глазам — бескрайняя пустынная степь, покрытая скудной, выжженной солнцем травой. Сама пустыня испещрена такырами, солончаками и кое-где песчаными барханами. Пейзаж пустыни дополнялся множеством сусликов и кругом — ни одного дерева. На станции было только два кирпичных двухэтажных здания и с десяток полуоблупленных глинобитных хибар с плоскими крышами. У некоторых из них стояли юрты. Кое-где можно было видеть исхудалых ишаков да небольшие группки коз или овец. Все это навевало безысходную грусть. Такое первое впечатление испытал каждый прибывающий на полигон.

Самым трудным моментом при подборе кадров для полигона являлось место дислокации. Нельзя было говорить и даже

намекать, где оно находится. Чтобы не раскрывать район дислокации, были установлены условные наименования. Основная база полигона, располагавшаяся в Казахстане, называлась «Тайга», база на полуострове Камчатка — «Кама». Многие офицеры, рабочие и служащие, прибывшие в «Тайгу», острили: «Почему же в “Тайге” нет ни одного дерева?»

Когда те, кто давал согласие ехать туда, узнавали, что это в районе Джусалы и Казалинска (в Большой советской энциклопедии он значился как район «природной чумы»), они сразу же отказывались, придумывали всевозможные причины и болезни: колит, гастрит, гипертония, малярия, предрасположенность к туберкулезу, если не у самого себя, то у ближайших родственников — жены, тещи, детей. К тому же требовалась предварительная проверка кандидатов по линии органов безопасности, соответствующая форма допуска. Для оформления допуска каждому офицеру и служащему необходимо было заполнить анкету. Многие вполне подходящие и достойные офицеры, узнав о пустынной местности и особо режимных условиях, отказывались. Приходилось каждому терпеливо и настойчиво объяснять, что эта новая стройка — очень важное мероприятие, в будущем все наладится, но на первых порах придется пережить определенные трудности и т. д.

Алексей Иванович был находкой для нового небывалого полигона. Так как он первым согласился выехать из Москвы на новое место, это давало ему моральное право агитировать молодежь ехать осваивать «целину» (так называли в то время полигон) — важнейший участок оборонного значения. Исключительно большую роль в подборе молодых офицерских кадров для полигона сыграло то обстоятельство, что Алексей Иванович был начальником реактивного факультета в Академии им. Дзержинского, где в апреле 1955 года был произведен большой выпуск слушателей. Это были его воспитанники, которых он знал, и они знали его. Для этой цели Нестеренко собирал целые курсы выпускников и проводил с ними разъяснительную работу, рассказывал о роли, месте и перспективах реактивной артиллерии и, особенно, баллистических ракет большой дальности. Офицеры верили ему и давали согласие ехать вместе с ним на покорение пустыни и космоса.

Он писал: «То количество слушателей, которое было намечено при распределении для полигона, сравнительно легко удалось сагитировать, и абсолютное большинство их без особого нажима дало согласие ехать осваивать “целину”, как мы называли в то время полигон».

Вместе с А. И Нестеренко на полигон прибыли выпускники Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского: А. П. Долинин, А. С. Кириллов, А. С. Матренин, А. А. Ряжских, В. Г. Соколов, В. А. Бобылев, В. П. Безносов, Р. М. Григорьянц, Н. К. Диденко, Г. А. Иньков, В. Д. Жигалов, Н. Г. Кальжанов, Б. Ш. Климов, В. Н. Кузовлев, Ф. Р. Ларичев, Е. И. Осташев, Н. П. Синеколодецкий, С. Д. Титов, В. Я. Хильченко, Б. А. Шпанов, Б. Н. Цветов и др.

Алексей Иванович также уговорил перейти на новый полигон большую группу офицеров Капустина Яра, что позволило воспользоваться их опытом на новом полигоне. Немало опытных инженеров и командиров ГЦП, получивших боевое крещение в испытательных работах, были назначены на командные и инженерные должности НИИП-5: А. А. Васильев, А. И. Носов, А. П. Метелкин, В. С. Патрушев, Ф. И. Зайцев, Н. И. Кулепетов, А. В. Соловьев, И. Т. Буряк, Д. Г. Харьковский, П. В. Гусев, А. Ф. Коршунов, Н. Т. Крючников, А. Н. Злыденко, В. И. Сорокин, С. С. Блохин, И. Г. Сависько, Н. П. Павлов, С. Д. Иванов, Н. Ф. Здор и многие другие. Несмотря на то, что они были первыми в Капустином Яре, осваивая «целину» в астраханских степях, они дали согласие поехать в район со значительно худшими климатическими условиями, в абсолютно неблагоустроенный гарнизон, на освоение еще более трудной «целины».

Надо отдать должное всем перечисленным товарищам. Они честно выполнили свой долг, много и самоотверженно трудились, передавали опыт, помогали создавать новую, более сложную организацию.

Вообще, в период формирования НИИП-5 со стороны полигона Капустин Яр была оказана большая помощь. Большинство служб полигона, часть подразделений формировалась и длительное время размещалась на полигоне Капустин Яр (раньше генерал В. И. Вознюк комплектовал свой полигон в НИИ-4 у Нестеренко, а теперь отдал ему долг).

Отдельная испытательная станция района падения головных частей на Камчатке тоже формировалась в НИИ-4. Для ее создания также пригодились старые связи и фронтовая дружба. Используя обширные связи, нетрудно было договориться и о подготовке испытателей на предприятиях промышленности, в НИИ и КБ.

Большую помощь в подборе кадров Алексею Ивановичу оказывали его заместители — А. С. Буцкий, А. Г. Карась, К. В. Герчик, Н. М. Прошлецов, В. И. Ильюшенко, А. И. Носов, А. А. Васильев, А. П. Метелкин, Н. Д. Силин, В. А. Лебедев,

И. К. Кругляк. Помогали и маршал артиллерии М. И. Неделин, и 4-й отдел Главного управления кадров Министерства обороны.

В дальнейшем подбор кадров осуществлялся следующим образом. Подбором кадров в ГУКе занимались полковники А. И. Попов и А. Р. Чайников. Они отбирали личные дела офицеров, изучали их и передавали Нестеренко для ознакомления. Наиболее достойных кандидатов вызывали из войск и академий для переговоров. Из воспоминаний генерал-лейтенанта П. П. Свотина (в те годы офицера отдела капитального строительства полигона): «После окончания Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева меня в числе нескольких выпускников пригласили в управление кадров, где молодой симпатичный полковник Чайников предложил работать на секретном объекте с таинственным названием “Тайга”. Весьма заманчивой представлялась интересная и сложная работа по строительству уникальных объектов и сооружений… В документах, выписанных на проезд, стояла конечная станция Тюра-Там, которой так же, как и “Тайги”, на картах не было… Май 1956 года был жарким. Особенно невыносимая жара стояла после Аральска. Если от Актюбинска в окно вагона можно было увидеть островки зеленой травы и небольшие холмы, то от Аральска пошла ровная серая полупустыня, полностью лишенная зелени. Хотя издали и виднелась лента реки, но берега ее были такие же серые, без единого деревца или кустика…

Проводник объявил нашу станцию, я выглянул в окно и не увидел ни одного домика, никакого признака близкого жилья… Станционный домик и два-три саманных сарая… Только чуть позже до меня наконец дошло, что я прибыл по назначению на объект “Тайга”».

Первым начальником службы опытно-испытательных работ был назначен на должность заместителя начальника полигона по ОИР подполковник инженерной службы Александр Иванович Носов, прибывший в апреле 1955 года в числе пятидесяти трех офицеров с полигона Капустин Яр. За запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он погиб 24 октября 1960 года во время катастрофы на стартовом комплексе площадки № 41 вместе с маршалом Неделиным.

Кстати, звания Героя Социалистического Труда в 1961 году был удостоен и начальник отдела анализа результатов испытаний инженер-подполковник Всеволод Андреевич Боков.

В состав службы ОИР входили: 9-й отдел (отдел анализа результатов испытаний) — начальник отдела инженер-

подполковник В. А. Боков; 11-й отдел (отдел комплексных испытаний) — начальник отдела инженер-полковник Николай Гаврилович Кальжанов, заместитель начальника отдела — инженер-майор Евгений Ильич Осташев, в будущем лауреат Ленинской премии, погиб 24 октября 1960 года во время катастрофы на стартовом комплексе площадки № 41; 12-й отдел (автономных испытаний) — начальник отдела инженер-майор Анатолий Семенович Кириллов, в будущем Герой Социалистического Труда; 13-й отдел (радиоуправления) — начальник отдела подполковник Павел Владимирович Гусев; 15-й отдел (наземного оборудования) — начальник отдела подполковник Аркадий Федорович Коршунов, в отделе проходил службу инженер-майор Александр Сергеевич Матренин, в дальнейшем генерал-лейтенант, заместитель министра общего машиностроения СССР; инспекция по технике безопасности, созданная в 1956 году, первый начальник — инженер-майор А. А. Березовой; физико-химическая лаборатория, первым начальником которой 6 июля 1955 года был назначен участник Великой Отечественной войны инженер-майор А. С. Кузнецов; 71-я и 72-я отдельные испытательные станции, отдельная испытательная станция радиоуправления полетом изделия.

Службе ОИР подчинялись также сборочная бригада (инженер-подполковник Б. А. Шпанов) и 229-й отдельный дивизион 77-й инженерной бригады — в/ч 55831 (подполковник Иван Иванович Черенков, имевший 583 военнослужащих и исполняющий обязанности начальника испытательной части). На базе дивизиона в июле 1957 года сформирована первая на полигоне отдельная инженерно-испытательная часть, имевшая по штату 889 военнослужащих и 9 рабочих и служащих, под командованием полковника Олега Ивановича Майского. В 1960 году его сменил полковник Валентин Николаевич Юрин. Боевой расчет дивизиона 15 мая 1957 года провел первый пуск МБР Р-7.

Из личного состава дивизиона также комплектовались измерительные пункты активного участка траектории.

Эшелоны с 229-м инженерным дивизионом 77-й инженерной бригады прибыли на полигон из Белокоровичей в конце июля — начале августа 1955 года. Прибывающий личный состав на станции встречал лично начальник полигона А. И. Нестеренко с группой офицеров. Ни рампы, ни кранов на станции не было, всё разгружали вручную.

Дивизион разместился в палаточном городке на берегу реки Сырдарьи и находился там до следующей весны. Условия размещения были чрезвычайно трудными. Питались тем, что привезли с собой: крупой и селедкой. Не хватало воды, хотя

рядом была река. Воду необходимо было кипятить, поэтому напоить несколько сотен человек водой тоже было проблематично.

Генерал-полковник А. А. Ряжских вспоминал: «Прибыли на станцию Тюра-Там, и на машинах нас отвезли на берег Сырдарьи. Развернули палатки (они были с собой). Днем в тени температура была сорок пять градусов, даже до сорока шести доходила. Я жил вместе с солдатами: жарища была невозможная, днем в палатку войти нельзя, там градусов под восемьдесят. Так всё нагревалось и раскалялось, что и есть не хотелось. Питались по солдатскому пайку: на обед горячий борщ из кислой капусты, сало жирное, комбижир. Вспоминаю: попадет жирная муха в суп — выкинешь ее ложкой оттуда — всё горячее, пот по лицу течет. Первые дни адаптации к тому климату проходили тяжело. Некоторые “декабристы” — это “студенты” (их было десятка полтора, которые окончили академию, брали их с третьего курса гражданских институтов и готовили из них инженеров-ракетчиков) надели спортивные костюмы и все время проводили на Сырдарье. Они говорили:

— Отправляйте нас назад, не хотим тут служить и не будем — что хотите делайте.

Я же так рассуждать не мог, все-таки кадровый военный. Помню, все время хотелось пить. Пили из Сырдарьи, а там вода с песком, поэтому приходилось ее отстаивать. Нам выдавали по одной фляжке кипяченой воды, но она заканчивалась мгновенно, а потом пили из Сырдарьи. Пошли заболевания. Я дал себе зарок — никакой воды из реки, пить только утром и вечером (потому что все-таки река, половина песка — черт ее знает, какая она). А некоторые заболели.

Там же впервые встретил начальника полигона А. И. Нестеренко и начальника штаба А. С. Буцкого. Они приехали к нам на Сырдарью.

А. И. Нестеренко рассказал нам, что мы прибыли на полигон, будем его создавать и, как испытательная часть, будем испытывать новые ракеты, а в ближайшее время группа инженеров поедет на переподготовку в Москву.

Жили мы на Сырдарье довольно долго, а потом нас перевезли на вторую площадку, где для нас были отрыты большие и глубокие землянки, как в Капустином Яре, — в них и жили. Участвовали в монтаже стартовой площадки и МИКа. Я был начальником электроогневого отделения в составе дивизиона (командир — подполковник И. И. Черенков, И. И. Демидкин — начальник штаба, Н. И. Гурьев — замполит, В. Н. Ломакин — заместитель по тылу). Нас называли частью, и мы трудились,

оказывая помощь испытательному управлению в монтаже и приемке стартовых сооружений и монтажно-испытательного корпуса.

Запомнился мне один эпизод. Обмундирование приходилось все время стирать в Сырдарье хозяйственным мылом, и сохло оно мгновенно. Привел себя в порядок, почистил сапоги — дай, думаю, пойду в городок, посмотрю, что и как там. В городке в деревянном бараке штаб, несколько сборно-щитовых домов, столовая и дорога к станции. Думаю: пойду выпью в буфете холодненькой водички. Пришел, в столовой официантка с болезненным выражением лица. Я спросил:

— А можно у вас водички выпить?

Она на меня посмотрела неприязненно и, грязно выругавшись, ответила:

— А больше тебе ничего не надо?

Мне, конечно, после этого уже ничего не надо было, и я отправился опять на Сырдарью. Настроение у меня, честно говоря, упало.

Вещи мои (шкафчик и ящик) стояли рядом с солдатской палаткой, наполовину уже засыпанные песком. Пыль и песок хрустели на зубах».

Весной начальник полигона поставил дивизиону следующие задачи — разгрузка, перевозка, хранение и охрана грузов, прибывающих для полигона, строительство сборно-щитовой казармы для личного состава и шести финских домиков для размещения офицеров дивизиона, патрулирование на станциях Казалинск (110 километров), Джусалы (80 километров) от Тюра-Тама и на промежуточных полустанках.

Дивизион имел командование, штаб и четыре батареи. Две батареи располагались на площадке № 2: 1-я — комплексных испытаний и пуска (командир майор Н. Д. Голованов) и 2-я — наземного оборудования (майор В. Т. Козлов), 3-я батарея располагалась на РУП «Б» (пункт боковой радиокоррекции — командир майор В. И. Нестеренко, однофамилец Алексея Ивановича), 4-я батарея — обработки опытных данных (командир майор В. С. Беляев) — располагалась на площадке № 10.

Еще один дивизион бригады РГВК из Белокоровичей прибыл в состав полигона в июле 1956 года. В течение июля — ноября 1956 года более 100 офицеров, сержантов и солдат этого дивизиона были направлены на заводы и на полигон Капустин Яр для освоения новой техники. К началу 1957 года дивизион был передислоцирован на площадку № 2 в качестве испытательной части ракеты Р-7. Там в течение четырех-пяти лет он располагался в бараках и землянках.

2 июня 1955 года в управлении НИИП-5 была создана служба научно-исследовательских работ и измерений. Первым начальником службы стал фронтовик, будущий генерал-лейтенант итс, начальник Главного управления ракетного вооружения в 1964–1967 годах полковник Анатолий Алексеевич Васильев. В службу вошли: группа управления, а также отделы и лаборатории: 4-й — астрономо-геодезический; 10-й — внешнетраекторных измерений; 14-й — телеметрических и автономных измерений; 16-й — математической обработки; лаборатория № 7 — радиопомех и радиоизмерений; лаборатория № 8 — фотокиносъемок и светокопий. Службе подчинялись все измерительные пункты, в том числе ИПы Камчатки.

В числе первых подразделений полигона была создана 44-я отдельная испытательная станция измерительных служб (ИП-1), которая стала основой для формирования других пристартовых измерительных пунктов, а также практической базой для отработки и внедрения новых образцов измерительной техники.

Для контроля полета ракет вне зоны видимости пристартовых пунктов была развернута сеть трассовых измерительных пунктов по всей территории страны с запада на восток от Джезказганской и Тургайской областей до Барнаула на Алтае. Последними в этой цепи были пункты на полуострове Камчатка, предназначенные для сопровождения головных частей МБР до их падения.

К началу летных испытаний МКР Р-7 в 1957 году в состав измерительного комплекса вошло девять измерительных пунктов в Казахстане и шесть измерительных пунктов на Камчатке. Начальниками ИПов 1–9 были подполковник Г. М. Колеганов, техник-лейтенант В. А. Сивов, техник-лейтенант А. А. Соколов, подполковник А. И. Ларцев, майор С. А. Амплиев, подполковник В. Д. Ветласенин, инженер-подполковник А. Т. Мороз, майор П. М. Гавриленко, подполковник И. С. Юдаев.

Службе подчинялся комплекс пунктов радиоуправления и измерения РУПИ — основной «А» (в/ч 25642) Тартугай (майор А. В. Родионов), зеркальный «В» (в/ч 14094) Тогыз (инженер-подполковник Я. А. Плотников) и временный.

Одной из важнейших задач было создание материальной базы для испытания новейшей космической техники. Было очень трудно в первый год. Нестеренко вспоминал: «Форменным образом все, вплоть до самой мелочи приходилось выколачивать в различных органах и организациях». Для решения всего этого комплекса задач возникла необходимость в создании органов, которые смогли бы обеспечить прием и распределение поступающего, не имеющего аналогов в мировой практике, оборудования.

Поэтому в 1955 году в штате полигона была создана служба производственного обеспечения — служба главного инженера, на которую были возложены задачи по организации монтажа и проведения испытаний новой техники. С 15 апреля службой руководил заместитель начальника полигона по производственному обеспечению — главный инженер полковник Анатолий Павлович Метелкин, участник Великой Отечественной войны, ранее занимавший аналогичную должность на Государственном центральном полигоне Капустин Яр. Под его руководством были определены и составлены первые заявки на поставку необходимого оборудования и расходных материалов на 1956 год, что позволило систематизировать процесс эксплуатации оборудования строящихся объектов. В последующем служба вооружения несколько раз переименовывалась, но ее функции не изменялись.

В состав службы первоначально вошли отделы главного механика (инженер-подполковник М. И. Золотарев), главного энергетика (инженер-подполковник Г. К. Кравцов), технического обеспечения научно-испытательных и опытно-испытательных работ (майор Ф. И. Зайцев), специального железнодорожного оборудования и специальных железных дорог (подполковник П. П. Будник), специального и артиллерийского вооружения (майор Н. П. Павлов), отдел контрольных измерений (инженер-подполковник С. С. Бахвалов), кислородно-азотный завод (инженер-подполковник Н. П. Клименко), пожарная инспекция.

Кроме того, главному инженеру подчинялась теплоэлектроцентраль (майор М. А. Юдин). В 1957 году пустили энергопоезд Б-1400. В 1955 году в составе службы производственного обеспечения была сформирована центральная материально-техническая база полигона, которую возглавлял техник-лейтенант В. Ф. Голанов.

Тогда же в составе службы производственного обеспечения была создана отдельная центральная экспериментальная ремонтно-механическая мастерская, начальником которой был назначен инженер-майор В. Н. Калиновский.

Мастерская состояла из четырех цехов: ремонта электрорадиооборудования, слесарно-механического, ремонта и юстировки оптических приборов, мер и весов, горячей обработки металлов и покрытий.

2 июня 1955 года для обеспечения штаба, управления и воинских частей полигона всеми видами почтовой корреспонденции в числе первых частей и подразделений полигона была создана военно-почтовая станция, которая позже была переименована в гарнизонный военно-почтовый

сортировочный пункт, а затем в узел фельдъегерской почтовой связи.

В том же 1955 году был сформирован отдел технического обеспечения научно-испытательных и опытно-испытательных работ, который выполнял задачи по обеспечению воинских частей полигона техническими материальными средствами, специальным техническим и технологическим оборудованием для проведения специальных работ по эксплуатации, техническому обслуживанию и текущему ремонту специальной техники, специальных зданий и сооружений, инженерных сетей и коммуникаций технических и стартовых комплексов. Первым начальником отдела 12 апреля 1955 года назначен фронтовик, полковник Ф. И. Зайцев. В дальнейшем отдел был преобразован в отдел планирования и материально-технического обеспечения научных и производственных работ.

С началом строительства полигона и вводом в строй первых специальных объектов серьезнейшее внимание уделялось вопросам режима и охраны этих объектов. В управлении полигона была предусмотрена должность заместителя начальника полигона по режиму и охране, на которую 15 апреля 1955 года был назначен ветеран Великой Отечественной войны полковник Николай Дмитриевич Силин. Ему подчинялась 181-я отдельная рота охраны (капитан Михаил Евгеньевич Бушмакин).

В 1955 году в состав управления космодрома вошел отдел кадров. Он подчинялся непосредственно начальнику полигона и под его руководством вел работу с военными кадрами в подчиненных частях. Первым начальником отдела кадров был полковник Алексей Николаевич Злыденко, назначенный с ГЦП МО (Капустин Яр) приказом начальника ГУК МО от 18 апреля 1955 года. Именно ему и его подчиненным выпала особо сложная работа с кадрами в начальный период создания испытательного полигона. Было чрезвычайно трудно работать без соответствующих помещений и средств связи. Для укомплектования новых частей и подразделений прибывали группы офицеров — выпускников академий и военных училищ. Всех их необходимо было незамедлительно принять, распределить по частям, оформить приказы, направить к месту постоянной службы и т. д.

В связи с началом развертывания строительства специальных объектов на полигон поступало огромное количество техники и оборудования, которое необходимо было принимать, перевозить, монтировать и сдавать в эксплуатацию. Контроль монтажа оборудования и строительства специальных сооружений выполнял отдел капитального строительства, входивший в первые

годы в службу главного инженера полигона. Возглавлял ОКС с 19 мая 1955 года инженер-полковник П. П. Киселев. В сентябре 1956 года ОКС возглавил инженер-подполковник С. Д. Иванов. Первый заместитель начальника полигона по строительству и эксплуатации полковник Николай Николаевич Васильев осуществлял взаимодействие всех служб и частей полигона с военными строителями 130-го УИР при строительстве объектов полигона.

От офицеров ОКСа требовались оперативность и владение своевременной информацией, а также контроль за ходом строительства объектов и монтажа оборудования, для чего начальник полигона А. И. Нестеренко 28 сентября 1955 года издал приказ «О закреплении строительных площадок за офицерами ОКСа и повышении ответственности за качество работ». Офицеры ОКСа месяцами находились на строительных площадках, а старшие офицеры отдела до июля 1957 года постоянно проживали в городке военных строителей в районе площадки № 1.

В 1955 году, в начале строительства полигона, на разъезд Тюра-Там прибыла отдельная эксплуатационно-ремонтная рота капитана Попова, личный состав которой за три месяца построил насосные станции 1-го, а затем 2-го подъема. Были установлены два центробежных насоса производительностью 300 кубических метров в час. На 2-м подъеме имелись два заглубленных резервуара и хлораторная. Первая магистраль водопровода в поселке «Заря» была проведена в 1956 году.

В апреле 1955 года в составе управления полигона был сформирован отдел службы единого времени специальной связи, который затем переименован в отдел связи полигона. Первым начальником отдела службы единого времени и специальной связи 12 апреля 1955 года назначен полковник Николай Тимофеевич Крючников, ветеран Великой Отечественной войны. Система связи предназначалась для обеспечения всеми видами связи штаба полигона с ГШ ВС СССР, ГШ РВСН, штабами взаимодействующих видов войск, военными округами, предприятиями и промышленными организациями на территории СССР, с подчиненными частями, а также для информационного обмена в период подготовки, запуска и управления космическими аппаратами различного назначения.

2 июня 1955 года в числе первых подразделений полигона был сформирован отдельный автотранспортный батальон. Первым командиром батальона назначен подполковник Владимир Михайлович Быков. Доставку боевых расчетов военных испытателей и представителей промышленности на стартовые

площадки обеспечивали 20 автобусов батальона. Позже первых космонавтов — Ю. А. Гагарина, Г. С. Титова и других — на площадку доставляли восьмиместным автобусом ЛАЗ-695, главнокомандующих РВСН на автомобиле ЗИМ, а академика С. П. Королева — на автомобиле ГАЗ-21 «Волга».

9 июля 1955 года был издан приказ № 1 по Дому офицеров полигона, который сообщал о вступлении в должность его первого начальника — майора Петра Семеновича Калина. Первоначально Дом офицеров размещался в одном из бараков по улице Набережной.

29 октября 1955 года завершилось формирование военной прокуратуры полигона. Был представлен ее первый статистический отчет о работе в Главную военную прокуратуру СССР.

1 января 1956 года на станцию Тюра-Там в состав полигона прибыла железнодорожная рота. Ее штатный состав занимался обслуживанием и ремонтом железной дороги, на которую по мере роста полигона ложилась все большая нагрузка.

В 1956 году в целях метрологического обеспечения полигона был сформирован отдел контрольных измерений, который возглавил участник Великой Отечественной войны инженер-подполковник С. С. Бахвалов. 25 февраля 1957 года отдел получил первое регистрационное удостоверение на право проверки восьми наименований приборов. В последующем отдел контрольных измерений был преобразован в базу измерительной техники.

Постановлением Совета министров СССР от 12 февраля 1955 года № 292–181 о создании НИИП-5 МО в числе различных служб полигона была медицинская служба, начальником которой стал подполковник медицинской службы Феликс Степанович Вишневский, участник Великой Отечественной войны с первого до последнего дня, первый бригадный врач бригады особого назначения А. Ф. Тверецкого. Кстати, с образованием Ракетных войск стратегического назначения Феликс Степанович был назначен старшим офицером по медицинскому обеспечению 1-го отдела начальника тыла РВ, а затем в сентябре 1960 года заместителем начальника медицинской службы начальника тыла РВ и по сути дела формировал эту службу в новом виде Вооруженных сил. К большому сожалению, 17 ноября 1960 года полковник медицинской службы Ф. С. Вишневский погиб в автомобильной катастрофе при исполнении служебных обязанностей.

Строительство полигона разворачивалось в обширной и безводной местности, вдали от населенных пунктов.

Сосредоточение большого количества людей с первых дней выдвигало задачу сохранения их здоровья. Создание медицинской службы полигона решалось в необычных условиях и не было предусмотрено медицинскими руководствами и наставлениями. Санитарно-гигиенические, противоэпидемические, лечебно-профилактические мероприятия как основные направления деятельности медицинской службы переплетались со специфическими задачами испытательного ракетного полигона: влияние профессиональной вредности на состояние здоровья военнослужащих при работах с компонентами ракетного топлива (КРТ), оказание медицинской помощи при проведении опытно-конструкторских работ.

Кроме того, изучение медико-санитарной и эпидемиологической обстановки полигона и близлежащих к нему районов показало их неблагополучие. Полигон размещался на открытой пустынной территории с районами очаговой природной чумы и резко континентальным климатом. При высокой температуре окружающей среды огромный ущерб здоровью военнослужащих и гражданского персонала наносила пыль.

Пыль была наиболее неприятным явлением до строительства бетонных дорог. Перед командованием полигона встала задача — немедленно приступить к озеленению строящегося городка (10-я площадка), чтобы показать, что при наличии воды и человеческого труда в пустыне можно создать оазис. Большое внимание уделял этому вопросу маршал М. И. Неделин, который не только интересовался ходом озеленения, но и требовал выполнения плана озеленения городка. Озеленение проводилось за счет смет строительства, системой субботников и закреплением определенных участков (улиц, скверов) за частями и подразделениями. В 1956–1964 годах на полигоне было высажено около 300 тысяч саженцев деревьев, около 400 тысяч кустарников и четыре тысячи саженцев фруктовых деревьев. Одним из инициаторов и руководителей озеленения был первый начальник полигона генерал-лейтенант Нестеренко.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта П. П. Свотина (в те годы — офицера отдела капитального строительства полигона): «Седьмого ноября (1956 года. — *Г. С., В. И.)* против первой и второй будущих казарм на заасфальтированном участке дороги состоялся парад и демонстрация. Парад принимал начальник полигона А. И. Нестеренко. После короткой торжественной речи (Алексей Иванович длинных речей не любил вообще) мы прошли мимо трибуны и голова колонны повернула в сторону городка — домой. Мы обрадовались быстрому завершению парада. Однако последовала команда, и вся колонна снова двинулась к трибуне.

Участники парада задавали друг другу вопрос: в чем дело? Нас вновь выстроили перед трибуной. Алексей Иванович произнес вторую краткую речь, суть которой заключалась в том, чтобы каждый из нас в честь праздника посадил по 25 деревьев на месте будущего парка. Поле уже было вспахано, лопаты и посадочный материал лежали позади строя, агроном и инструкторы ждали нас с нетерпением. Через некоторое время деревья уже стояли ровными рядами.

Несмотря на усталость, возвращались домой в хорошем настроении, в ожидании праздничного ужина».

Для посадки использовались карагач, несколько видов тополя, разновидности маслины, облепиха, туя, тутовник, рябина. Конечно, значительная часть деревьев и кустарников спустя несколько лет начинала гибнуть из-за полива и связанного с ним засоления почвы. Но в таких жестоких условиях: летом — засухи, зимой — капитальные морозы, Байконур стал и продолжает оставаться настоящим оазисом в пустыне.

В 1982 году писатель Иван Фотиевич Стаднюк написал замечательные строки:

«Я понял, что сам этот оазис в пустыне — подвиг. И каждое его дерево — тоже подвиг. Как и дело, трудное и ответственное, коим занимаются его обитатели. Поразительно, в первое утро на Байконуре меня разбудил звон кукушки, который тут же был поддержан трелью соловья».

Большую роль в озеленении сыграли и проводившиеся с осени 1957 года выставки цветов и овощей. Женщины старались развести огородик или цветник. Так начиналось создание космодрома, которому предстояло сыграть выдающуюся роль в деле повышения военного могущества нашей родины, в деле прогресса советской науки, освоения космического пространства.

Казахстанская земля в этом районе не баловала осадками, что приводило к дефициту воды. Нарушение водно-солевого баланса в организме несло отрицательные последствия: снижение работоспособности и восприимчивости организма к инфекции. Начальник медицинского отдела Ф. С. Вишневский был и первым гарнизонным врачом, хотя и не входил в штат госпиталя. Именно под его руководством в период с 1955 по 1960 год решались вопросы строительства военного госпиталя, разворачивания медицинских пунктов воинских частей, обеспечения медицинским имуществом и медикаментами.

Военный госпиталь на 400 коек был сформирован 2 июня 1955 года в числе первых подразделений. Первым начальником госпиталя стал подполковник медицинской службы Александр Васильевич Соловьев, всю войну прослуживший командиром

медицинской роты, а затем начмедом госпиталя. Он был хорошим знатоком своего дела, умело расставил медицинский персонал.

Первоначально госпиталь размещался в больших палатках, затем возвели два здания барачного типа на все лечебно-диагностические отделения, управление, службы. Врачи-специалисты приехали из разных городов страны. Все начальники лечебно-диагностических отделений имели значительный опыт работы, являлись участниками Великой Отечественной войны. Одним из первых было открыто родильное отделение. Первыми его «клиентами» были трое мальчишек: сыновья служащей Советской армии Галины Ильиничны Горблюк (9 февраля 1956 года), жены офицера Валентины Ивановны Биляр (17 февраля 1956 года) и жены военнослужащего Ларисы Сергеевны Заворотняк (18 февраля 1956 года). В 1956 году родилось 67 малышей. А всего в госпитале на Байконуре родилось около пяти тысяч новых жителей города.

За прошедшие годы тысячи людей вышли из госпиталя в жизнь, вернулись в боевой строй, к созидательному труду и творчеству. Сегодня военный госпиталь на Байконуре является крупнейшим медицинским учреждением. Его лечебные здания, служебные и хозяйственные постройки занимают площадь почти в десять гектаров. Вырос любовно ухоженный парк, начало которому было положено в далеком 1956 году. И до сих пор высаживаются сотни новых деревьев и кустарников.

Вторым медицинским коллективом Байконура стал отдельный противочумный отряд, сформированный 2 июня 1955 года численностью 14 военнослужащих и пять служащих СА. Силами противочумного отряда, которым руководил капитан ветеринарной службы Василий Ефимович Деревяшкин, проводилась активная разведка всех районов, расположенных вблизи полигона. От руководителей отряда шла полноценная и своевременная информация командованию полигона об эпидемиологическом состоянии этих районов. Территория полигона была районом природной очаговости чумы, основным источником которой были грызуны.

В состав полигона вошли также следующие части и подразделения: отдельная производственная эксплуатационно-техническая рота — (майор И. П. Кузнецов), военная комендатура (подполковник А. М. Пышкин), гауптвахта (лейтенант В. А. Шахматов), полевое управление Государственного банка (майор интендантской службы П. Д. Плаутин).

Кроме этого в состав полигона входили: стационарная авторемонтная мастерская (старший инженер-лейтенант В. В. Климов), склад артиллерийского вооружения (техник-

лейтенант В. Е. Деев), три пожарные команды (начальники техники-лейтенанты Ф. М. Левошин, А. Я. Нестеров, П. А. Ходаковский), центральная дизельная электростанция (младший инженер-лейтенант Р. В. Щербачев), два энергопоезда (инженер-лейтенант К. В. Иванов), скотоубойный пункт (лейтенант интендантской службы В. В. Редька), банно-прачечный дезинфекционный пункт (лейтенант интендантской службы В. П. Талалаев), 13-й банно-прачечный дезинфекционный поезд (майор Е. И. Шинкаренко), центральная материальная база (капитан И. П. Писанов), хлебопекарня (лейтенант интендантской службы Н. М. Черленяк), кинобаза (лейтенант Б. Г. Быков), 50-й отдел военной торговли (Д. И. Волков), промкомбинат (В. А. Боровков), торгово-заготовительная база (З. С. Хуциев), три столовые № 1–3 (Х. Ирюков, У. Утаров, В. А. Котельников), вечерняя общеобразовательная школа при Доме офицеров (Е. М. Кузнецова).

Особенно много хлопот Алексею Ивановичу доставляла база падения головных частей «Кама» на Камчатке, создаваемая на голом месте, в самом отдаленном, в буквальном смысле медвежьем углу.

Для летных испытаний межконтинентальных ракет и ракет-носителей необходимо было иметь оборудованный различными измерительными средствами район падения головных частей. Необходимо было создать научно-испытательную базу района падения, способную фиксировать все необходимые параметры. В условиях выбранной трассы стрельбы и расположения головной базы полигона, то есть района стартовых позиций, наиболее подходящим районом падения головных частей был определен район северной части полуострова Камчатка.

Научно-испытательную базу района падения головных частей для удобства при служебной переписке и сохранения секретности условно назвали «Камой». Район «Камы» в период его освоения был малонаселенным, диким районом на севере Камчатки, с красивым, но угрюмым ландшафтом, с величественными сопками и тайгой, лесисто-болотистыми поймами рек и озер и зарослями кедрового стланца на склонах гор. Основными обитателями этого района были дикие олени, медведи, кабаны и многие разновидности мелкого таежного зверя. От Уки до Ключей абсолютно не было путей сообщения.

По ориентировочным расчетам, для подготовки к летным испытаниям всего комплекса «Камы» требовалось около двух лет. Учитывая ограниченный срок навигации и длительность зимнего периода, было принято решение: работы по созданию «Камы» начать одновременно с началом строительства основной базы

полигона. Для этой цели из числа строительных организаций Дальневосточного военного округа был создан строительный участок во главе с подполковником Бабаком. Первые строительные отряды прибыли в Ключи в августе 1955 года.

В июне 1955 года был разработан первый штат научно-испытательной базы. Первым начальником «Камы» был назначен заместитель начальника экспериментального завода НИИ-4 МО инженер-подполковник В. Д. Козлов, начальником штаба — подполковник Н. И. Кузьменко, заместителями: по политчасти — подполковник А. П. Бодров, по службе измерений — инженер-подполковник А. И. Листратов, по технической части — подполковник А. С. Полищук, по строительству — инженер-лейтенант А. И. Лакизо.

Формирование первых подразделений для «Камы» производилось под Москвой на территории НИИ-4 МО в Болшеве. Очень важно было, чтобы личный состав ОНИС прибыл на полуостров в свой район дислокации до закрытия навигации в Беринговом море.

Первый эшелон во главе с подполковником Н. И. Кузьменко был отправлен в июне со станции Пушкино. Перед отправкой первого эшелона на станцию погрузки прибыл заместитель министра обороны маршал артиллерии М. И. Неделин, который перед строем отправляемых офицеров, солдат и сержантов в своем выступлении указал на важность и необходимость этого мероприятия. Свое выступление он закончил словами: «Товарищи солдаты, сержанты и офицеры! Желаю счастливого пути и успехов в выполнении задания. Родина вас не забудет!»

Алексей Иванович позже вспоминал: «Однако в действительности это обещание не всегда выполнялось. Так, например, по неизвестным мне причинам из списков офицеров “Камы”, представленных к наградам, была вычеркнута фамилия подполковника Н. И. Кузьменко, который первым возглавлял группу, прибывшую в Тюра-Там, а затем возглавил первый эшелон, отправлявшийся на “Каму”. В результате тяжелой авиационной аварии подполковник Н. И. Кузьменко был тяжело ранен и на всю жизнь остался инвалидом (поврежден позвоночник). Он умер после трехлетней мучительной болезни. Только благодаря тому, что перед выходом указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении личного состава полигона я был в Москве и через отдел ЦК КПСС (тов. Сербина) узнал, что из списков представленных к награждению вычеркнуты некоторые офицеры, удалось добиться, чтобы эти достойные товарищи получили награды (Коршунов, Силин, Кузьменко и др.)». Указом от 21 декабря 1957 года Аркадий Федорович

Коршунов был награжден орденом Ленина; а Николай Дмитриевич Силин и Николай Иванович Кузьменко — орденами Красной Звезды.

Этот факт говорит еще и о том, что плохо, когда начальники, не зная подчиненных, делают вид перед вышестоящими инстанциями, будто знают их, и без зазрения совести вычеркивают тех, кто попадет под руку.

Для ознакомления с условиями жизни и работы на Камчатке и контроля за отправкой второго эшелона «Камы» из Владивостока, а также для проверки хода строительных работ основной базы «Камы» и ее измерительных пунктов в первых числах сентября генерал Нестеренко с адъютантом В. Барановым вылетел в Хабаровск, затем во Владивосток, а оттуда через Магадан в Петропавловск-Камчатский и Ключи.

К этому времени на всех измерительных пунктах были определены места посадок всех основных сооружений. Строители совместно с личным составом приступили к строительству первоочередных сооружений. Фактически оставалось два — три месяца строительного сезона и навигационного периода как по морю, так и по суше.

Было совершенно ясно, что нельзя рассчитывать на строителей, их было слишком мало на каждой точке, да и организация их труда оставляла желать лучшего. Поэтому было принято решение: основные усилия строителей сосредоточить на специальных и служебных сооружениях, а все жилые и подсобно-вспомогательные сооружения (постройки) личный состав измерительных пунктов должен выстроить своими силами.

Необходимо было построить казармы, столовые, пекарни, бани, прачечные, хранилища, склады, землянки для офицеров и их семей и т. д. Для этой цели в основном использовались подручные материалы, так как было бессмысленно рассчитывать на привозной стройматериал. Наиболее сложной была проблема со строительным лесом. На северных пунктах можно было использовать только корявую кряжистую камчатскую березу, чахлый кедрач и кустарниковые породы. Учитывая быстро надвигающуюся камчатскую зиму, надо было строить быстро и надежно, крепко, чтобы не разрушались эти наспех созданные сооружения от мощных снежных завалов и оползней в осенне-весенний период. Другие неотложные задачи строительства отодвигались на второй план.

Сложившиеся условия вынудили командование ОНИС ходатайствовать об отсрочке срока демобилизации солдат и сержантов последнего года службы и задержать прикомандированный состав из 52-го отдельного пулеметного

артиллерийского полка. Задержать их на пару месяцев разрешили и за этот период они многое помогли сделать.

Во Владивосток Нестеренко прилетел до начала погрузки второго эшелона на океанский пароход «Красногвардеец». Техника и имущество второго эшелона были сосредоточены в порту в готовности для погрузки.

После беседы с офицерами, солдатами и сержантами была проведена беседа и с женами офицеров, едущими этим эшелоном. Многие из них были с детьми. Членов семей было около сорока человек. Как вспоминал один из офицеров-первопроходцев — еще при назначении им пытались внушить, что холостым офицерам следует воздержаться от женитьбы, а женатым — не брать с собой семьи. Ссылались на отсутствие жилья в месте службы и другие житейские трудности. Вначале шла речь о вахтенном методе. Но офицеры в большинстве своем уже переженились, и жены были готовы разделить с ними тяготы воинской жизни.

В своей беседе Нестеренко старался подробнее рассказать о тех трудностях, которые им придется пережить при следовании на пароходе и при рейдовой выгрузке. Особенно подчеркнул что те, кто едет с мужьями на измерительные пункты, будут жить в особенно тяжелых и необычных условиях — в отрыве от населенных пунктов, в составе маленьких гарнизонов, в условиях суровой и длительной камчатской зимы и т. д. Поэтому было предложено, пока не поздно, обдумать, взвесить и окончательно принять решение. Алексей Иванович разъяснил, что в конечном счете разрешения желающим семьям офицеров ехать с эшелоном добились, имея в виду, что это облегчит их переезд, рассчитывая, что семья не будет обузой, а наоборот, жены будут способствовать и помогать мужьям выполнять свой служебный долг.

У жен офицеров не было и признаков уныния или упреков и нареканий, несмотря на то, что они были уже более двух недель в пути. Не было ни одной женщины, которая проявила бы малодушие. Были вопросы и просьбы такого порядка: «Сколько лет придется им там с мужьями жить?», «Будет ли регулярно почта?», «Разрешат ли мужьям ежегодные отпуска?», «Как будет организовано питание семей, так как универмагов и военторга в тайге, очевидно, не будет?» и т. д.

«Лишь бы было питание, а остальное все переживем и обузой для мужей не будем» — это было их последнее заявление.

На третий день эшелон был погружен на океанский пароход «Красногвардеец». Старшим и ответственным за организацию погрузки, следования в пути и выгрузку был назначен инженер-подполковник Алексей Иванович Листратов. Он являлся начальником эшелона.

Дальше был перелет по маршруту Хабаровск — Николаевск-на-Амуре — Охотск — Магадан. Переночевав в Магадане, на вторые сутки прилетели в Петропавловск. Полет проходил в сложных метеоусловиях — туман и сплошная облачность. Особенно сложными были подходы и посадки на аэродромах в Охотске и Магадане. Из Магадана вылетели, когда рассеялся туман над Охотским морем.

В Петропавловске Алексей Иванович побывал у секретаря обкома партии М. А. Орлова и начальника гарнизона. В пределах допустимой информации для них он рассказал им о цели прилета на Камчатку и просил их оказывать всяческое содействие командованию вновь создаваемой организации на территории их области. Орлов обещал в пределах возможного оказывать помощь.

Из Петропавловска с аэродрома Елизово на «своем» самолете Ли-2 перелетели в Ключи. Посадку произвели на посадочной площадке в пяти-шести километрах от Ключей. Эта площадка в дальнейшем была основным аэродромом «Камы» до постройки аэродрома в районе Ключей. После ознакомления с условиями размещения личного состава, имущества, техники и ходом строительства Нестеренко с начальником научно-испытательной базы полковником Иваном Кондратьевичем Павленко на вертолете вылетел в Усть-Камчатск. К этому времени из Владивостока должен был подойти к Усть-Камчатску пароход «Красногвардеец» со вторым эшелоном.

Из-за отсутствия оборудованных портов с причалами для океанских пароходов приходилось осуществлять рейдовую выгрузку всего прибывавшего оборудования и имущества в трех пунктах: Усть-Камчатске, Озерной и Уке, что чрезвычайно усложняло организацию работ по созданию научно-испытательной базы в установленные сроки.

Между Ключами и Усть-Камчатском, в Нижне-Камчатске, в то время располагался 52-й отдельный пулеметный артиллерийский полк (ОПУЛАП). Из этого полка по личному письму Нестеренко на имя Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, в то время командующего Дальневосточным округом, было выделено в распоряжение начальника «Камы» 200–250 человек для оказания помощи. Личное письмо Алексей Иванович написал Малиновскому потому, что в 1942 году он командовал гвардейскими минометными частями Южного фронта и командующий фронтом Малиновский относился к Нестеренко очень хорошо. Необходимая помощь была оказана.

По дороге в Усть-Камчатск совершили посадку в районе штаба 52-го ОПУЛАП, чтобы договориться с командиром полка о выделении плавсредств для оказания помощи в разгрузке

парохода и в перевозке имущества из Усть-Камчатска в Ключи по реке Камчатке, а также о порядке обеспечения зимним обмундированием прикомандированных людей. С большим трудом удалось уговорить его помочь в разгрузке парохода и перевозке имущества. Выгрузка имущества и личного состава в Усть-Камчатске с океанских пароходов могла быть только рейдовой, так как океанские пароходы не могли подходить к причалам Усть-Камчатского порта. В порту необходимо было договориться о разгрузке парохода и перевозке имущества из порта в Ключи по реке Камчатке. Необходимо было зафрахтовать (нанять) плоскодонные речные баржи и буксиры, а также определить место выгрузки имущества в порту. Оказалось, что этот процесс выгрузки не менее опасен, чем плавание на малых судах в открытом океане. Дело в том, что в устье реки Бары прибоем морских волн образовалась песчаная подводная гряда, как бы запирающая вход с океана в устье. Для проводки груженых барж имелся неширокий (подводный) углубленный проход, как бы фарватер реки достаточной глубины для прохода барж.

Задача буксирных пароходов заключалась в том, чтобы проводить баржи в этот узкий подводный пролив и не посадить баржу на песчаную отмель. Это была сложная и опасная операция. Один из буксиров пытался ввести в устье реки баржу, груженную имуществом, полученным на рейде с океанского парохода неизвестной нам организации. После штормовых дней волна за волной высоким пенистым валом катились на берег бурные накаты. Бурный накат при входе в пролив подхватил буксирную баржу и швырнул ее как щепку на подводную отмель. Лопнул буксирный трос. Вторым накатом баржу перевернуло на бок. Находившиеся на барже пять моряков с большим трудом были спасены буксиром.

Эта картина наглядно показала, как много трудностей должны преодолеть солдаты и офицеры, пока доставят все грузы на свои пункты.

На второй день погода была хорошая, накат значительно уменьшился. Плавотряд «Камы», усиленный плавсредствами 52-го полка, совместно с личным составом, находящимся на борту парохода, приступил к выгрузке техники и имущества.

Дополняет этот рассказ В. А. Темнов, один из первых офицеров научно-испытательной станции: «Заключительным этапом разгрузки явилась высадка женщин. Пользоваться тралом для этой цели было нельзя, так как сама баржа плясала на волнах. Капитаном и нашими начальниками было принято решение выгружать женщин в веревочных сетках, на дно которых были уложены щиты. С помощью корабельных лебедок эти сетки,

со стоящими вплотную друг к другу женщинами, потихоньку подняли над палубой, затем перенесли за борт и, улучив момент, опустили на баржу, на которой их переправили на берег. Все это происходило при свете прожекторов, и зрелище было не для слабонервных. Часов через пять, закончив все дела, офицеры и солдаты покинули пароход. На берегу тьма, хоть глаз выколи, горят костры, движутся тени людей. С трудом найдя свою палатку, мы с товарищем застали там своих жен в полном здравии. Выпив за благополучное окончание путешествия, все завалились спать».

Возвратившись в Ключи, на второй день Нестеренко решил облететь на вертолете все измерительные пункты в следующем порядке: ИП-16, -13, -15, -12, -17, -14. Погода благоприятствовала. Рано утром взяли курс на ИП-16, который был расположен на самом высоком месте по сравнению с остальными пунктами. Отсюда просматривался почти весь район падения: и центр квадрата падения, и районы расположения ИП-15 и ИП-17. Для проведения измерений ИП-16 был размещен идеально, но дальнейшая жизнь показала, что ИП мало подходил для проживания на нем. Он был продуваем со всех сторон. Зимой ветер с океана нес такие заряды снега, что территорию и здания засыпало начисто. Иногда пурга продолжалась больше недели. Порой терялось чувство времени. Из землянки выйти было невозможно, а кто по делам службы оказывался наверху, с трудом держался на ногах. В такие дни личный состав находился в казарме, караул снимался с постов, натягивались канаты между казармой, столовой, туалетом. Дневальные все время освобождали выход из казармы от снега. Зимой все источники воды находились под толщей снега, поэтому она добывалась из снега. Можно себе представить, сколько его надо было растопить, чтобы накормить солдат. Зимой рабочий день офицера начинался с откапывания выхода из собственной землянки. Иногда на помощь приходили солдаты, посланные дежурным.

Личный состав гарнизона был размещен в малых палатках, поставленных в строгом порядке с очищенными линейками, одним словом, по-военному.

Спешно строились продовольственный склад, хлебопекарня и баня-прачечная. Внизу, у ручья, основная масса людей работала на заготовке лесоматериалов для строительства казарм, землянок и столовой.

При ознакомлении с генеральным планом строительства, а также с планом и очередностью строительных работ, были внесены некоторые поправки и уточнения. Даны рекомендации, на чем надо в первую очередь сосредоточить усилия и как

готовиться к зиме и т. д.

Нестеренко вспоминал: «В своей беседе с личным составом я еще раз напомнил им о важности и необходимости выполнения всех работ в заданные сроки. Всему личному составу перед строем заявил, что мы уверены в том, что гарнизон ИП-16 с честью выполнит свою задачу и обеспечит ведущее место среди других гарнизонов. Объявил благодарность начальнику пункта подполковнику А. В. Сальникову, офицерам, солдатам и сержантам за организацию работы и добросовестное выполнение поставленных перед ними задач. Попрощавшись и пожелав успеха, хотели было отправиться к вертолету, но начальник пункта подполковник Сальников обратился ко мне со следующими словами: “Товарищ генерал, вы еще не все посмотрели”. — “А что именно?” — спрашиваю его. Он ответил: “У нас ведь здесь есть и семьи с детишками, они расположены отдельным ‘гарнизоном’, вон в тех кустах”.

Пошли смотреть этот “гарнизон”, там оказалось пять-шесть семей в полуземлянках с палаточными верхами. Когда мы подошли, нас встретили женщины и дети. Все были приветливые и жизнерадостные (очевидно, потому, что была хорошая погода). Все приглашали к себе в гости, просили посмотреть, как они устроились. Я пообещал зайти в каждую палатку. Начали с ближайшей. Когда мы зашли в палатку, то были удивлены уюту, который женщины смогли создать в таких суровых условиях. Нас стали угощать чаем с вареньем своего производства. Все хвалились, сколько и какого наварили варенья, а главное, убеждали нас в том, что оно очень полезное, особенно из брусники и рябины. Варенье действительно нам понравилось, и мы с удовольствием выпили по чашке чаю в первой палатке, а в последующих только пробовали варенье и хвалили его.

Поблагодарив за гостеприимство, я попросил всех женщин собраться в одну палатку для беседы. Ожидая, что они меня атакуют многими вопросами, претензиями и упреками, обдумал план, как буду отбиваться. Но мои опасения были напрасны. Атаки не было, а на мой вопрос, какие просьбы и претензии, они очень скромно сказали, что имеется две просьбы. Первая — хорошо было бы, если сюда хоть изредка привозили свежие овощи: капусту, картофель, лук (овощи в Ключах имеются). И вторая просьба, чтобы регулярно доставляли почту и увозили письма хотя бы два раза в месяц. Я сказал, что мы обсудим этот вопрос и постараемся обеспечить свежими овощами.

Пожелав успеха и бодрости духа, мы направились к вертолету. В это время я еще раз подумал о том, какой же замечательный у нас народ, какие славные эти женщины — жены

наших офицеров».

Учитывая ограниченный лимит моточасов и сложность трассы полета для вертолетов, с ИП-16 Нестеренко вылетел на ИП-13, расположенный на самом берегу Тихого океана.

Состояние строительства было несколько лучше, чем на ИП-16, так как не требовалось тратить время на доставку стройматериалов и имущества. Настроение личного состава было такое же приподнятое, как и на ИП-16.

Следующая посадка — на ИП-15. Здесь окружающая природа была лучше: значительно больше леса, но сообщение с Укой — базой выгрузки было значительно хуже. Дороги проходили по лесисто-болотистым низинам, в обход многочисленных озер и непроходимых болот. Необходимо было прокладывать длинные гати и автомобильные дороги.

С ИП-15 Алексей Иванович прилетел на самый северный пункт ИП-12, расположенный на берегу залива недалеко от поселка Ука. Здесь условия размещения личного состава и семей были значительно лучше. Семьи разместились по частным квартирам в поселке Ука, в тесноте, но не на холоде. Ука являлся первоначальным пунктом, поэтому темп строительства здесь были достаточно высоки. Не требовалось много времени и труда для доставки сборно-щитовых конструкций после их выгрузки с пароходов. Вопрос снабжения свежими овощами здесь тоже решался лучше. Местные жители имели свои огороды, где выращивали картофель, капусту и лук.

На следующий день Нестеренко посетил ИП-17 и ИП-14. Положение на этих пунктах было вполне удовлетворительным и особой тревоги не вызывало. Тем более что добраться туда от Ключей было значительно проще. В районе ИП-14 имелись хороший строевой лес и посадочная площадка. Все это облегчало условия его строительства.

Пока производился облет измерительных пунктов, случилось чрезвычайное происшествие. Пароход «Красногвардеец» выгрузил положенное имущество и технику в Усть-Камчатске и на ИП-13 в Озерной и вышел в район поселка Ука, где стал на рейд для выгрузки имущества. Для того чтобы обеспечить рейдовую выгрузку, начальнику ИП-16 было дано распоряжение из Озерной своим ходом отправить в Уку самоходную плоскодонную металлическую малую баржу «Танкист», предназначенную для выгрузки танков при десантных операциях. Экипаж этой баржи состоял из трех человек: старшины и двух матросов. «Танкист» должен был выйти в открытый океан, обогнуть мыс Озерный и прибыть на вторые сутки в Уку для оказания помощи в выгрузке грузов с парохода. В ночь, когда «Танкист» вышел в океан,

разыгрался шторм. На второй день с ИП-12 и ИП-13 сообщили, что сведений о «Танкисте» нет, его судьба неизвестна.

Для поиска «Танкиста» послали самолеты Ли-2 вдоль берега, вокруг мыса Озерный. Предполагалось, что штормом баржу могло выбросить на берег, если не разбило о скалы. Самолеты никаких признаков «Танкиста» не обнаружили. Поиски продолжались на вторые и третьи сутки, несмотря на штормовую погоду и плохую видимость. На третьи сутки шторм утих, и к исходу дня «Танкист» благополучно прибыл в Уку.

Что же с ним случилось? Чтобы не быть выброшенным на берег и разбитым о скалы или перевернутым волной, командир «Танкиста» принял следующее решение: задраить люки моторного отделения и отделения, где размещался экипаж, открыть задний откидной борт трюма, заполнить трюм водой и в полузатопленном состоянии на период шторма уйти в открытый океан. Затопленный трюм придал барже бóльшую устойчивость, волны свободно перекатывались через крышки трюмов, не создавая угрозы опрокидывания, а плавучесть обеспечивалась тем, что были задраены люки моторного отделения и кабины экипажа. По расчетам старшины, это было самое целесообразное решение.

Таким образом, в металлической полузатопленной коробке «Танкиста» три моряка трое суток находились в открытом и бушующем океане, не имея никакой связи с землей. После того как ярость океана утихла, они своим ходом прибыли в назначенное место. Алексей Иванович часто сетовал на то, что в делах, заботах и суете героизм и подвиг моряков тогда не заметили и по достоинству не оценили.

Перед возвращением в Москву Нестеренко принял решение собрать всех жен офицеров, находящихся в Ключах, для беседы. Это совещание показало, что, несмотря на героизм и самоотверженность наших женщин, недоделки и упущения в вопросах быта семей начинают отрицательно влиять на настроение не только жен, но и офицеров.

На совещании поднимались вопросы о трудоустройстве, снабжении овощами торговых точках, обеспечении топливом на зиму, организованном подвозе воды и т. д. Все эти вопросы, по сравнению с общими задачами, казались второстепенными, однако они создавали порой ненужную атмосферу и вредные настроения, отрицательно сказывались на настроении и работе семейных офицеров. В то же время решение перечисленных вопросов было во власти командования «Камы» и не требовалось помощи сверху.

Алексей Иванович был удивлен жалобами солдат, живущих в

Ключах, на плохое питание: мол, надоела соленая рыба, а свежей в рационе нет. Спросил полковника Павленко, в чем дело. Тот ответил: «А куда я ее дену? У меня почти двухлетний запас соленой рыбы». — «Но вам же разрешен вылов свежей рыбы в неограниченном количестве. Почему вы не ловите рыбу и не кормите солдат хотя бы периодически свежей рыбой?» — «Здесь рыбу ловить пустое дело, ее сколько угодно, но ее надо оприходовать, а куда я дену соленую? Как я ее спишу?» — ответил Павленко.

Этот разговор, как пишет Нестеренко, напомнил разговор чудаков, плывущих по прекрасной реке с пресной холодной прозрачной водой и пьющих гнилую, протухшую теплую воду из бочек. Это образец формального соблюдения законности и бездушного отношения к людям. Да, были и такие крайности, связанные с весьма живучей и в армии, и во всей нашей стране бюрократической системой.

Офицеры, сержанты и солдаты проявляли настоящий героизм в решении всех задач, которые стояли перед ними в тот период. По установленным срокам к началу летных испытаний «Кама» должна была быть готова к работе не позднее марта-апреля 1957 года. Ограниченность оставшегося времени, суровые условия надвигающейся зимы, неустроенность личного состава, колоссальный объем работ по перевозке техники, имущества и по строительству, отсутствие времени на подготовку личного состава по специальным вопросам измерительной службы и эксплуатации всего технического комплекса и служб — все это, естественно, вызывало тревогу за готовность «Камы» к началу летных испытаний. В то же время не допускалось даже мысли о том, чтобы по вине «Камы» срок начала летных испытаний был сорван, несмотря на исключительно тяжелые условия.

Большую и самоотверженную работу проделали первые начальники измерительных пунктов: инженер-майор В. К. Зимин (ИП-12); инженер-майор Л. В. Михейчик (ИП-13); инженер-капитан И. С. Почко (ИП-14); подполковник П. Д. Янович (ИП-15); подполковник А. В. Сальников (начальник ИП-16); инженер-подполковник В. А. Вейденбах (ИП-17).

И, конечно, нельзя умолчать о большой помощи, которую оказывали офицеры ГУРВО и полигона. В частности, большое внимание было уделено вопросам своевременной доставки технического и специального оборудования на Камчатку и организации монтажно-наладочных работ представителями промышленных организаций.

Там, где тяжело и сложно, да при отсутствии необходимого опыта, конечно, не обходилось без горьких минут и осложнений,

без чрезвычайных происшествий и гибели людей. Да, к сожалению, были случаи, когда отдельные солдаты, сержанты и офицеры тонули или замерзали зимой в пути. Были жертвы и от авиационных аварий. К сожалению, этих печальных случаев в период формирования и создания действующей научно-испытательной базы коллективу «Камы» избежать не удалось. Но они не сломили боевого духа коллектива. К заданному сроку «Кама» со всеми ее пунктами к работе была готова.

И в конечном итоге не было серьезных упреков ни со стороны государственной комиссии, ни от заместителя министра обороны маршала артиллерии М. И. Неделина, министра обороны и правительства в том, что по вине коллектива «Камы» испытания были отложены или не были начаты в назначенное время.

«Население» полигона в конце 1955 года составляло 1900 военнослужащих и 664 рабочих и служащих. Офицерский состав к концу 1956 года насчитывал 427 инженеров и 236 техников, прошедших соответствующую переподготовку. По состоянию на 25 марта 1957 года на полигоне находилось 1032 офицера, 297 сержантов, 2439 солдат. А уже в 1960 году численность полигона была доведена до 12 300 военнослужащих и 1288 рабочих и служащих. До 1961 года на полигоне было сформировано 40 новых воинских частей, переформировано 9 воинских частей, 6 частей переведены на новые штаты, а в штаты 42 воинских частей внесены изменения. Вот с таким огромным хозяйством приходилось управляться Алексею Ивановичу Нестеренко, и он со своими помощниками делал это вполне успешно.

Возникает вопрос: зачем мы столь подробно рассказали о структуре полигона? Дело в том, что нам хотелось бы показать читателю, особенно далекому от ракет, космоса и т. п., что речь в книге идет не о строительстве детской игровой площадки в московском дворике, на открытие которой порой собирается чуть ли не вся общественность Москвы. Речь о том, как в условиях пустыни в жесточайших климатических условиях в фантастически короткие сроки был создан самый современный ракетно-космический комплекс, который и поныне составляет славу и гордость нашего государства. И почти за каждым действием в те нелегкие первые годы становления полигона стоял организаторский талант генерал-лейтенанта Нестеренко, патриота и гражданина нашего Отечества.

Первоначальные штаты были куцыми и не соответствовали объему работ. Так, например, на измерительных пунктах не были предусмотрены офицеры тыла. Поэтому начальники ИП своими приказами назначали по очереди офицеров, техников или инженеров вести финансовую, продовольственную и вещевую

службы, что приводило к серьезным недочетам в работе. Жизнь полигона настойчиво требовала увеличения штатов. Решено было пойти по пути прикомандирования различных подразделений. Отдельными директивами ГШ к полигону были прикомандированы: три звукометрические батареи, три отдельные роты связи, две авиационные эскадрильи, аэродромная команда обслуживания, банно-прачечный поезд, железнодорожный энергопоезд, 250 человек из 52-го ОПУЛАП (отдельный пулеметно-артиллерийский полк) на «Каме» и т. д. Итого было прикомандировано более 1500 человек офицеров, солдат и сержантов. Отдельные подразделения направлялись туда на срок до полутора лет. Эта система временного прикомандирования создавала лишние хлопоты и трудности. Офицерский состав чувствовал себя временным, серьезно в освоение техники не вникал. Командировочные выплачивали только два месяца, а в дальнейшем семьям приходилось жить на один оклад. Осложнялось вещевое и финансовое обеспечение. Велась служебная переписка со всеми частями, откуда были прикомандированы офицеры, и личная. Это не способствовало сохранению государственной тайны.

Формирование всех подразделений осуществлялось в середине года (май — июнь), и снабжающие органы заблаговременно никаких заявок и фондов для полигона не имели. Поэтому в течение года все необходимое приходилось форменным образом «выколачивать». В дальнейшем жизнь потребовала отказаться от такой порочной практики прикомандирования. Штаты были пересмотрены и увеличены после длительных и серьезных разговоров и неприятностей с начальством.

Важнейшей задачей в сложных и тяжелых условиях жизни и быта гарнизона, разбросанного по отдельным площадкам, было быстро развернуть строительство основных объектов полигона, необходимых для обеспечения испытательных работ. На основании выданных заданий в 1954 году ЦПИ-31 и НИИ-4 приступили к проектированию полигонного комплекса и жилого городка. На НИИ-4 была возложена задача разработать комплекс измерительных средств полигона. Силами ГСКБ «Спецмаш» и ЦКБ тяжелого машиностроения в конце 1954 года была закончена разработка эскизного проекта стартового комплекса. В конце года проект утвердили.

В течение 1955 года необходимо было выполнить огромный объем проектных работ — выпустить рабочие чертежи на 25 агрегатов и систем, несколько тысяч листов проектной документации. К разработке документации были привлечены

ВНИИ кислородного машиностроения, ВНИИ «Строймаш», ВНИИ «Гидромаш», ОКБ Уралвагонзавода, Проектно-конструкторское бюро № 12 (ПКБ-12) и ВНИИ «Химмаш».

Со второй половины 1955 года началось изготовление оборудования на заводах промышленности. Было задействовано около 70 заводов. Так, например, только стартовую систему изготавливали 26 заводов и предприятий. С одной стороны, в такой работе был положительный момент — оборудование изготавливалось в рекордные сроки. А с другой — удлинялись сроки монтажа, так как было много нестыковок между узлами и сборками, изготовленными на различных заводах.

К середине 1956 года изготовление оборудования комплекса было закончено и оно стало поступать на полигон. За 20 месяцев были разработаны и изготовлены 27 наименований и агрегатов и систем стартового комплекса. Некоторые из этих агрегатов были уникальными, не имевшими аналогов в отечественной и зарубежной ракетной технике. К числу таких агрегатов можно отнести стартовую систему и установщик.

Для испытаний узлов и агрегатов будущей межконтинентальной ракеты, а также специально разработанное под эту ракету испытательное оборудование (системы радиотелеметрии, траекторных измерений и др.), в ОКБ-1 на базе ракеты Р-5 были созданы специальные экспериментальные ракеты М-5РД. На этих ракетах, помимо новых принципов и испытаний новых типов ракетных узлов и агрегатов, будущие испытатели получали практическую подготовку к предстоящим испытаниям межконтинентальной ракеты.

Перед началом строительства необходимо было произвести рекогносцировку районов дислокации, согласовать решения с местными властями об отводе земельных участков, произвести посадку и разбивку объектов. Отводом земельных участков для стартового района, поселка, баз падения отделяемых частей, пунктов радиоуправления полетом ракеты (РУП), измерительных пунктов (ИП), согласованием проектных документов и графиков строительства, подбором кадров, формированием частей и подразделений занимался А. И. Нестеренко. Трудно проходило выделение земельных участков в Казахстане для строительства ИП, РУП, полей падения ступеней. 19 октября 1955 года Нестеренко писал председателю Совета министров Казахской ССР Д. А. Кунаеву: «Постановлением СМ СССР от 29.4.1955 г. и распоряжением СМ Казахской ССР от 18.5.1955 г. Министерству обороны кроме участка 290 000 га по Кзыл-Ординской области должны быть отведены 5 участков по 400 га каждый и 7 участков по 200 га каждый в Актюбинской, Акмолинской, Кзыл-Ординской,

Кустанайской и Карагандинской областях». Когда Нестеренко приехал к Кунаеву с документами об отводе участков, тот отказал ему на том основании, что там находятся пастбища для баранов. И только когда Нестеренко обратился к первому секретарю ЦК компартии Казахстана Л. И. Брежневу, которого знал по Черноморской группе войск, вопрос был решен положительно.

Первая группа военных строителей прибыла в Тюра-Там в январе 1955 года.

…Начальник станции Тюра-Там Анатолий Лебедев держал в руках странную телеграмму и никак не мог понять, кто ее подписал. Текст гласил: «12 января проследует литерный, два последних вагона отцепить, поставить в тупик». Поезда останавливаются на маленькой станции всего на две минуты, маневровых паровозов здесь отродясь не было. Как отцепить, чем толкать?

Литерный прибыл точно по расписанию. Гудок паровоза предупредил об остановке. Заскрежетали тормоза, и тяжелый состав замер. Две теплушки отцепили в считаные секунды — помогли молодые ребята, мигом выскочившие из вагонов. Они же, поднапрягшись, столкнули их в тупичок. Руководил ими Игорь Николаевич Денежкин, инженер-строитель. Так он представился начальнику станции.

— А что строить-то будете? — не удержался от вопроса Лебедев.

— Как что? — рассмеялся Денежкин. — Стадион!

(Кстати, до запуска первого космонавта планеты в легендах Министерства обороны и Генерального штаба полигон именовался «стадионом». На самом полигоне «стадионом» называли позже и гигантский котлован, отрытый для первого старта.)

— Стадион? — скривил губы станционный начальник и почесал затылок. — Кто играть-то будет? У нас всего мазанок пять или шесть… Ну, может, десять. Смотрите сами.

Во все стороны тянулась холодная заснеженная степь без конца и без края, без дымка, без жилья.

— Надо бы нам где-то разместиться на первых порах, — сказал Денежкин. — И телеграмму отправить в Москву.

— Телеграммку можно, — развел руками железнодорожник, — а вот с жильем помочь не смогу…

На разъезде Тюра-Там в то время было три железнодорожных пути, стояло три небольших одноэтажных пристанционных здания и водонапорная башня. Никаких других строений в обозримой окрестности не было.

На месте будущего полигона в это время работали

изыскатели под руководством Ивана Сидоровича Магира и Бориса Ивановича Светлищева. Им на помощь и прибыл Денежкин со своим взводом.

Подразделение было направлено для подготовки строительства, проведения изыскательских работ, сооружения временных землянок под размещение строительных отрядов. Первое подразделение жило в зимних палатках, насквозь продуваемых свирепым ветром. Скоро на помощь Денежкину явилась уже целая рота во главе со старшим лейтенантом Иваном Федоровичем Донских.

Эти подразделения провели большую подготовительную работу. Особенно много (несколько тысяч кубометров) было вырублено льда на Сырдарье. Заготовленный лед был сложен в бетонные лотки, имевшиеся на водозаборной станции, и засыпан толстым слоем опилок. Эти запасы льда очень помогли жарким летом в сохранении продовольствия.

В начале апреля на место строительства начали прибывать первые военно-строительные части. 2 апреля — инженерный батальон под командованием подполковника Егора Васильевича Заворотняка, днем позже — небольшой отряд во главе с полковником Семеном Михайловичем Лисагором, 10 апреля с Дальнего Востока прибыл автомобильный батальон под командованием Михаила Семеновича Медиевского.

На станцию стали привозить первые грузы: сборные деревянные казармы, лесоматериалы, инструмент, горючее, строительные машины и многое другое.

7 апреля в Тюра-Там приехала группа из двенадцати человек из 130-го Управления инженерных работ (УИР) во главе с инженер-полковником Александром Юльевичем Грунтманом. Группа решала вопросы подключения к работе прибывающих организаций, вопросы железнодорожных перевозок, разгрузки и размещения грузов.

10 апреля на место строительства явился начальник Управления инженерных работ (УИР) полковник Г. М. Шубников. Он и офицеры его управления разместились на запасных путях в вагонах поезда и в палатках вблизи станции.

21 апреля для рекогносцировки местности и организации предстоящих работ по строительству первого стартового сооружения и инфраструктуры полигона на станцию Тюра-Там прибыл командно-штабной поезд оперативной группы Главного управления специального строительства (ГУСС).

15 мая С. П. Королев и М. И. Неделин утвердили график строительства первого боевого ракетного комплекса со сроком сдачи его в эксплуатацию 15 мая 1957 года.

Началось наращивание сил строителей. 31 мая из Капустина Яра прибыла 2-я инженерно-строительная Краснознаменная Симферопольская бригада под командованием полковника Михаила Ивановича Халабуденко. Бригада имела богатейший опыт строительства полигонных сооружений, приобретенный в Капустином Яре. Немного позже были сформированы 84-я инженерно-строительная и 101-я инженерно-саперная бригады под командованием, соответственно, полковника Михаила Степановича Пернятина и подполковника Георгия Дмитриевича Дурова.

Параллельно разворачивались различные вспомогательные службы и подразделения: промышленных предприятий, ремонтно-технического завода, базы материально-технического обеспечения и др. Построили пилораму, приступили к строительству первой котельной, начали строительство деревообрабатывающего комбината.

Через две недели после прибытия строительных частей начали прибывать автомобильные части и средства механизации. До прибытия их несколько автомобилей и тракторов не справлялись с вывозкой материалов на строительные площадки.

С конца марта до начала июня в голой, раскаленной летом пустыне были уже сосредоточены военно-строительные бригады и отряды численностью более трех тысяч человек. В течение последующих пяти месяцев (с июня по ноябрь 1955 года) предстояло сосредоточить в районе Тюра-Тама еще более 12 тысяч человек. Всего на строительстве комплекса в первый год

работало 15 тысяч строителей. К концу мая были проложены новые железнодорожные пути для приема вагонов и выстроен первый бетонный завод, прямо напротив станционного здания: начали прибывать вагоны со щебнем, песком, цементом и другими строительными материалами.

В полутора километрах от станции, в промышленной зоне, появилась улица из сборно-разборных бараков. Они собирались и разбирались быстро, но условия проживания в них оставляли желать лучшего. Однако они в первые месяцы здорово выручали в обеспечении людей временным жильем.

5 мая закладкой первого сборно-щитового дома и общежития (прораб М. С. Пернятин) было начато строительство жилой зоны. Параллельно закладывались фундаменты под жилые дома, школу, казармы по типовым проектам. Для стеновых конструкций этих сооружений началось крупномасштабное изготовление шлакоблоков из местных шлаков, копившихся возле железной дороги десятилетиями. Экономия от применения шлакоблоков составила в денежном выражении более 500 миллионов рублей.

В конце июля на место первого старта приехала рекогносцировочная группа, которая забила первые колышки разметки котлована под старт. Колышки простояли там до 15 сентября.

Начальником строительства был назначен выдающийся военный строитель полковник Георгий Максимович Шубников. В 1932 году он окончил Ленинградский институт промышленного строительства. До войны строил объекты первых пятилеток, Забайкальский укрепрайон, в войну — укрепрайоны на Дону и под Сталинградом, переправы на Днепре, дороги в Северной Буковине, мост на Висле. После войны восстанавливал и строил заново мосты через проливы Штральзунд и Цитенрабен, мост через Дунай в Будапеште, мост через Шпре в Берлине. Он же строил величественный мемориал на кладбище наших воинов в Трептов-парке в Берлине. Потом были Донбасс, аэропорт в Ташкенте, объекты ПВО в Азербайджане и, наконец, как звездный час и вершина — полигон Тюра-Там, будущий космодром страны.

Из воспоминаний М. Г. Григоренко: «К 1955 году определились основные контуры стройки, хотя многое было еще неясным, мы окончательно определили строительную организацию, дали распоряжение о передислокации ее в район строительства и вызвали Г. М. Шубникова в Москву для постановки задачи. Георгий Максимович побывал в министерствах-заказчиках, ознакомился с проектными наметками и отбыл с заданием разработать и сделать заявку на рабочих, материалы и технику, а также продумать и дать соображения о

развертывании промышленных предприятий для нужд строительства… Через несколько дней Шубников прилетел с заявками и предложениями. Просьбы об откомандировании инженерно-технических работников, с которыми он прежде работал, были полностью удовлетворены».

Г. М. Шубников и офицеры его управления прибыли на место строительства полигона в апреле и разместились на запасных путях станции Тюра-Там в поезде из семи вагонов и в палатках.

Главным инженером проекта полигона был назначен подполковник Алексей Алексеевич Ниточкин. Участник Великой Отечественной войны, он имел за своими плечами не только фронтовой опыт офицера инженерных войск, но к этому времени уже и опыт проектирования и строительства первого в стране испытательного полигона реактивной техники Капустин Яр.

Алексей Алексеевич был человеком большой эрудиции, глубоких знаний и широкого кругозора, благодаря чему уверенно решал все возникавшие вопросы творчески, энергично, с полной ответственностью за принимаемые решения. Все это, как и личная организованность и обязательность, снискали ему высокий авторитет и у заказчика, и у главных конструкторов, и у строителей. Нередко он сам садился за чертежную доску и решал задачи, возникавшие у строителей на месте работы. Для многих он был учителем, и каждый проектировщик считал за честь работать с ним. Главным инженером проекта (ГИП) он оставался вплоть до своей смерти. Он отвечал за всё, что проектировалось и как проектировалось на полигоне.

А проектирование было трудным. Особую трудность представляла работа по проектированию стартового комплекса. Уникальные технологии, сложное оборудование, необходимость многократного использования оборудования в условиях во многом не изученных воздействий, в том числе высокотемпературных газовых потоков больших давлений. Разработка первого старта представляла сложную научно-техническую задачу, требовавшую проведения большого объема научно-исследовательских и проектно-конструкторских проработок. Трудности проектирования заключались также в крайне сжатых сроках и необходимости увязки технологических требований не одного десятка различных конструкторских бюро с целью выработки оптимального варианта стартового сооружения.

Рождалось уникальное сооружение, не имевшее аналогов в мировой практике конструирования, проектирования и строительства, без каких-либо методик расчетов основных ведущих конструкций. Многие вопросы приходилось решать, полагаясь на здравый смысл, интуицию и высокий уровень общей

профессиональной подготовки проектировщиков и конструкторов. Задача осложнялась еще и тем, что многие работы велись параллельно. Непрерывно менялись исходные данные на системы, и требовалось постоянно вносить изменения в строительную часть. Но постепенно в чертежах будущий стартовый комплекс приобретал свои реальные формы.

Проектировщики и строители должны были построить сооружения и смонтировать оборудование, обеспечивающее работу многосложного организма полигона. Особые требования предъявлялись к стартовому сооружению, подвергающемуся во время пуска колоссальным динамическим и температурным нагрузкам. Должны были быть обеспечены: устойчивость старта, прочность конструкций, стойкость, морозоустойчивость, долговечность. Полигон в целом должен быть обеспечен энергией, водой, теплом, связью, канализацией, вентиляцией, жильем, необходимыми сооружениями бытового и культурного назначения.

Строительство начало развертываться почти одновременно во всех гарнизонах. Поступала техника, которую необходимо было смонтировать, отладить и принять в эксплуатацию. Вся эта огромная работа требовала большой оперативности, своевременной, четкой информации и личного контроля со стороны руководителей всех звеньев. Поэтому командованию полигона приходилось непрерывно разъезжать в пункты формирования: в Москву, Болшево, ГЦП, в «Тайгу» и т. д., а также непрерывно командировать офицеров ОКСа, тыла, политотдела, штаба, службы НИР на строящиеся объекты. Да и самому начальнику полигона сидеть спокойно не приходилось. Ежедневно возникало очень много вопросов, которые нужно было решать незамедлительно. Каждый день Алексею Ивановичу надо было что-то с кем-то согласовывать, и это отнимало немало времени, сил и нервов.

Полигон подчинялся отнюдь не председателю Госкомитета по оборонной технике и тем более не С. П. Королеву. Нестеренко как начальник полигона находился в непосредственном подчинении заместителя министра обороны Главного маршала артиллерии М. И. Неделина. Армия строителей, создающая в этой пустыне самый большой в мире научно-испытательный ракетный центр, подчинялась другому заместителю министра обороны. Поэтому начальник строительства полигона формально не подчинялся начальнику полигона. Для контроля за полетом ракет почти на всей территории страны необходима четкая и надежная работа связи. За создание системы связи на полигоне и за его пределами отвечал начальник войск связи Советской армии — тоже

заместитель министра обороны. Чтобы начал, наконец, работать аэропорт на самом полигоне, надо было обращаться еще к одному заместителю министра обороны — главнокомандующему Военно-воздушными силами.

Доставлять ракетные блоки, компоненты топлива для заправки, тысячи тонн грузов для строительства и жизнедеятельности все увеличивающегося числа площадок, а также привозить людей за 20 километров ежедневно на работу из города — с площадки № 10 — можно было только по железной дороге. За строительство железнодорожных путей от станции Тюра-Там по многим новым направлениям несли ответственность Министерство путей сообщения и железнодорожные войска Министерства обороны. Электроэнергией полигон должно было обеспечить Казахэнерго. Для этого необходимо было установить опоры и проложить на сотни километров высоковольтные линии электропередач. А пока их не было, электроэнергией стройку обеспечивали специальные энергопоезда.

Алексей Иванович осуществлял связь с Генштабом и аппаратом Министерства обороны, решал организационно-штатные вопросы, занимался проблемами перспективного развития Байконура, проявляя недюжинные способности хозяйственника. Он предвидел и устранял многие сложности, вызванные недостатками проекта, вникая до мелочей во все вопросы планирования, строительства, быта, обеспечения и культуры.

По программе подготовки полигона к началу летных испытаний должны были быть построены следующие основные объекты: стартовая позиция, МИК со всеми коммуникациями, железнодорожные пути, бетонные дороги, водопровод, система пожарных резервуаров, линии электропередач, центральный пункт связи и службы единого времени, приемно-передающие центры, монтажно-сборочный корпус ГЧ, три РУП (два базовых, удаленных от СП на расстояние 250 километров, и хвостовой, удаленный на расстояние 500 километров), девять измерительных пунктов в районе падения первых ступеней, ретрансляционный пункт в Иркутске, шесть измерительных пунктов на «Каме» с ПДРЦ, ПРЦ, аэродромами. На всех пунктах предусматривалось оборудование взлетно-посадочных площадок.

Таким образом, одновременно развертывалось и укомплектовывалось более 30 отдельных гарнизонов. К началу летных испытаний предстояло закончить строительство всех перечисленных объектов.

Наиболее сложным и уникальным объектом была 1-я стартовая позиция. Для ее сооружения потребовалось вырыть

котлован глубиной 45 метров, длиной 250 метров и шириной более 100 метров. В связи с тем, что сроки строительства были ограничены, пришлось развертывать одновременно строительство на всех площадках, не ожидая окончания строительства железнодорожных путей и бетонных дорог, водоводов, линий электропередач. Поэтому одновременно строились бетонные заводы на площадках 10 и 2. Все строительные материалы, оборудование и вода на 2-ю площадку со станции выгрузки перевозились автотранспортом по грунту.

В результате движения сотен большегрузных машин были проделаны десятки грунтовых дорог с глубокими колеями, заполненными мельчайшей, как пудра, пылью. С раннего утра (с начала движения автотранспорта) и до позднего вечера в полосе дорог от 10-й до 2-й площадки стояло сплошное облако пыли. Плотность пыли доходила до такой степени, что машины двигались днем с зажженными фарами. Особенно большая пыль во взвешенном состоянии поднималась при тихой погоде. Пыль сутками стояла сплошной пеленой. Не лучше было, когда начинались свирепые ветры. В жилых помещениях, особенно в сборно-щитовых казармах, пыль ежедневно ложилась толстым слоем. Утром, после подъема, приходилось долго отряхиваться и смывать пыль, собравшуюся за ночь. Не случайно сборно-щитовые сооружения иронично называли «сборно-пыльевыми».

20 июля была произведена предварительная разбивка мест проведения земляных работ на котловане под стартовый комплекс на 1-й площадке, а с 31 августа 1955 года 2-я инженерно-строительная бригада широким фронтом приступила к работам на объектах старта. 15 сентября началось рытье котлована под старт. Пять скреперов, два бульдозера, два экскаватора с емкостью ковша полкубометра и пять самосвалов ЗИС-555 под руководством прораба Трайбана начали работы по его рытью — на чертежах красовался один песок. Все рассчитывали на легкую прогулку при рытье котлована.

В начале января 1956 года была получена остальная техника для котлована, в том числе 15 экскаваторов с емкостью ковша 1 кубометр и 10 экскаваторов емкостью 0,75 кубометра.

Первый слой суглинка толщиной до четырех метров снимали скреперами. Потом пошел сыпучий песок, в котором техника вязла. Экскаваторы переоборудовали на драглайны с длинными стрелами. Их расставили по периметру котлована. Тридцать бульдозеров, находившихся внизу, сдвигали песок к краям огромной чаши, откуда шла погрузка на автомашины. Таким образом, песчаный грунт был выброшен на периметр котлована.

Но особенно тяжелой была работа по рытью котлована в

зимний период, при сильном морозе и ледяном ветре. На котловане работали круглосуточно сотни самосвалов в три смены, десятки экскаваторов, бульдозеров, скреперов. Забои составляли три уступа, на каждом из которых работало по пять-восемь экскаваторов, а в котловане, растянувшись в кольцо, крутилось по 100–150 самосвалов. Сложность работы заключалась еще и в том, что на глубине 10–15 метров находился чрезвычайно плотный глинистый грунт, состоящий из серой и красной глины. Экскаваторы этот грунт не брали, а буры для проделывания шурфов мгновенно забивались. Приходилось применять всевозможные способы и различные рационализаторские приспособления. С помощью специальных сверл, смачиваемых водой, проделывали небольшие шурфы, куда и закладывали малые заряды взрывчатых веществ и постепенно, метр за метром, подрывали и разрыхляли эту плотную глинистую массу. Во время взрывных работ вся техника выводилась из котлована, только экскаваторы оставались на месте и закрывались деревянными щитами. Для организации работ по передвижению техники в котловане была создана служба регулировщиков.

Организация работ была продумана до мелочей. Вся техника при отрывке котлована под первый старт работала в три-четыре смены, и пересменки водителей, экскаваторщиков, бульдозеристов происходили на рабочих местах с участием дежурных механиков, слесарей, электриков. В автопарке была оборудована линия теплового подогрева двигателей дежурных автосамосвалов, которые немедленно выходили на работу взамен сломавшихся.

За одни сутки (грунт днем и ночью, при свете прожекторов, вывозили около 60 мощных самосвалов) из котлована вынималось до 15 тысяч кубометров грунта. Фигурируют разные величины объемов вынутой породы из котлована первого старта. Финансово-ревизионная проверка в августе 1957 года установила — полный объем вынутого грунта составил 1 373 000 (один миллион триста семьдесят три тысячи) кубических метров.

Не менее сложным был процесс бетонирования этих громоздких уникальных сооружений в зимних условиях. Приходилось делать громадные тепляки и круглосуточно отапливать при помощи времянок все помещения, где проводились бетонные работы. Затем начинался период установки технологического оборудования и монтажно-отладочных работ. Для выполнения последних привлекалось большое количество различных монтажных гражданских организаций.

В январе — марте 1956 года на строительстве старта

трудилось шесть батальонов строительной бригады. Начальником строительной площадки был Н. В. Багров.

Стартовый комплекс сооружений для обеспечения летных испытаний первой межконтинентальной ракеты состоял из стартовой и технической позиций. Комплекс специальных инженерных сооружений и технических систем стартового комплекса включал в себя: стартовое сооружение;

командный пункт, предназначенный для размещения пультов и стоек аппаратуры системы автономного управления ракетой, радиоуправления и дистанционного управления и контроля заправкой, а также автономных источников специальных токов частотой 127 Гц и 400 Гц и личного состава при пуске ракеты; командный пункт строился под руководством прораба майора В. И. Акинфиева;

компрессорную станцию с двухсекционной градирней; трансформаторную подстанцию;

два пожарных резервуара емкостью по 500 кубических метров воды в каждом;

специальный железнодорожный путь от МИКа до стартовой позиции, рассчитанный на транспортировку по нему агрегатов с нагрузкой на ось 40 тонн;

линии электропередач на 6 кВ и связи; охранные сооружения;

технические системы, которые обеспечивали производственные и бытовые потребности личного состава в питьевой воде, электроэнергии напряжением 220 вольт и тепле.

В первый пусковой комплекс, кроме старта, входили следующие сооружения: проходные каналы между командным пунктом и стартом (строились с 20 апреля по 25 сентября 1956 года под руководством прораба капитана Г. А. Григорьева), монтажно-испытательный корпус (МИК), укрытие для цистерн с горючим возле старта и ряд других.

Монтажно-испытательный корпус (МИК) представлял собой большой высотный цех — зал с бетонным полом и рельсовыми путями для въезда тепловоза с вагонами, то есть специального поезда из семи вагонов, доставлявшего ракету на полигон. Для монтажно-разгрузочных работ и сборки ракеты монтажный зал МИКа был оборудован двумя уникальными мостовыми кранами с точностью подачи до миллиметра. Они находились под крышей МИКа и, опираясь на балки стен, передвигались по всей длине монтажно-испытательного корпуса.

Для старта и МИКа требовались подъездная железная дорога длиной более 30 километров, вода, связь, масса контрольно-измерительных кабельных линий, измерительные пункты, электроэнергия и многое другое.

МИК строили под руководством прораба капитана Ю. А. Баранова с 20 апреля 1956 года по 25 апреля 1957 года.

Только на одной железной дороге для грузов высшей категории работала (с 20 апреля по 10 сентября 1956 года) целая бригада под руководством Г. Д. Дурова — опытного, трудолюбивого, заслуженного командира. За все время строительства у него не было ни одного выходного. Железная дорога была необходима не только для доставки ракеты на старт, по ней должны были поступать на стройку материалы, конструкции, техника, оборудование, а это — сотни тысяч тонн грузов. Кроме того, если учесть, что автомобильной дороги тоже не было, то к перечисленным грузам надо приплюсовать доставку личного состава и средств для его обеспечения.

Во вторую очередь входили площадка № 2А с большим МИКом и аэродром возле площадки № 10. Комплекс площадки № 2А начали строить в мае 1957 года бригады строителей под руководством прорабов С. А. Алексеенко, Ю. Е. Розаева, Н. И. Чекина и сдали его в эксплуатацию в июле 1958 года. Аэродром строился под руководством прораба Н. Н. Иванова с мая 1956 года по май 1957 года.

Техническая позиция включала в себя монтажно-испытательный корпус с бытовыми и складскими помещениями, аккумуляторную, градирню, сеть подъездных железнодорожных и бетонных путей, котельную, систему отопления и вентиляции, жилой городок с гостиницами и общежитиями, казармы для испытательной части, столовые и баню, компрессорную и дизельную подстанции, служебное здание, водовод, систему пожарных резервуаров, котельную, распределительную и трансформаторную подстанции, линии электропередачи, энергопоезд, центральный пункт связи и службы единого времени, передающий и приемный центры, монтажно-сборочный корпус головных частей. Строительными подразделениями на технической позиции руководил инженер А. А. Белужкин. Общее руководство строительством старта и технической позиции осуществлял полковник Михаил Иванович Халабуденко, опытнейший строитель и прекрасный организатор.

На месте будущего космодрома практически ничего пригодного для ведения строительства не было. Все необходимое подлежало завозу извне, со всей страны на железнодорожную станцию Тюра-Там, откуда строительные материалы и оборудование доставлялись автотранспортом на стройплощадки. О количестве поступающих грузов можно судить по тому, что на станцию прибывало свыше тысячи вагонов в сутки. От гвоздей до цемента, от стекла до солярки, от лопаты до различных сложных

инструментов — все, что необходимо было стройке, надо было доставлять в нужных количествах и в нужное время. Тысячи наименований, тысячи поставщиков, тысячи договоров…

На Тюра-Там обрушился поток грузов, который и в большой город не прибывает: бревна, доски, стекло, кирпич, цемент, известь, гравий, горючее и смазочные материалы, грузовики, тракторы, скреперы, бульдозеры, экскаваторы, трансформаторные подстанции, котлы, станки, продовольствие и еще великое множество всего другого в ящиках, тюках, мешках, бочках, контейнерах, которые не успевали развозить по строящимся объектам и складам. Поезда у разъезда Тюра-Там шли как бы в тоннеле, образованном всем этим богатством, лежащим по обеим сторонам железной дороги.

В районе строительства старта вся нулевая отметка была занята металлоконструкциями, емкостями, баллонами, мощными вентиляторами, другими системами, предназначенными под монтаж. Казалось, что нет порядка. Но усилиями строителей, монтажников, рабочих, практикантов, военных специалистов эти горы лежащего металла должны были воплотиться в стартовый комплекс новой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7.

Поступление такого количества грузов создавало немало проблем.

Хотя разгрузкой вагонов и погрузкой материалов на автомобили занималось несколько тысяч человек, они справлялись с трудом: количество невывезенных грузов постоянно возрастало — не справлялся автотранспорт. Глинистая корка, покрывавшая поверхность пустыни, после нескольких проходов автомобилей разрушалась. Образовывались глубокие колеи, в которых машины садились на брюхо. Следующие машины прокладывали колею рядом. Через несколько рейсов — опять новая колея и т. д. Образовалась полоса разбитой пустыни шириной несколько километров.

В этих условиях, при создавшейся запыленности воздуха (зажженные автомобильные фары днем не видны на расстоянии 15–20 метров), скорость движения автотранспорта не превышала скорости движения пешеходов.

От места разгрузки вагонов до площадки будущего стартового комплекса машина делала не более одного рейса в сутки. И хотя по всем предварительным расчетам строительство было обеспечено автотранспортом с избытком, фактически его крайне не хватало. Нужны были дороги. Чтобы построить постоянные, требовалось время. Временные дороги строить было не из чего.

Разгружать все новые и новые вагоны в таких условиях

невероятно тяжело, даже на соседних разъездах стояли в ожидании своей очереди неразгруженные составы. Дело кончилось тем, что министр путей сообщения Б. П. Бешев закрыл Тюра-Там: ни одна станция не имела права принять груз, туда адресованный.

Шубников принял решение — строительство на всех площадках прекратить и всех людей, автомашины и краны бросить на круглосуточную разгрузку станции. Одновременно он приказал за три дня отсыпать полотно и построить железную дорогу до промышленной зоны (9-я площадка), с тем чтобы там разгружать прибывающие эшелоны. И только это авральное строительство отводной железнодорожной ветки и мобилизация всех ресурсов на разгрузку прибывающих составов вывели полигон из критического положения.

Строительство жилого и бытового фонда полигона планировалось в два этапа. Первый этап — это строительство временных сборно-щитовых бараков и домиков. Сначала были построены бараки для временных столовых, штабов полигона и для военных строителей. Затем возводили жилые общежития барачного типа и щитовые домики. Для личного состава военных строителей строились в основном землянки.

Из воспоминаний В. М. Графского: «Необходимо было создать для людей хотя бы сносные бытовые условия. В этот начальный период строительства полигона руководителями были начальник строительства Георгий Максимович Шубников и первый начальник полигона Алексей Иванович Нестеренко. Мы, испытатели, больше общались с А. И. Нестеренко. Для многих из нас он был еще и учителем-наставником. Алексей Иванович совместно со штабом полигона сумел в короткий срок создать эффективные органы управления всеми работами, четкое взаимодействие и своевременное принятие решений. Его часто можно было видеть на объектах. Казалось, он был неутомим. И при встречах с нами настоятельно рекомендовал заниматься спортом. При встречах с Алексеем Ивановичем мы терзали его вопросами, когда будет жилье и можно будет привезти семью. А он успокаивал: “Ребята, потерпите еще годик-два. Летом 1957 года будем вводить первые дома”».

В июле 1956 года на станцию Тюра-Там прибыло несколько эшелонов конструкций двухквартирных домиков, запрошенных по телеграммам в мае. Конструкции этих домов выбил маршал артиллерии М. И. Неделин, подключив к этому вопросу высшее руководство страны.

Однако возникла новая проблема. Поскольку двухквартирных домиков прибыло более 100 штук, для их сборки нужны были две

полнокровные роты (из расчета хотя бы два строителя на дом). Начальник строительства Г. М. Шубников сообщил, что не может дать ни одного строителя, кроме прораба капитана А. С. Гнеушева и двух мастеров. В связи с этим он предложил собирать дома своими силами. А. И. Нестеренко собрал совещание офицеров, на котором сообщил о положении со строителями и объявил, что желающие собирать дом самостоятельно получат конструкции, полное обеспечение материалами и в помощь будет выделено четверо солдат из строевых частей. Желающих оказалось больше, чем ожидалось.

Через несколько дней работа шла с такой активностью, которую не мог предвидеть никто. Дома росли как грибы. Работали офицеры, их жены, дети, работали с перерывом только для сна по 14–16 часов. Отдельные, особо активные семьи за 20 дней построили дома, обнесли их заборами и ухитрились даже посадить огороды.

Для домиков нужны были свет, тепло, вода, канализация. Свет и вода шли за строительством с небольшим опозданием — этим вопросом занимались эксплуатационные части. Обогревались домики печами Сущевского; здесь основная забота — завезти уголь и дрова, все остальное зависело от хозяек. Одновременно требовалось решать массу сложнейших и неотложных вопросов: где людям жить, мыться, стирать белье, лечить больных, питаться, печь хлеб, как обогреть людей с наступлением холодов.

Серьезной проблемой стал вопрос банно-прачечного обеспечения гарнизона. Если в теплое время эта проблема решалась просто (мылись и стирали белье в реке), то с наступлением холодов возникала угроза антисанитарии. Поэтому по настоятельному и неоднократному ходатайству командования полигона директивой начальника тыла Вооруженных сил к полигону был прикомандирован банно-прачечный поезд с инициативным и очень деятельным начальником подполковником Колодяжным. Поезд проделал исключительно большую и полезную работу. В этом была заслуга и начальника тыла полигона В. А. Лебедева.

Чрезвычайно остро стоял вопрос обеспечения хлебом. Эта задача решалась вначале начальником тыла строительного управления полковником Андреем Александровичем Ткаленко, который быстро организовал полевую хлебопекарню. Суточная потребность в хлебе составляла 15–18 тонн.

С наступлением весны условия работы стали легче, но в конце мая и в июне начались новые трудности — жара, пыль. Жара вызывала большую потребность в воде. Кипяченой водой не

успевали обеспечивать, поэтому большинство воинов и рабочих пили сырую воду, что приводило к желудочным заболеваниям. Для обеспечения водой гарнизонов и всего строительства, в том числе и работы бетонного завода, работало круглосуточно несколько десятков водовозов.

Отсутствие даже минимальных санитарных условий вызвало вспышку дизентерии. Эта беда усугублялась тем, что отсутствовал больничный стационар. Полевой госпиталь, организованный в палатках в двух километрах от городка, имел очень неприглядный вид. В палатках от нещадного солнца температура поднималась до сорока и более градусов. В дополнение к этому — рои мух.

На борьбу с дизентерией были мобилизованы все врачебные силы полигона, из Москвы на полигон было прикомандировано около двадцати врачей-специалистов и срочно доставлялись необходимые медикаменты. Принятые срочные меры помогли пресечь дальнейшее распространение заболевания.

Большую опасность для личного состава гарнизона представляло то, что район полигона с санитарной точки зрения характеризовался как район с природными очагами чумы. В этих районах (Аральском и Кармакчинском) имелись очаги природной чумы, носителями которой являются грызуны: суслики, песчанки, мыши и даже зайцы. Поэтому одной из первоочередных задач на полигоне было срочное формирование противочумных отрядов и проведение широких мероприятий по уничтожению грызунов.

Вначале грызуны уничтожались на территории всех строящихся объектов и в местах размещения личного состава. Затем, согласно разработанному плану, зона уничтожения грызунов расширялась. В первую очередь ликвидировались очаги поселений песчанок и сусликов. Для этой цели каждая часть, каждое подразделение получали определенный район, который они обязаны были обработать в определенные сроки. Эти мероприятия предотвратили возможную вспышку чумы. Однако в 1955 году, в августе, был случай заболевания чумой нескольких человек гражданского населения в Аральском районе, поэтому наложили карантин на Аральский и Кармакчинский районы. В период карантина пассажирские поезда на станциях и разъездах от Аральска до станции Джусалы не останавливались или если останавливались, то пассажирам не разрешалось выходить.

Алексей Иванович вспоминал: «В то время, когда был карантин, я вылетел из Москвы в Тюра-Там. Летел через Куйбышев, где был предупрежден, что в Джусалах высадка пассажиров не разрешается в силу объявленного карантина. Когда прилетели в Джусалы, то действительно никого из

самолета не выпустили. Мне удалось выйти лишь благодаря тому, что начальник аэропорта знал меня. Он заявил, что генерал А. И. Нестеренко прибыл для организации борьбы с эпидемией чумы, то есть для оказания таковой помощи местным властям. Под ответственность начальника аэропорта мне разрешили сойти с самолета».

К счастью, врачи-эпидемиологи быстро ликвидировали очаг возникновения чумы, и уже через две-три недели карантин был снят.

Этот случай заставил всех более серьезно относиться ко всем противочумным мероприятиям. В частности, в гарнизоне проводилась противочумная прививка всему личному составу, невзирая на лица и положение. Никому не выдавался пропуск на объекты до получения прививки, в том числе и представителям промышленности, центрального аппарата, аппаратов Совета министров, ЦК КПСС и Генерального штаба (врачи заявили, что чума в рангах не разбирается и никакой субординации не знает).

Такое явление, безусловно, очень мешало продолжать укомплектование полигона. Эти же обстоятельства: пустынная местность, район с очагами природной чумы, жаркий и резко континентальный климат с песчаными бурями — позволили возбудить ходатайство и добиться 20-процентной надбавки к зарплате (как некоторый стимул), а впоследствии 10-процентной для всех сотрудников полигона. Эту процентную надбавку в обиходе называли «пыльная».

Жизнь этих людей сродни подвигу. Они жертвовали обычными земными радостями, здоровьем для решения эпохальной задачи покорения космоса, вставшей перед нашей страной, а в более широком масштабе — перед всем человечеством. Хотя, конечно, испытания ракетной техники не в последнюю очередь преследовали военные цели: в навязанной нам гонке вооружений важно было достичь паритета, способного охладить самые горячие головы на Западе и отбить у них саму мысль о нападении на Советский Союз.

На долю Нестеренко выпал самый тяжелый период в жизни космодрома — строительство, формирование, организация первых испытаний, жизни и быта практически на голом месте в сжатые сроки, когда все небывалые работы надо было делать параллельно. Нестеренко занимался отводом земельных участков, согласованием проектных документов и графиков строительства, подбором кадров, формированием частей и подразделений.

Алексей Иванович запомнился всем, кто его знал, как опытный организатор, деятельный руководитель, вникающий во

все мелочи, влияющие на жизнь и работу подчиненных ему людей, как умелый учитель и воспитатель, требовательный к себе и подчиненным. Особенно тепло он относился к молодежи, часто выступал на комсомольских собраниях, откликаясь на все чаяния и запросы молодых офицеров. Он вместе с офицерами играл в волейбол, городки, по праздникам организовывал вечера отдыха, его уважали и любили все, кто его знал.

Из воспоминаний генерал-полковника А. А. Ряжских: «Мне трудно говорить про генерал-лейтенанта А. И. Нестеренко. Что может сказать старший лейтенант, прибывший летом 1956 года на пятый научно-исследовательский испытательный полигон? Генерал-лейтенант А. И. Нестеренко у нас, молодых офицеров, инженеров, в памяти остался очень уважаемым и заботливым человеком, который создавал полигон, организовывал его деятельность. На него была возложена тяжелейшая ответственность за решение задачи государственной важности по созданию нового полигона, и все это внове, все от нуля, в жесточайшем дефиците времени, на голом месте. Первые впечатления о полигоне у меня ассоциируются с деятельностью начальника полигона А. И. Нестеренко. Прибыли мы на полигон в июле, в самую жару (45 градусов в тени); нас выгрузили на Сырдарье. Он встречал нас с начальником штаба Алексеем Саввичем Буцким: они рассказали нам об обстановке, чем будем заниматься.

Кругом пыль, жарища неимоверная, а из жилья всего-то несколько щитовых бараков. В общем, с точки зрения бытовых условий картина была неприглядная. С этого начинались наша жизнь и служба на полигоне. У всех, как я уже рассказывал, было подавленное настроение, но начальник полигона всем понравился своим почти отеческим отношением к нам, молодым офицерам. Мы видели его часто на стройплощадке испытательного управления. Грохот машин, потные черные лица. Машины разбили все дороги — а на них пыль, как пудра. Когда задует ветер “бешкунак” — пыль застилала все небо. А. И. Нестеренко был руководителем в самый тяжелый этап создания полигона. У нас, молодых, он остался в памяти как руководитель-первопроходец, который отвечал за всё».

Историк космодрома Байконур Я. В. Нечеса вспоминал о той теплоте, с которой отзывались ветераны об Алексее Ивановиче при посещении Ленинска. Такие посещения проходили ежегодно, когда по указанию начальника полигона самолетом доставляли ветеранов из Москвы, а на круглые даты и из Ленинграда, Киева, Волгограда. Первые жители городка рассказывали: «У нас, нестеренковцев, был настоящий командир. Сказал нам в июне

1955 года, что начнем к сорокалетию Октябрьской революции заезжать в собственные квартиры, и сдержал слово. Нельзя забыть те дни радости, когда первые новоселы с армейскими кроватями и тумбочками въезжали в дома-новостройки. Он прекрасно понимал, что те, кто эксплуатирует сложнейшую новейшую технику, должны иметь возможность полноценно отдохнуть, не беспокоиться о здоровье жен и детей, об их занятости. Для этого он сделал очень много. Именно Алексей Иванович “продавил” решение правительства о включении военторга полигона в первоочередные снабженческие организации Министерства обороны, то есть снабжение сделали на уровне Москвы, Ленинграда, Киева и других городов-миллионников».

Нестеренко всеми силами стремился благоустроить поселок, обеспечить отдых испытателей после трудной работы. Несмотря на напряженный труд строителей на основных объектах полигона, уже к 1957 году были построены купальня на реке Сырдарье, летняя танцплощадка, крытый Летний театр на 600 мест. И сделано было это при его участии и активной работе начальника политотдела В. И. Ильюшенко. В гарнизоне была отличная библиотека. В библиотеке читали книги и журналы, играли в шахматы. Сюда же стали приходить письма после открытия почтового отделения «Кзыл-Орда-50» (до этого работало только почтовое отделение строителей «Ташкент-90»). Письма раскладывались в ящик с отделениями по алфавиту.

23 февраля 1956 года в Доме офицеров прошел с большим успехом первый концерт художественной самодеятельности. Тогда же состоялся первый строевой смотр с конкурсом на исполнение строевых песен. Победило подразделение лейтенанта Б. С. Кривицкого (узел связи).

В том же 1956 году было завершено строительство стадиона и в мае состоялась первая спартакиада гарнизона. Здесь определились первые чемпионы, показавшие рекордные результаты. Это были рядовой А. М. Богдановский в беге на 100 метров, лейтенант Ю. С. Тардов в беге на три тысячи метров, лейтенант П. М. Фесенко в прыжках в высоту и в метании гранаты. Вторая спартакиада проводилась в сентябре 1957 года.

1 сентября 1956 года начала учебный год средняя школа № 30 на улице Школьной. В этот день за парты сели 136 школьников. В первый день учебы были проведены занятия во всех классах, с первого по десятый. Это было первое торжество в военном городке.

Поселок превращался в настоящий оазис, город-сад, хотя скептики утверждали, что в этой пустыне на солончаках ничего не может вырасти.

Алексей Иванович беспокоился о порядке в офицерском общежитии, об отдыхе офицеров, о библиотеке и читальном зале, танцплощадке и буфете. Он заботился о спортивных площадках у офицерского общежития (волейбольной, баскетбольной, футбольной и гимнастической со снарядами). Гантели, гири и эспандеры хранились внутри общежития в закрытых ружейных пирамидах.

У каждой из пяти казарм стояли открытый киноэкран и ряды скамеек, и каждый волен был с наступлением темноты выбирать свой «кинотеатр» со своим кинофильмом, правда, программа не блистала разнообразием. Несколько раз приезжал Алексей Иванович и на первый ИП, где его также интересовали бытовые условия и обустройство части, снабжение и материально-техническое обеспечение.

Он старался благоустроить поселок, быт, обеспечить отдых испытателей после трудной работы. И на полигоне утро офицеров штаба начиналось с физзарядки во главе с Нестеренко.

Из воспоминаний Владимира Владимировича Порошкова:

«Назначение наше было настолько секретным, что предписание и билет нам вручили только накануне отъезда. Мы — это четыре выпускника Военной Краснознаменной инженерной академии связи им. С. М. Буденного, авангард контингента из 20 выпускников, отобранных еще за год до этого кадровиком Министерства обороны для неизвестного нам назначения. В предписании была указана только войсковая часть без места дислокации. И только в железнодорожном билете мы прочли название конечной станции — “Тюра-Там”. На обороте предписания едва заметным карандашом было написано: “Хозяйство генерала Нестеренко. Начальник аппаратной машины”. Из всего этого я понял, что едем в большую часть (начальник — генерал, и на том спасибо!) и назначен я на должность начальника аппаратной машины, неизвестно, правда, какой.

…Мы приехали в Тюра-Там в субботу 22 июня 1957 года после окончания рабочего дня. Разместившись в гостинице на первом этаже третьей казармы, поужинав в столовой, расположенной в деревянном бараке… мы отправились купаться. Купальня представляла собой два мостка на сваях, удерживаемых еще и тросами с берега Сырдарьи, с глухими деревянными стенками и натянутым между мостками тросом ограждения. Но вода! Такую воду в России можно увидеть только во взбаламученной глинистой луже. Вода была абсолютно непрозрачной, коричневой по цвету взвесей глины и песка, которые она несла с бешеной скоростью горной реки. Мы с

опаской нырнули с мостков в эту воду. Она охлаждала и смывала липкий пот, вызванный жарой… Рядом с нами появился пожилой мужчина. Вынырнув после прыжка с мостка и, видимо, случайно глотнув воды, возвращая на место длинные волосы, маскирующие лысину, сказал: “Генерал нырнул, воды хлебнул!” Он как бы представился нам, разглядев в нас новичков. Мы поняли, что перед нами начальник соединения. Других генералов в таком месте не должно быть. Поскольку мы его не знали, то, памятуя армейскую истину — всякая кривая вокруг начальства короче прямой, мы поспешили закруглиться с купанием и отправились в гостиницу.

В понедельник мы прибыли в штаб соединения и нас направили на прием к Нестеренко. Штаб состоял из барака, стоящего на стороне улицы, обращенной к реке (в нем размещался Нестеренко со штабом), и второго барака в противоположном углу дворика, с центральной кирпичной частью, где находились секретная часть и служба измерений. Дворик был засажен палками-саженцами тополей с первыми листьями. Входы в бараки штаба, выходящие внутрь дворика, соединялись между собой аккуратно размеченной грунтовой дорожкой. Мимо нас в кабинет быстрыми шагами прошел генерал-лейтенант в голубой рубашке с поясом и погончиками (мы таких еще не видели!) и в темно-синих брюках с красными лампасами. Мы же истекали по́том в закрытых кителях со стоячим воротом времен Отечественной войны и при сорокаградусной жаре позавидовали его форме белой завистью — нам бы такую!

Он пригласил всех в кабинет, познакомился с каждым и начал нам рассказывать о полигоне. Сказал, что полигон создается для решения важной государственной задачи — испытаний межконтинентальной ракеты, что он находится в стадии строительства, но уже начал работать, было много трудностей. Но это временно! Построено общежитие. Семейные живут в бараках и вагонах, но уже заложены каменные дома для офицерского состава. Работают школа и Дом офицеров, размещенные в бараках. Заасфальтированы улицы, закончена бетонка до площадок, посажен парк, сделано уличное освещение. Он увлеченно говорил нам об этих достижениях и перспективах так, что мы сами увлеклись и поняли: с этим человеком можно служить, он сделает все для людей, он энтузиаст того большого дела, которое поручила ему страна, и нам нельзя ударить в грязь лицом. Пожелав успехов в работе, генерал направил нас к своему заместителю по научно-исследовательской работе полковнику А. А. Васильеву для получения назначений».

Из воспоминаний Владимира Яковлевича Хильченко:

«О соцкультбыте (как теперь принято говорить) заботились не в первую очередь. На весь поселок “Заря” были всего одна кирпичная казарма и несколько бараков строителей. Эту казарму мы называли “Казанским вокзалом”, она служила общежитием для всех офицеров. Огромный зал был заставлен солдатскими кроватями. Режим рабочего дня у офицеров был различный, поэтому круглосуточно в этом зале через каждые 15–20 минут звенели будильники. Звучала музыка на все вкусы, играли в карты и шахматы, шумно отмечались разные события (несмотря на “сухой закон”, недостатка спиртного не ощущалось). Толстым слоем лежали окурки и прочий мусор. Митрофан Иванович Неделин, посетивший офицерское общежитие 7 ноября 1956 года, был потрясен царившей обстановкой. Всех нас, находившихся там в это время офицеров, выгнали на улицу сажать деревья в комсомольском парке, а в общежитии устроили аврал по наведению чистоты и порядка».

У городов, как и у людей, свой облик, своя биография, своя летопись и судьба. Слова «Байконур», «Звездоград», «Ленинск» появятся много позже и будут ассоциироваться с такими дорогими для нас понятиями, как «космодром», «спутник», «первый космонавт планеты»…

Тогда, когда все начиналось, ничего этого не было.

Небольшой, в сущности, островок в бескрайней казахстанской степи, но и воздух, и земля, и редкие блюдца маленьких озер — все здесь пронизано духом разных эпох, во всем ощущается дыхание истории, то далекой, многовековой, то совсем близкой. Она воскресает в древних преданиях и доходит до нас в живом слове фактов.

В одном из номеров газеты «Московские губернские новости» за 1848 год была напечатана маленькая хроникальная заметка: «Мещанина Никифора Никитина за крамольные речи о полете на Луну сослать в поселение Байконур…» Здесь нет опечатки. Именно в Байконур более 130 лет назад был сослан неизвестный нам дерзкий мечтатель и фантазер, чье имя почему-то не вошло в летопись космонавтики.

История сохранила и другой любопытный документ. Это книга некоего Джона Вильфорда Уорделла. Называется она «В киргизских степях». На обложке поясняющая надпись: «Сведения из первых рук о жизни в глуши Казахстана накануне индустриализации». В этой книге речь тоже идет о Байконуре. На заре XX века предприниматели английского Акционерного общества Атбасарских медных руд рассчитывали на дешевые разработки известковых карьеров и выходных пластов каменного

угля. В 1915 году около 200 рабочих — русских и казахов — были согнаны в Байконур из ближайших мест. Потом был 1917 год, стачки и митинги, налеты конников народного героя Амангельды Иманова, которые защищали рабочий и кочевой люд… В книге описан и памятный субботник 16 августа 1929 года. «Деньги, полученные за этот день, общее собрание постановило внести в фонд постройки самолета “ Карса-Кайский горнорабочий”» — так рапортовали рабочие старого Байконура правительству Казахской республики.

Опыта в конструировании и строительстве столь сложных комплексов и создании оборудования в те начальные годы конечно же не было. Но был энтузиазм, было огромное желание выполнить ответственное задание. И был труд, упорный, настойчивый. День ли, ночь ли, изнуряющая жара или лютый холод — все это значения не имело. Неслыханно быстро рождался первый космический порт планеты.

Ну а название «Байконур»? Этот населенный пункт находится примерно в полутысяче километрах от Тюра-Тама. С ракетно-космическими делами он никак не связан. Вся «хитрость» в том, что, проведя в августе 1957 года первый успешный в рамках летно-конструкторских испытаний пуск межконтинентальной ракеты Р-7, мы, в соответствии с резолюцией ООН, должны были зарегистрировать это событие с указанием даты, времени и места старта ракеты. По режимным соображениям, дабы скрыть истинные координаты стартового комплекса, в официальном сообщении был назван Байконур — населенный пункт, расположенный по трассе полета. Более того, чтобы сбить американцев с толку, в степи спешно построили деревянные стартовые сооружения. Увы, «хитрость» не удалась, и американская разведка довольно быстро разобралась, что к чему. Но и после этого ложный космодром существовал еще лет десять.

Со стартовых площадок Байконура (это название прижилось, наверное, навсегда) был запущен первый в мире искусственный спутник Земли, взлетел Юрий Гагарин, выведены на звездные трассы автоматические станции «Луна», «Венера», «Марс». Отсюда стартовали «Протоны» и «Зонды», «Молнии» и «Электроны», «Полеты» и «Космосы». Из этих мест уходили на свои орбиты космические корабли — «Востоки», «Восходы» и «Союзы», научные лаборатории «Салют» и «Мир». Байконур провожал и международные экипажи, в состав которых вместе с российскими космонавтами входили их коллеги из многих стран.

Главное богатство космодрома — его люди, военные, ученые, конструкторы. Все те, кто в экстремальных условиях смогли построить прекрасный город, возвести стартовые и технические

комплексы, научились управлять космической техникой и продолжают это делать сегодня. Беззаветная преданность и любовь к своему делу, высокое профессиональное мастерство и стремление к достижению конечной цели были и остаются главными качествами испытателей космодрома. Еще в начале нашей эры римский писатель и философ Сенека писал: «Мы не осмеливаемся не потому, что вещи трудны. Они трудны потому, что мы не осмеливаемся». В XX веке в непростой ситуации строители и личный состав полигона осмелились.

Пока шло строительство, офицеры-испытатели полигона напряженно учились. Были организованы специальные курсы, которые давали только общее представление о ракетах. Все это было прошедшим днем. Даже преподаватели-курсов плохо представляли новые ракетные комплексы. Поэтому испытателей, каждого по своей специальности (стартовики изучали работу стартовой системы, двигателисты — работу двигательных установок, управленцы — систему управления и т. п.), командировали в различные научно-исследовательские и конструкторские организации, где создавались новые агрегаты, системы и приборы, которые должны были позже устанавливаться на создаваемую межконтинентальную ракету.

Все офицеры знали, что предстоит серьезная и новая для каждого работа. Все были охвачены жаждой знаний новой техники, приобретения навыков в работе, большим энтузиазмом. В свою очередь, руководство предприятий было очень заинтересовано в участии сотрудников полигона в отработке систем и агрегатов ракеты на заключительных этапах ее создания.

Большое внимание непосредственной связи с НИИ, КБ и предприятиями промышленности, где проходили подготовку офицеры-испытатели, уделял А. И. Нестеренко.

Участие личного состава испытательных подразделений полигона в испытаниях, доработках и приемке техники в научно-исследовательских учреждениях, на заводах-изготовителях, в отработке техники на полигоне Капустин Яр ускорило ход подготовки ракеты к пуску. Значительная часть техники, систем, агрегатов и приборов прошла испытания до пусков, в том числе с участием офицеров полигона.

Например, в январе — октябре 1956 года на полигоне Капустин Яр проходили испытания новых подвижных телеметрических станций «Трал» и РТС-5. На заводы, в конструкторские бюро, на полигон Капустин Яр была направлена большая группа офицеров-испытателей Байконура. Личный состав нового полигона входил в стартовый расчет и обслуживал измерительные средства при пусках. Был приобретен ценный

практический опыт в подготовке и проведении пусков, подготовке полетных заданий, в организации и проведении испытаний и измерений.

В своих приказах начальник полигона А. И. Нестеренко неоднократно отмечал кропотливую, настойчивую работу многих инженеров, техников, солдат при освоении новой техники. В одном из приказов за высокие знания, показанные на зачетах по специальной подготовке в районе 2-го отдельного измерительного пункта, начальником полигона было поощрено около 200 военнослужащих. Многие офицеры начальником полигона награждены ценными подарками. Алексей Иванович всегда высоко оценивал труд подчиненных.

Осенью 1956 года на Ленинградском металлургическом заводе прошла успешное испытание стартовая система для ракеты Р-7. Здесь, в большом цехе завода, где раньше изготовляли башни крейсеров, проводилась сборка стартовой системы и ферм обслуживания. Контроль за сборкой, отладкой и испытаниями наземного оборудования был возложен на группу военной приемки, в которую кроме военных представителей вошли испытатели полигона: инженер-подполковник С. Д. Титов, инженер-лейтенанты С. Н. Павлов, Ю. Д. Чалых, А. И. Диденко, В. И. Кузовлев, Е. М. Зеньков, А. Т. Патиченко, В. А. Романенко.

В испытаниях на ЛМЗ от полигона участвовали также офицеры-испытатели А. Ф. Коршунов, С. Д. Титов, В. С. Романенко, С. Н. Павлов, Н. П. Синеколодецкий, В. А. Холин, Д. П. Глотин и др. Из воспоминаний инженер-подполковника Н. П. Синеколодецкого:

«Для получения практических навыков в работе с ракетой мы были командированы на один из заводов в Ленинграде, где изучали ракету как по чертежам, так и путем непосредственного участия в сборке ракеты на стенде. Стендовые испытания проводились по блокам, затем на одном из московских заводов в мае 1946 года эти блоки впервые были собраны в “пакет”. Впечатление было огромное. Перед нами было изделие, громадное по размерам и красивое по форме… На заводе мы выполнили все отладочные работы… Затем все было демонтировано и отправлено для монтажа на полигон. За период работы на заводе нами было выдано большое количество замечаний и предложений, направленных на улучшение конструкции машин и агрегатов, технологии проведения работ и эксплуатационных качеств оборудования. В общем, мы были готовы к самостоятельной работе с ракетой».

Из воспоминаний инженер-подполковника В. А. Романенко:

«После того как закончились заводские испытания

оборудования к началу зимы 1956/57 года, весь отдел прибыл на полигон. Разместились в единственном в то время капитальном доме — первом общежитии офицеров, которое с утра до вечера гудело, как пчелиный улей, — каждый день въезжали и выезжали сотни офицеров: одни оседали надолго, другие только переночевать и отправлялись на измерительные пункты. Для поездки к месту работы и обратно за каждым отделом была закреплена бортовая автомашина с тентом, но при тридцатиградусном морозе, даже если ты одет в полушубок, ватное обмундирование и обут в валенки, поездки не представляли большого удовольствия».

Работы по монтажу наземного оборудования, его отладке проводились на полигоне до марта 1957 года. Несмотря на очень суровую зиму, были успешно проведены все основные подготовительные работы. В марте начались комплексные испытания объекта совместно с учебной ракетой.

За период монтажа и отладки наземного оборудования на объекте офицеры-испытатели полигона проделали большую работу, связанную с выявлением скрытых недостатков оборудования, ошибок при монтаже, корректировкой инструкций по эксплуатации. Был внедрен ряд усовершенствований с целью улучшения комплекса наземного оборудования, а также была отработана в основном техническая документация. Всего за этот период офицерами отдела, возглавляемого полковником А. Ф. Коршуновым, было выдано более 800 замечаний и предложений. По замечаниям и предложениям старших инженер-лейтенантов Ю. Д. Чалых и В. И. Графского впоследствии была в корне переделана система прицеливания ракеты и система контроля заправки.

Один из испытателей, тогда инженер-лейтенант Александр Иванович Удальцов, позже вспоминал об отработке системы управления ракеты:

«Вместе с Е. И. Жирновым, М. Ф. Журавлевым, А. С. Кирилловым, Л. В. Кабачиновым, В. И. Караваевым, В. Д. Леоновым, Е. И. Осташевым, А. В. Поцелуевым, В. Г. Соколовым я попал в институт, разрабатывающий систему управления. Нас представили главному конструктору Н. А. Пилюгину… Николай Алексеевич рассказал, чем мы должны заниматься, познакомил с начальниками лабораторий, где должны проходить обучение. Мы получили возможность изучать новую технику по мере ее создания. Работники института очень помогли разобраться во всем. Впоследствии на космодроме мы многие годы работали с ними рука об руку.

Изучая специальную технику в НИИ-885, ОКБ-1 и в других

организациях, мы встретились с трудностью, которая заключалась в том, что не было еще технических описаний изучаемых нами систем. В этих организациях мы могли получить любую консультацию. Но каждый отчетливо представлял, с какими трудностями встретятся те испытатели, которые не проходили обучение в институтах, на предприятиях-изготовителях и т. п.

Мы пришли к выводу, что необходимо писать техническое описание системы управления, в котором должна быть отражена теория системы или отдельного прибора, ее работа и детальное описание назначения отдельных элементов».

Под руководством сначала инженер-полковника Н. Г. Кальжанова, а потом инженер-майора А. С. Кириллова техническое описание бортовых систем управления было написано. Получилась книга объемом около 350 страниц. Книгу исполнили инженер-майоры А. С. Кириллов, В. Д. Леонов, В. И. Самонов, инженер-лейтенанты А. В. Поцелуев, Г. П. Павленко, В. И. Караваева, Л. В. Кабачинов, Ш. А. Чанышев, Г. М. Максимов, А. И. Удальцов. Она вышла в свет в январе 1957 года, а затем несколько раз переиздавалась и использовалась не только испытателями, но и курсантами учебных заведений. В то время это было единственное пособие по подготовке боевых расчетов по системе управления.

Из воспоминаний В. Г. Соколова, выпускника спецнабора академии:

«После окончания в 1949 году средней школы в городе Ростове-на-Дону я поступил в Ростовский институт сельхозмашиностроения (РИСХМ). В 1951 году (после пяти семестров) из целого ряда технических вузов страны был проведен специальный набор студентов с призывом в Советскую Армию для обучения в Артиллерийской инженерной академии Дзержинского в г. Москве. Я добровольно и с большим удовольствием сменил место обучения. В академии мы изучали только-только зарождавшуюся строго засекреченную ракетную технику — боевые ракеты. Наш выпуск из академии в 1955 году совпал с созданием испытательного полигона (в последующем — космодром Байконур) для отработки баллистической ракеты 8К71, где начались интенсивные строительно-монтажные работы по сооружению стартового и технического комплексов для указанной ракеты. Практически весь наш спецнабор после выпуска получил назначения для прохождения службы на полигон, откуда должны были запускаться ракеты, в службу измерений на ИПы и на Камчатку, куда должны были падать головные части ракет.

Службу мы начали с того, что разъехались по предприятиям

промышленности и КБ, где проектировалась, отрабатывалась и изготовлялась ракета и различное оборудование к ней (ТК, СК и измерительные комплексы).

Большая группа “управленцев” — специалистов по системе управления ракеты — находилась в Москве в НИИ-885, где главным конструктором был Николай Алексеевич Пилюгин. Часто приходилось посещать головные предприятия ОКБ-1, которым руководил Сергей Павлович Королев. В эту группу входили следующие испытатели: Е. И. Осташев, М. Ф. Журавлев, Р. М. Григорьянц, И. В. Самонов, А. С. Кириллов, В. Н. Крылов, Ф. Р. Ларичев, Б. С. Чекунов, А. В. Поцелуев, В. С. Патрушев, В. Д. Жигалов, Л. В. Кабачинов, В. И. Караваев, В. Н. Давыдов, В. Д. Леонов, Е. М. Жирнов и многие другие.

К середине 1956 года центр работы переместился в г. Загорск, где были начаты огневые стендовые испытания ракеты (ныне это НПО “Химмаш”). Группа военных испытателей расширилась, добавились другие специалисты: двигателисты, заправщики, гироприбористы, телеметристы, радисты и др. Необходимо отметить активное участие в испытаниях В. П. Безносова, Б. А. Климова, В. Я. Хильченко, В. П. Рыжкова, А. П. Захарова, Н. Г. Кальжанова, Е. С. Шалдаева, А. А. Ряжских».

Примерно так же проходило обучение в других институтах и конструкторских бюро, на промышленных предприятиях. В 1955–1956 годах практически все специалисты полигона прошли через заводы, стенды, КБ, НИИ. Это были их «университеты». Именно на этих заводских и стендовых испытаниях начали складываться будущие коллективы испытателей полигона и промышленности, которые в будущем составили золотой фонд космодрома Байконур.

В январе 1957 года офицеры-испытатели начали возвращаться на полигон из длительных командировок в НИИ и КБ и сразу же включались в монтаж, развертывание, настройку аппаратуры и подготовку ее к работе. Вслед за ними прибывали документы, в которых высоко оценивалась их деятельность, наряду с успешным обучением, по совершенствованию аппаратуры и оборудования.

Маршал артиллерии М. И. Неделин на основе этих документов поощрил наиболее отличившихся офицеров. В приказе от 11 января 1957 года отмечалось: «Офицеры военного представительства Начальника реактивного вооружения и НИИП-5 МО, проходившие стажировку при НИИ-885, готовившем сложный комплекс изделия 8К71, принимали непосредственное участие в разработке отдельных узлов и приборов, деятельное участие в конструкторских испытаниях, разработке технической и

эксплуатационной документации, оказав тем самым большую техническую помощь институту…»

В приказе была объявлена благодарность инженер-подполковникам Е. А. Осташеву, Р. М. Григорьянцу, инженер-майорам А. С. Кириллову, В. Д. Леонову, инженер-капитану А. И. Удальцову, инженер-лейтенантам В. Г. Соколову, Ю. П. Бруднову.

В приказе М. И. Неделина от 16 января 1957 года отмечалось, что группа офицеров службы НИР в составе инженер-майора Б. М. Абрамова, старшего инженер-лейтенанта А. М. Нечаева и техник-лейтенанта К. С. Петрова, кропотливо изучая аппаратуру на радиотехническом заводе, проделала большую работу по выявлению и устранению ряда существенных, принципиальных и конструктивных недостатков.

Так зарождалось и крепло настоящее творческое содружество, которое затем полностью себя оправдало в ходе полигонных испытаний и обеспечило отработку ракеты Р-7 в установленные правительством сроки с высоким качеством. К 1957 году многие испытатели знали технику не хуже ее разработчиков и изготовителей, приобрели значительный опыт испытаний техники и взаимодействия с промышленностью.

В 1956 году монтаж агрегатов и систем комплекса велся в две смены, а в третью смену велись строительные доработки, которые выявлялись в ходе монтажа оборудования. В январе — июне этого года было только два выходных дня — 1 января и 23 февраля. За пять с небольшим месяцев было перемещено и смонтировано несколько сотен тонн металлических конструкций, уложено более 300 метров трубопроводов различных диаметров систем заправки ракеты компонентами топлива, из них 150 метров с теплоизоляцией, проложено до 40 километров силовых и контрольных кабелей, смонтировано до девяти километров трубопроводов сжатых газов и системы пожаротушения, отлажено и сдано для дальнейших испытаний 20 систем технологического оборудования.

Для оперативного решения всех вопросов, связанных с монтажом и проведением отладочных испытаний стартового комплекса, решением комиссии по военно-промышленным вопросам Совета министров СССР была создана оперативная группа под председательством Григория Рафаиловича Ударова (в то время — заместителя министра машиностроения). В состав группы входили представители от трестов и заводов-изготовителей оборудования, Министерства обороны. Решения оперативной группы были обязательными к выполнению всеми

предприятиями, независимо от ведомственного подчинения. По каждому агрегату (системе) и комплексу в целом был разработан график проведения монтажа, отладки и примерочных испытаний с ракетой Р-7ПС, которая была точной копией ракеты Р-7 и изготовлена специально для примерочных испытаний.

В январе 1957 года основная часть систем комплекса монтажом была завершена. Начались автономные и комплексные испытания систем и агрегатов, которые прошли с положительными результатами. К маю 1957 года стартовый комплекс был готов к эксплуатации.

С конца октября 1956 года на полигоне начала работать Государственная комиссия по приему сооружений первой очереди строительства полигона. Возглавлял комиссию председатель Военно-промышленной комиссии В. М. Рябиков. В работе этой комиссии принимали участие большинство главных конструкторов во главе с С. П. Королевым. Главное управление вооружения Министерства обороны возглавлял генерал А. Г. Мрыкин. От полигона старшим в комиссии был полковник А. С. Буцкий, так как в это время Алексей Иванович Нестеренко находился на Камчатке.

Членами комиссии был подписан акт о готовности первой очереди строительства полигона к началу летных испытаний МБР Р-7. В акте отмечалась общая готовность первоочередных объектов и сооружений к началу летных испытаний ракеты, давалась оценка степени готовности каждого комплекса. Отмечались недостатки, которые должны быть устранены к моменту прибытия на полигон примерочного изделия.

На строительных площадках становилось все больше представителей главного конструктора. Они не только контролировали, но и помогали на местах, часто от руки корректируя монтажные схемы и узлы, внося изменения и дополнения в техническую документацию.

У входа на 1-ю площадку стояло временное одноэтажное здание, где круглосуточно шла работа представителей главного конструктора, проектировщиков, монтажников, строителей, эксплуатационников. В этой спешке было много недоработок, ошибок. Чертежи из Москвы доставлялись самолетом, зачастую некомплектно, без деталировок и типовых узлов, без технических материалов по сопряжению со смежными системами. Однако темпы строительства, его важность заставляли работать напряженно и изобретательно, на пределе человеческих возможностей. Рождался объект по тем временам высочайшей сложности. Перед промышленностью ставились задачи

неслыханной дерзости.

Г. Р. Ударов регулярно проводил оперативные совещания с руководителями монтажа, представителями заводов, проектных организаций с рассмотрением хода работ. По возникающим вопросам немедленно принимались решения, назначались исполнители и сроки.

Монтаж на стартовом сооружении вели организации, имеющие большой опыт сложных работ на гражданских и военных объектах: Спецхиммашинмонтаж, Стальконструкция, Союзкислородмонтаж, Спецэлектромонтаж, Центрмонтажавтоматика, бригада монтажников с Ново-Краматорского машиностроительного завода и Сумского насосного завода и многие другие.

Контроль качества и приемки выполненных работ проводился офицерами ОКСа полигона, а также группой представителей управления начальника реактивного вооружения. Авторский надзор от организаций промышленности вели лучшие специалисты.

Офицеры-испытатели отдела наземного оборудования приняли самое непосредственное участие в проведении монтажа, отладке и автономных испытаниях всех систем и агрегатов. Было внесено более десяти предложений, направленных на повышение эксплуатационных качеств агрегатов и систем.

К концу декабря 1956 года монтаж на стартовом сооружении вступил в завершающий этап. Работы велись круглосуточно, без выходных дней. Руководство осуществляли такие опытные специалисты по монтажу, как Б. Б. Бакин, В. И. Улитин, Н. В. Смирнов (Минмонтажспецстрой), Э. К. Первышин (Минрадиопром). В этот же период уже началась подготовка к проведению испытаний автономных систем.

В январе 1957 года основная часть систем комплекса была завершена и смонтирована на месте.

Испытанием агрегатов и систем первого стартового комплекса и последующей его эксплуатацией занималась служба опытно-испытательных работ (ОИР), возглавляемая инженер-полковником Александром Ивановичем Носовым, а также инженерно-испытательная часть, командиром которой был полковник О. И. Майский. В составе части имелась группа наземного оборудования (начальник группы — майор В. Г. Козлов), личный состав которой обеспечивал проведение испытаний агрегатов и систем стартового комплекса и их последующую эксплуатацию.

В марте 1957 года комплексные испытания агрегатов и систем на старте завершились. Развернулись работы по

устранению выявленных дефектов, а их оказалось немало. Старт превратился опять в монтажную площадку, там снова хозяйничали сварщики, слесари, электрики.

3 марта 1957 года на полигон для подготовки к летным испытаниям прибыла первая ракета Р-7. 8 марта на полигон прилетела большая группа конструкторов во главе с заместителем Королева ведущим конструктором А. С. Кашо. Они привезли большой перечень доработок, которые необходимо провести на летном изделии по результатам огневых испытаний на стенде.

Из воспоминаний Б. Е. Чертока, который прибыл на полигон с этой группой: «Со станции мы отправились к начальнику полигона генерал-лейтенанту А. И. Нестеренко. Он принял нас очень радушно и представил хорошо знакомых по Капустину Яру своих заместителей.

Алексей Иванович пожаловался, что строители отстают от графика сдачи МИКа под монтаж всего оборудования. Но главный зал готов к приему ракеты. Самое ценное приобретение МИКа — кран, изготовленный по особому заказу, с такой точной микроподачей, какой не было ни у кого в отечественной промышленности. Теперь можно вести сборку ракеты с точностью до миллиметра.

Алексей Иванович сказал: “Остальное сами увидите. Живем пока трудно. Но для главных конструкторов и их основного персонала на второй площадке целый пассажирский состав со всеми удобствами, кроме, извините, ватерклозетов. Это уж, как хотите, но на свежем воздухе. Через месяц, не более, будут готовы отдельные домики для главных, а для остальных — гостиницы-бараки”.

Поехали на “двойку”. Дорога шла прямо по плотному грунту действительно бескрайней, голой, еще зимней степи. Зимняя влага мешала истолченной почве превращаться в мелкую дисперсную всепроникающую пыль. Можно было дышать полной грудью чистым степным воздухом. Слева велась прокладка бетонной трассы ко второй и первой площадкам. К стройкам шли вереницы самосвалов с бетоном. Мы обгоняли самосвалы с капающим из кузовов свежим раствором, машины со всевозможными ящиками, стройматериалами и крытые фургоны с солдатами-строителями.

Мне вспомнились военные дороги в ближних тылах армий, такое же натруженное гудение сотен грузовиков, спешащих каждый со своим грузом. Здесь не было громыхающих танков и пушек, но за баранками всех машин и в кузовах сидели солдаты.

В отличие от атомных городов, нашего НИИ-229 под

Загорском и многих других секретных объектов здесь не было строителей-заключенных. Строила армия. И, как мы вскоре убедились, военные строители всё могли и всё умели».

Борис Ефимович Черток был прав — строители могли все. Как подтверждение этих слов приведем такой факт — указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 июля 1958 года орденами Ленина были награждены семь военных строителей, в их числе генерал-майор Г. М. Шубников, ефрейтор А. Д. Есарев, младший сержант Н. П. Каргин, рядовой Н. Н. Лихоперский, ефрейтор А. А. Ногободян, ефрейтор П. А. Тимошкин. Этим же указом 28 человек (в их числе 10 сержантов и солдат) награждены орденами Трудового Красного Знамени. Заслуженные награды. И это только один из указов по военным строителям.

В это время монтажно-испытательный корпус (МИК) находился еще в стадии отделочных и монтажных работ. Необходимо было выгрузить ракету из вагонов и подготовить к сборке, но мостовые краны, предназначенные для разгрузки, могли быть готовы к работе только через полтора-два месяца. Инженеры группы конструкции и монтажа ракеты предложили разгрузку производить дизельными кранами и боевым расчетом полигона. Расчет с честью справился с поставленной задачей. В процессе подготовки ракеты к пуску испытатели внесли целый ряд предложений. Коренным образом была переделана технология сборки ракеты.

Монтажно-испытательный корпус полигона превратился в сборочный и разборочный цех завода и испытательный стенд. С целью сокращения сроков испытаний личный состав полигона трудился и днем, и ночью в одну смену, не досыпая и не доедая, на это порой просто не хватало времени. Сплав мудрого опыта старших товарищей-фронтовиков и дерзости молодых при всеобщем энтузиазме и увлеченности грандиозным делом позволил преодолевать любые трудности. Жаркими днями и бессонными ночами в течение двух штурмовых месяцев ракета была подготовлена к пуску.

В ходе испытаний и подготовки к пуску не всегда все шло гладко. Случались неисправности, над устранением которых приходилось работать сутками. Так, при предстартовых испытаниях в ходе проверки выяснилось, что команды на рулевые двигатели центрального и боковых блоков исполнялись не так, как это требовалось. Поисками причины этой неисправности занимались, помимо бортового расчета, самые опытные профессионалы — представители промышленности Л. А. Воскресенский, Н. М. Лакузо, И. Н. Ионов и др. Только через несколько суток неисправность была устранена.

Наиболее трудоемкими были работы по теплозащите хвостовых отсеков блоков пакета, обшивка из алюминиевого сплава которых прогорала на огневых испытаниях. Поэтому хвостовые отсеки обшивались снаружи тонкими листами хромированной стали, уязвимые детали внутри обматывались асбестом, вводилась противопожарная продувка хвостовых отсеков, менялись трубопроводы кислородных магистралей. Баллистики пересчитывали полетное задание.

В этот период важная роль принадлежала начальнику и другим руководителям полигона, строительства и монтажа. От них требовалось обеспечить четкую организацию работ, слаженность и взаимодействие многих участников, контроль и своевременное принятие решений.

После двух месяцев подготовки на технической позиции и после предварительной проверки всех узлов и агрегатов 6 мая 1957 года ракета была вывезена на старт. На стартовой позиции первая ракета подготавливалась еще девять суток. Установка первой летной ракеты в стартовое сооружение происходила в присутствии большого числа зрителей. Только к концу дня главный конструктор стартового сооружения В. П. Бармин, лично руководивший всем процессом установки, доложил, что ракета установлена.

Испытаниями ракеты на старте руководили инженер-подполковник Е. И. Осташев от полигона и Л. А. Воскресенский от ОКБ-1. Не все шло гладко, не хватало опыта, как и при испытаниях любой новой ракеты. Много хлопот доставляли кабели, датчики, радиосистемы. Повторно проводились генеральные испытания. Чистое машинное время всех электрических испытаний на старте составило 110 часов.

К 10 мая вся технологическая цепочка для обеспечения первого пуска ракеты была готова. 11 мая состоялось подписание акта приема-сдачи в эксплуатацию первой очереди первого ракетного комплекса полигона Тюра-Там. 14 мая тепловозы стали подавать на старт парящие цистерны с кислородом. Весь личный состав, не задействованный на стартовой позиции, был вывезен в район «Сопки». Тысячи рабочих превратились в обычных зевак.

После больших трудов и усилий всего личного состава 15 мая 1957 года в 21 час 01 минуту ракета Р-7 впервые стартовала с площадки № 1. Со старта ракета ушла, но через несколько секунд начала разваливаться.

Для соблюдения секретности на время пуска власти остановили поезда на магистрали Москва — Ташкент, чем достигли противоположных целей. Пассажиры остановленных на станциях Джусалы и Казалинск поездов от нечего делать

слонялись по перронам и прекрасно видели пуск, хотя многие и не понимали, что происходит. О ракетах в периодической печати тогда не очень-то распространялись.

В. М. Рябиков, М. И. Неделин и С. П. Королев 4 июня представили в ЦК КПСС доклад о причинах ненормального полета ракеты Р-7 при первом экспериментальном пуске 15 мая и о мероприятиях, проведенных по подготовке к пуску второй ракеты. В докладе отмечалось, что «непосредственной причиной аварии в полете является возникновение пожара в одном из четырех блоков первой ступени ракеты. Пожар произошел из-за появления негерметичности в керосиновых коммуникациях высокого давления двигательной установки. Развитие пожара на 97-й секунде полета привело к прекращению работы двигательной установки блока и отделению его на 98-й секунде от ракеты (нормально боковые блоки должны отделяться на 115-й секунде). В результате этого на 103-й секунде системой аварийного выключения была прекращена работа и остальных двигателей ракеты».

Но первый шаг был сделан. А кроме того, испытатели начали приобретать знания и бесценный опыт работы с новой техникой, что позволило в кратчайшие сроки учесть и устранить большинство недостатков. Уже на следующей ракете были введены испытания всех стыков в ракете на герметичность, усилена теплозащита всех бортовых кабелей, доработаны детали крепления нижних силовых связей.

Тем не менее несколько последующих пусков ракеты Р-7 были неудачными. Если первая ракета разрушилась на 97-й секунде и ей не хватило 12 секунд до нормального отделения боковых блоков, то пуск ракеты, намеченный на 10 июня после трех неудачных попыток, вообще не состоялся. Был произведен слив топлива, и ракета отправлена на завод. Там обнаружили, что клапан азотной продувки (которая проводится перед запуском) установлен в обратном направлении. Газообразный азот попал в кислородные полости камер сгорания основного и рулевых двигателей. В смеси кислорода с азотом керосин плохо горел. По этой причине двигатель не вышел на режим и, не дождавшись нужного давления в камерах, автоматика выключила все двигатели.

Пуск третьей ракеты был произведен 12 июля. Ракета набрала тягу, правильно вышла из стартового устройства, и до 33-й секунды полет проходил нормально. На 33-й секунде полета вследствие подачи системой ложной команды началось резкое вращение ракеты вокруг продольной оси, вызвавшее на 43-й секунде ее разрушение в воздухе, на высоте примерно 4,5

километра. Блоки ракеты упали в пределах полигона, примерно в пяти — семи километрах от старта, образовав над степью семь дымных грибов, похожих на ядерные взрывы. Рассказывают, что Сергей Павлович Королев тяжело переживал эту неудачу. Вечером он сидел за столом. Положив голову на руки, произнес: «Преступники мы! Целый поселок выбросили на ветер». Он имел в виду, что стоимость ракеты была равна стоимости поселка, строящегося для испытателей полигона. (Стоимость первой ракеты Р-7 была 100 миллионов рублей, второй — 40. После того как производство ракет было поставлено на поток, их стоимость снизилась на порядок.)

При анализе этих пусков было отмечено, что комплекс агрегатов наземного оборудования, стартовое устройство, новый полигонный измерительный комплекс работали нормально, что внушало уверенность в скором успехе. 18 июля на полигон была доставлена очередная ракета Р-7, пуск которой предполагалось произвести в середине августа.

21 августа состоялся первый успешный запуск ракеты. Ракета успешно отработала активный участок траектории. Головная часть, отделившись, достигла заданного района на Камчатке, вошла в атмосферу, окруженная раскаленной плазмой, прошла значительный участок в атмосфере и на высоте около 10 километров окончательно разрушилась от термодинамических перегрузок. Необходимо было найти обломки для материального доказательства достижения района цели. Командование полигона организовало поиск остатков головной части и ракеты силами личного состава базы падения и специальных поисковых групп.

На космодроме, на первой пусковой установке стоит скромный четырехметровый обелиск, созданный офицерами космодрома в 1965 году в районе старта под руководством офицеров-испытателей Евгения Кириллова и Валерия Ефтеева, на котором выбиты слова: «Здесь гением советского человека начался дерзновенный штурм космоса. 1957 год».

Алексею Ивановичу в напряженной обстановке испытаний, порой рискуя своей карьерой, приходилось защищать своих подчиненных от различных нападок. А для этого иногда требовалось больше храбрости, чем на фронте. Вот как описывает ситуацию известный журналист Я. К. Голованов в своей книге «Королев»:

«Когда с места падения ракеты пришла шифровка, удостоверяющая, что ракету, а точнее, некий метеор в небе действительно наблюдали, но никаких осколков на земле не нашли, Королев пришел в неописуемую ярость.

— Что значит “не нашли”?! Это что: иголка в стоге сена?! Я

требую снять Павленко, как не справившегося! — кричал он на заседании Госкомиссии, и глаза его горели от гнева.

Тут не выдержал начальник полигона генерал Нестеренко.

— Да что же это такое?! — взорвался Алексей Иванович. — Я тридцать лет в армии и не слышал, чтобы так разговаривали! Кто дал вам право командовать военными?! Павленко носит погоны…

— Мы снимем с вас погоны! — как мальчишка, по-петушиному, выкрикнул вдруг Рябиков…»

Толку от этой перепалки не было никакого. Засечь точный момент и координаты разрушения головной части при уровне тогдашней техники было невозможно. Что же касается каких-то долетевших до земли обломков, то быстро нашлись любители занимательной математики, которые посчитали, что относительные размеры головной части в сравнении с площадью полигона на несколько порядков меньше, чем размер иголки в сравнении со стогом сена. А если учесть, что местность была воистину богом перепаханная: вулканы, горы, распадки, речки, ручьи, болота, и все это заросло непроходимой тайгой, причем не просто тайгой, а тайгой камчатской, более похожей на тропический, чем на северный лес, то станет ясно, что поиски были обречены на неудачу.

Но Королев ничего не хотел слушать: ему были нужны осколки и они должны быть доставлены, даже если упали на Луну. Он настоял на создании специальной комиссии по поискам останков «головы», в которую вошли и военные, и штатские. Все-таки в течение недели несколько обломков было найдено, и 28 августа в газете «Правда» было опубликовано сообщение ТАСС:

«В соответствии с планом научно-исследовательских работ в Советском Союзе произведены успешные испытания межконтинентальной баллистической ракеты, а также взрывы ядерного и термоядерного оружия.

На днях осуществлен запуск сверхдальней, межконтинентальной, многоступенчатой баллистической ракеты.

Испытания ракеты прошли успешно, они полностью подтвердили правильность расчетов и выбранной конструкции. Полет ракеты происходил на очень большой, еще до сих пор не достигнутой высоте. Пройдя в короткое время огромное расстояние, ракета попала в заданный район.

Полученные результаты показывают, что имеется возможность пуска ракет в любой район земного шара. Решение проблемы создания межконтинентальных баллистических ракет позволит достигать удаленных районов, не прибегая к стратегической авиации, которая в настоящее время является уязвимой для современных средств противовоздушной обороны.

Учитывая огромный вклад в развитие науки и большое значение этого научно-технического достижения для укрепления обороноспособности Советского государства, советское правительство выразило благодарность большому коллективу работников, принимавших участие в разработке и изготовлении межконтинентальных баллистических ракет и комплекса средств, обеспечивающих их запуск».

По случаю публикации этого сообщения в Летнем театре приказано было собрать всех офицеров полигона, за исключением находящихся в наряде. Зрительный зал был заполнен. Президиум из командования полигона начал занимать места, когда выяснилось, что нет микрофона. Нестеренко приказал вызвать начальника Дома офицеров подполковника Калина. Тот пробежал через весь зал к сцене, но вразумительно не мог ответить, почему нет микрофона и где его можно найти. Нестеренко рассердился не на шутку. «Смотрите, товарищи офицеры, — сказал он, обращаясь в зал, — какой же он начальник Дома офицеров, если даже не может подготовить торжественное собрание?» (После этого случая на место Калина был назначен майор В. С. Горин, человек большой культуры и таланта.) Наконец откуда-то принесли микрофон, и собрание началось. Алексей Иванович торжественно зачитал сообщение ТАСС.

Присутствующие с гордостью слушали слова сообщения. Это было первое упоминание об их полигоне (хотя и не названном по имени). Все прекрасно понимали, что без испытателей полигона этого пуска не было бы. Как бы хорошо ни разрабатывали и ни изготовляли ракету, приходилось очень много работать в МИКе и на старте для устранения недостатков, чтобы она полетела, а после полета разбираться с недостатками в полете по результатам измерений. Каждый осознавал, что межконтинентальная ракета изменила стратегическое положение в мире. США лишились своего главного козыря — стратегической недосягаемости и неуязвимости. Ядерная дубинка, которой они угрожали, стала обоюдоострым оружием, и разговаривать с позиции силы стало невозможно.

Следующий пуск «семерки» 7 сентября 1957 года прошел, как и предыдущий, без замечаний. Время старта выбиралось теперь так, чтобы на Камчатке удобно было разглядеть финиш. Оседлав безлесную вершину горы Лызык, наблюдатели со своими теодолитами заметили в полночь яркую, быстролетящую звездочку — это был корпус ракеты, горевший в лучах уже невидимого с земли солнца. Потом возник всполох и красной трассой прошел метеор — это была головная часть. Засекли, что разрушение произошло на высоте около 11 километров,

рассчитали траекторию падения, но все равно целая неделя понадобилась, чтобы отыскать на берегу маленькой болотистой речушки воронку, на которой покоились обломки ракеты.

Вот что писал о поиске обломков головной части В. Темнов, тогда капитан: «В сентябре 1957 года мне довелось несколько раз участвовать в поисках осколков ГЧ. Первый поиск запомнился хорошо. Начальник измерительного пункта вызвал меня и приказал готовиться к прилету вертолета, который должен был высадить нас в нужный квадрат, где предстояло прочесать всю местность. Со мной готовилась группа солдат из семи человек. У нас были палатка, радиостанция, продовольствие на две недели, теплая одежда и оружие. С вертолетом прибыл начальник геодезической службы “Камы” подполковник Н. И. Карабанов, который провел с нами инструктаж о порядке проведения поиска. После прибытия на место, оставив часть группы для оборудования стоянки, я с тремя солдатами решил сделать пробный выход. Местность была очень пересеченной: сопки, овраги, большие массивы кедровника и травы в рост человека (здесь чёрта с два что найдешь!), много ручьев и старых русел высохших речек (здесь, может быть, что и удастся найти). Часа через три мы вернулись на стоянку, с тем чтобы на следующий день заняться поиском основательно. Рано утром, позавтракав и взяв запас сухого пайка, мы отправились в путь. Прочесывание местности проводилось цепью в пределах прямой видимости. Прошло два дня, но нам пока ничего не удалось найти. Где-то в середине третьего дня, пробираясь сквозь заросли, я услышал голос одного из солдат. Преодолев последние метры кедровника, я подошел к нему. Это был рядовой Губа. В руках он держал кусок металла длиной 40 см и массой около 15 кг, квадратного сечения, с рваными краями и слегка изогнутой формы. Прикинув в уме, что этот кусок металла мог быть частью какого-то кольца конструкции ГЧ и является тем, что мы ищем, я сделал отметку на карте и с группой решил вернуться на стоянку, чтобы сообщить на ИП о находке. Часа через три к нам прилетел вертолет с офицером из Ключей. Ему было показано место, где был найден осколок. Он, в свою очередь, записал фамилию солдата, забрал находку и улетел, не забыв при этом поблагодарить нас и пожелать удачных поисков. При отлете он также сказал нам, что командование “Камы” придает этому вопросу большое значение и будет поощрять за каждую находку, поэтому мне не приходилось подгонять солдат. Вторая находка принадлежала рядовому Нестайко. Блуждая в траве, он споткнулся. Внимательно осмотрев место, увидел кусок оплавленного металла весом около 10 кг. Рядовой Губа получил

премию 70 рублей, рядовой Нестайко 50 рублей. Мне за хорошую организацию поиска была выдана премия 150 рублей. Через три дня нашу группу вывезли на ИП, а на смену нам отправилась другая группа».

Всего в 1957 году на полигоне «Кура» собрано 1108 осколков, в поиске участвовало более 650 человек.

Менее чем через два месяца после первого успешного запуска ракет громадный и напряженный труд военных строителей и испытателей полигона был ознаменован успешным запуском первого в мире искусственного спутника Земли.

Еще 26 мая 1954 года Королев представил министру вооружений Д. Ф. Устинову докладную записку о возможности разработки искусственного спутника Земли. В записке говорилось: «По Вашему указанию представляю докладную записку тов. Тихонравова М. К. “Об искусственном спутнике Земли”, а также переводной материал о работах в этой области, ведущихся в США, проводящаяся в настоящее время разработка нового изделия позволяет говорить о возможности создания в ближайшие годы искусственного спутника Земли.

Путем некоторого уменьшения веса полезного груза можно будет достичь необходимой для спутника конечной скорости 8000 м/сек. Изделие — спутник может быть разработано на базе создающегося сейчас нового изделия, упомянутого выше, однако при серьезной переработке последнего.

Мне кажется, что в настоящее время была бы своевременной и целесообразной организация научно-исследовательского отдела для проведения первых поисковых работ по спутнику и более длительной разработки комплекса вопросов, связанных с этой проблемой.

Прошу Вашего решения».

Однако тогда никакого решения по этой записке принято не было.

Теперь, в начале октября 1957 года, на полигоне шла активная работа по подготовке к запуску спутника. Вначале дата пуска была назначена на 7 октября, но прошел слух, что американцы готовят запуск своего спутника. Работы были резко ускорены. Стартовый день длился с раннего утра до поздней ночи, по местному времени перевалил за полночь.

4 октября в 22 часа 28 минут по московскому времени произведен запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Знаменитые сигналы спутника «бип-бип» были сразу же приняты на ИП-1 полигона, а затем станциями слежения по всему миру и возвестили о начале новой эры — эры покорения космоса.

Из сообщения ТАСС о запуске первого искусственного

спутника Земли:

«4 октября 1957 года

В течение ряда лет в Советском Союзе ведутся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию искусственных спутников Земли. Как уже сообщалось в печати, первые пуски спутников в СССР были намечены к осуществлению в соответствии с программой научных исследований Международного геофизического года.

В результате большой напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро создан первый в мире искусственный спутник Земли. 4 октября 1957 года в СССР произведен успешный запуск первого спутника. По предварительным данным, ракета-носитель сообщила спутнику необходимую орбитальную скорость около 8000 метров в секунду. В настоящее время и спутник описывает эллиптические траектории вокруг Земли, и его полет можно наблюдать в лучах восходящего и заходящего солнца при помощи простейших оптических инструментов (биноклей, подзорных труб и т. п.).

Согласно расчетам, которые сейчас уточняются прямыми наблюдениями, спутник будет двигаться на высотах до 900 километров над поверхностью Земли; время одного полного оборота спутника будет 1 час 35 минут, угол наклона орбиты к плоскости экватора равен 65°. Над районом города Москвы 5 октября 1957 года спутник пройдет дважды — в 1 час 46 минут ночи и в 6 часов 42 минуты утра по московскому времени. Сообщения о последующем движении спутника, запущенного в СССР 4 октября, будут передаваться регулярно широковещательными радиостанциями.

Спутник имеет форму шара диаметром 58 см и весом 83,6 кг. На нем установлены два радиопередатчика, непрерывно излучающие радиосигналы с частотой 20,005 и 40,002 мегагерц (длина волны около 15 и 7,5 метра соответственно). Мощности радиопередатчиков обеспечивают уверенный прием радиосигналов широким кругом радиолюбителей. Сигналы имеют вид телеграфных посылок длительностью около 0,3 сек с паузой такой же длительности. Посылка сигнала одной частоты производится во время паузы сигнала другой частоты.

…Успешным запуском первого созданного человеком спутника Земли вносится крупнейший вклад в сокровищницу мировой науки и культуры. Научный эксперимент, осуществляемый на такой большой высоте, имеет громадное значение для познания свойств космического пространства и изучения Земли как планеты нашей Солнечной системы.

…Искусственные спутники Земли проложат дорогу к межпланетным путешествиям, и, по-видимому, нашим современникам суждено быть свидетелями того, как освобожденный и сознательный труд людей нового, социалистического общества делает реальностью самые дерзновенные мечты человечества».

Сразу после успешного вывода спутника на орбиту С. П. Королев обратился к участникам пуска: «Дорогие товарищи! Сегодня свершилось то, о чем мечтали лучшие умы человечества. Пророческие слова Константина Эдуардовича Циолковского о том, что человечество вечно не останется на земле, начинают сбываться. Сегодня на околоземную орбиту выведен первый в мире искусственный спутник! С выводом его начался штурм космоса. И первой страной, проложившей дорогу в космическое пространство, явилась наша страна — Страна Советов! Разрешите мне поздравить вас с этой исторической датой».

Алексей Иванович Нестеренко был членом Государственной комиссии по испытаниям ракеты Р-7 и первых спутников.

Постановление Совета Министров СССР № 1239–630 «Об утверждении Комиссии по руководству испытаниями изделия Р-7»

«Москва, Кремль 31 августа 1956 года

Совершенно секретно

Особой важности

Совет Министров СССР Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить Комиссию по проведению летных испытаний изделия Р-7 в следующем составе:

Рябиков В.М. — председатель комиссии

Неделин М.И. — зам председателя комиссии

Руднев К.Н. — зам председателя комиссии

Королев С.П. — член комиссии — технический руководитель испытаний

Глушко В.П. — член комиссии — зам технического руководителя испытаний

Рязанский М.С. — член комиссии — зам технического руководителя испытаний

Пилюгин Н.А. — член комиссии — зам технического руководителя испытаний

Бармин В.П. — член комиссии — зам технического руководителя испытаний

Кузнецов В. И. — член комиссии — зам технического руководителя испытаний

Пересыпкин И.Т. — член комиссии

Мрыкин А.Г. — член комиссии

Владимирский С.М. — член комиссии

Ударов Г.Р. — член комиссии

Нестеренко А.И. — член комиссии

Пашков Г.Н. — член комиссии

Предоставить право председателю комиссии на время отсутствия главных конструкторов привлекать к работе по проведению испытаний их заместителей на правах членов комиссии.

2. Установить, что во время испытаний решения комиссии для всех организаций, ведомств и служб, принимающих участие в испытаниях, являются обязательными для исполнения.

3. Поручить Комиссии по проведению летных испытаний изделия Р-7 в месячный срок представить на утверждение Совета Министров СССР программу испытаний изделий Р-7 и необходимые мероприятия по обеспечению этих испытаний.

4. Обязать министерство путей сообщения и Главное управление гражданского воздушного флота при Совете Министров СССР обеспечивать перевозку пассажиров и грузов для обеспечения испытаний специальных изделий по заявкам министерств, подтвержденным Специальным комитетом Совета Министров СССР, вне всякой очереди, а перевозку жидкого кислорода и азота — в сжатые сроки по специальному графику.

5. Обязать министерство химической промышленности и министерство нефтяной промышленности обеспечивать испытания специальных изделий топливом и другими заправочными средствами в количествах, подтвержденных Специальным комитетом Совета Министров СССР, вне всякой очереди и в случае необходимости — за счет изменения сроков поставки другим потребителям.

6. Обязать министерство авиационной промышленности изготовить сверх установленного плана на 1956 год и поставить в 4 квартале 1956 г.

министерству оборонной промышленности два пассажирских самолета Ил-14 и два вертолета Ми-4 для обеспечения испытаний специальных изделий.

Председатель Совета Министров СССР Н. Булганин
Управляющий делами Совета Министров СССР А. Коробов».

В Госкомиссии Алексей Иванович не раз выступал с дельными предложениями, хотя к нему не всегда прислушивались. Известно, что на заседании государственной комиссии в Москве 10 апреля 1957 года Нестеренко попросил отменить распоряжение об отправке кислорода на полигон, убедительно доказав, что полигон, стартовый комплекс и сама ракета не могут быть подготовлены до 1 мая, а кислород за это время испарится. Дискуссии шли долго. На более раннем сроке поставки настаивал Г. Р. Ударов. Победило его мнение. Кислород все-таки направили на полигон к 25 апреля, и он потихонечку испарялся. Пришлось Г. Р. Ударову второй раз посылать цистерны для заправки, отняв у промышленности, особенно у металлургии, несколько десятков тонн кислорода.

При встрече ветеранов космодрома в начале 1980-х годов Нестеренко вспоминал, что когда он увидел первый раз головную часть МБР Р-7, то сказал Королеву, что эта ГЧ не пойдет, и оказался прав. ГЧ имела острый наконечник и скорость встречи с Землей, превышающую скорость звука в несколько раз. Это приводило к большим термодинамическим перегрузкам и разрушению ГЧ. В результате потребовалось значительное время на ее доработку, пока не нашли подходящую форму и хорошее теплозащитное покрытие. Эпопея с ГЧ потребовала напряженной работы измерительного комплекса полигона, отдела анализа, а также поисковых групп.

Алексей Иванович очень гордился тем, что был одним из руководителей запуска первого искусственного спутника Земли, гордился участием в 1956–1960 годах в летных испытаниях ракеты-долгожительницы Р-7А, награждением его за запуск первого ИСЗ орденом Ленина и медалями Академии наук СССР.

За заслуги в деле создания и запуска в Советском Союзе первого искусственного спутника Земли 13 человек удостоены звания Героя Социалистического Труда, в их числе Александр Иванович Носов, который возглавлял стартовую команду по запуску ракет и спутника Земли. Орденом Ленина награждены 102 человека, орденом Трудового Красного Знамени — 463 человека, орденом Красной Звезды — 132 человека, орденом «Знак Почета» — 1042 человека, медалью «За трудовую доблесть»

— 709 человек, медалью «За трудовое отличие» — 634 человека. Орденами были награждены предприятия, конструкторские бюро и научно-исследовательские институты. Многим конструкторам были присуждены Ленинские премии. Из числа испытателей полигона лауреатами Ленинской премии стали полковник А. А. Васильев и подполковник Е. И. Осташев. За запуск первого спутника Алексей Иванович Нестеренко был награжден орденом Ленина — это случилось 12 декабря 1957 года.

Большое внимание Нестеренко уделял непосредственной связи с НИИ, КБ и предприятиями промышленности, где проходили подготовку офицеры-испытатели. Он осуществлял связь с Генштабом и аппаратом МО по вооружению, решал организационно-штатные вопросы, занимался главными проблемами перспективного развития Байконура, проявлял недюжинные способности хозяйственника, предвидя и устраняя многие сложности, вызванные недостатками проекта, контактируя с авторами проекта, вникая до мелочей во все вопросы планирования, строительства, быта, обеспечения и культуры.

Алексей Иванович был простым и доступным человеком для всех без исключения, не проявлял никакого чванства и высокомерия. Он был контактен и бесконфликтен, хорошо ладил со своими заместителями и начальниками. Как опытный организатор и деятельный руководитель, он вникал во все мелочи, влияющие на жизнь и работу подчиненных ему людей. Умелый учитель и воспитатель, он находил нужные слова и ключи к их душам. Требовательный к себе и подчиненным, он умел выслушивать их мнение и использовать рациональное зерно в своей работе. Особенно тепло он относился к молодежи, часто выступал на комсомольских собраниях, встречался со школьниками, солдатами, молодыми офицерами и откликался на все их чаяния и запросы. Его уважали и любили все, кто его знал.

Большинство ветеранов Байконура считают, что Алексей Иванович был достоин звания Героя Советского Союза. Но сам Нестеренко не был честолюбивым человеком, он никогда не требовал должность повыше, воинское звание посолиднее, хотя безусловно этого заслуживал. Он неоднократно говорил: «Лучше прожить год-два лишних, чем получить еще одну звезду или должность».

При Нестеренко был построен полигон в составе: сооружение № 1 площадки № 2 — старт ракеты Р-7, в обиходе называемый площадкой № 1 (хотя настоящая площадка № 1 находилась в 2,5 километра от старта и была жилой площадкой строителей); сооружение № 2 площадки № 2 — подземный бункер (командный

пункт, пункт подготовки и управления пуском ракеты Р-7); сооружение № 3 площадки № 2 — техническая позиция сборки и испытаний ракеты Р-7, головной части или ИСЗ, называемая монтажно-испытательным корпусом площадки № 2 (МИК-2). Недалеко строился МИК-2а. На площадке № 18, в полутора километрах от старта был построен измерительный пункт № 1 (ИП-1), подвижные станции которого обеспечивали телеметрические измерения в МИКе, на старте, на активном участке и части пассивного участка траектории полета ракеты. На 2-й площадке был построен жилой городок.

К МИКу и старту были подведены железная дорога от станции Тюра-Там и бетонная шоссейная дорога от жилой площадки № 10 (более 30 километров до 2-й площадки). Кроме того, по трассе полета ракеты построено еще восемь измерительных пунктов в Казахстане на расстоянии от 30 до 800 километров от старта и шести измерительных пунктов на Камчатке — на расстоянии около 6500 километров от старта. Оборудована база падения первой ступени в районе Ладыженки в Казахстане и база падения головных частей на Камчатке. Все это было построено и начало работать менее чем за два года. На 2-й площадке был выстроен жилой городок, который при Нестеренко состоял из бараков и землянок, сборно-щитовых домиков для С. П. Королева и маршала артиллерии М. И. Неделина, а также пожарного депо и столовой.

Жилой площадке № 10, которая носила неофициальное название «поселок Заря», указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР 29 января 1958 года было присвоено название «поселок Ленинский». Барачный «Шанхай», которым был первоначально жилой поселок, стал приобретать характер поселка городского типа. Были построены первые трехэтажные капитальные дома офицерского состава, четырехэтажная 30-я школа, двухэтажная вторая столовая, трехэтажное офицерское общежитие на улице Садовой (Носова), 5. Достраивалась ТЭЦ. Работали два энергопоезда. Были разбиты два парка — солдатский и комсомольский, посажены деревья на улицах и во дворах, причем за каждое дерево был ответственный и дежурный, обеспечивающий полив по расписанию. Все дороги поселка были заасфальтированы, все улицы освещены фонарями. Ночью длинная цепочка фонарей стрелой уходила в бесконечность. Был построен аэродром с металлической полосой вблизи площадки № 9 для приема самолетов Ли-2. Были созданы метеостанция, ионосферная станция, приемный и передающий центры. И это лишь неполный перечень того, что было сделано в районе старта на полигоне при Нестеренко.

Полигон проводил совместно с промышленностью испытания ракеты Р-7 и спутников на технической и стартовой позициях, испытания стартового сооружения. Он обеспечивал измерения и испытания ракеты Р-7 в полете практически собственными силами с помощью полигонного измерительного комплекса и отдела анализа полигона, определял летно-технические характеристики ракеты. Полигон проводил эксплуатационные и войсковые испытания всей техники и отрабатывал эксплуатационную документацию, выполнял военно-научную и научно-исследовательскую работу, что позволяло совершенствовать испытываемую технику и разрабатывать тактико-технические требования к перспективной ракетно-космической и испытательной технике. Полигон самим фактом своего существования и успешной деятельности приводил к созданию новых организаций, учреждений и частей, а также оказывал постоянное влияние на другие организации. 11 января 1957 года выделением 125 солдат и сержантов из своего состава НИИП-5 положил начало формированию объекта «Ангара», первого боевого соединения МБР в Плесецке. Расчеты боевых стартовых станций (БСС) Плесецка дислоцировались на первой жилой площадке строителей НИИП-5. Они изучали эксплуатационную и боевую документацию и технику комплекса ракеты Р-7.

При Нестеренко полигон провел подготовку к пуску 15 межконтинентальных баллистических ракет и ракет-носителей (8К71, 8К71ПС, 8А91), запустил 13, из них 7 успешно (3 спутника и 4 МБР), 4 пуска аварийные, 2 частично успешные (повышенное отклонение). Были подготовлены и запущены первые три искусственных спутника Земли, что открыло новую страницу в исследовании околоземного пространства. Были также доработаны головные части ракеты Р-7, и две из них достигли квадрата падения без разрушения.

Эти успехи стали возможны благодаря разработкам ученых, слаженной работе коллектива полигона и промышленности, благодаря духу товарищества и взаимопомощи, сложившемуся на полигоне, благодаря бессонной, непрерывной работе, где каждый делал всё, чтобы выполнить работу лучше, качественнее для обеспечения успеха в космосе. И в этом, в создании высокого морального духа, энтузиазма, любви к своему делу, также огромная заслуга Алексея Ивановича Нестеренко и его заместителей — Н. М. Прошлецова, В. И. Ильюшенко, А. С. Буцкого, А. А. Васильева и др. Они воодушевляли коллектив полигона на самые высокие цели, подчеркивали, что страна

доверила им решение важнейшей государственной задачи и они должны быть достойными ее, высоко нести честь испытателя и наилучшим образом выполнять свою работу.

Борис Евсеевич Черток в своей книге «Ракеты и люди» пишет, что ввод основных объектов полигона в эксплуатацию в течение двух лет и трех месяцев стал возможным благодаря блестящим организаторским способностям Митрофана Ивановича Неделина и Сергея Павловича Королева, самоотверженному труду военных строителей 130-го управления инженерных работ под руководством его начальника генерал-майора Георгия Максимовича Шубникова и не в последнюю очередь — титанической деятельности первого начальника полигона Алексея Ивановича Нестеренко.

За успешное проведение работ, связанных с подготовкой и запуском первых искусственных спутников Земли, министр обороны СССР в декабре 1957 года наградил денежными премиями более тысячи военнослужащих, рабочих и служащих ГУРВО, полигона, НИИ-4 и других организаций, принимавших участие в этой работе, а также 775 строителей полигона Байконур (из них более 300 военных строителей срочной службы). Самые большие премии получили генералы А. И. Нестеренко, А. И. Семенов и А. Г. Мрыкин — по 7500 рублей.

Очень многие выдающиеся личности вложили свой ум, труд и душу в создание Байконура. Эпопея создания первого в мире космодрома длительное время была скрыта от внимания народов земного шара плотной завесой секретности. Но сегодня нам известны имена основных участников этих событий — людей, чья организаторская работа сыграла главную роль в создании полигона. Два года азартного, изнуряющего труда. Жизнь в землянках и палатках в жару и в лютый холод. Нехватка воды и многих, необходимых в быту вещей, предметов.

Как тут не вспомнить замечательные слова американского философа Дж. Сантаяны: «Трудное — это то, что может быть сделано немедленно; невозможное требует немного больше времени».

Глава седьмая
ПОСЛЕ БАЙКОНУРА

8 мая 1958 года генерал-лейтенант артиллерии Нестеренко был назначен членом Научно-технического комитета Генерального штаба ВС СССР и передал должность начальника НИИП-5 полковнику К. В. Герчику, бывшему до этого начальником штаба полигона.

Научно-технический комитет Генерального штаба в то время был боевым и активным органом. Его представители участвовали в проведении исследований непосредственно на учениях войск, а также в организации научной работы в нижестоящих звеньях. Все отделы НТК проводили большую работу по планированию научно-исследовательской тематики и разработок по актуальным проблемам военной науки. Алексей Иванович, например, большое внимание уделял разработке и научному обоснованию направлений развития вооружения РВСН. Для этого он поддерживал тесную связь с научно-техническим комитетом Ракетных войск, с НИИ-4, с Академией им. Ф. Э. Дзержинского.

Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 октября 1960 года генерал-лейтенант А. И. Нестеренко от НТК Генерального штаба был включен в состав Государственной комиссии по испытаниям ракеты Р-9А, где трудился так же активно, как на прежних своих должностях.

В 1961 году за запуск первого в мире космонавта Юрия Гагарина Алексей Иванович был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Из наградного листа на генерал-лейтенанта артиллерии Нестеренко:

> «Генерал-лейтенант Нестеренко А. И. со дня основания по 1958 год командовал войсковой частью, проводящей ответственные испытания новых видов вооружения. За это время войсковой частью испытан и подготовлен к принятию на вооружение ряд новых образцов специальной техники.
>
> Работая в настоящее время в НТК Генерального штаба, генерал-лейтенант артиллерии Нестеренко А. И. принимает личное участие в координации разработки и испытаний новых образцов военной техники.
>
> За активное непосредственное участие в развитии новой техники объекта “Восток” генерал-лейтенант артиллерии Нестеренко А. И. достоин награждения

орденом ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

Врио Начальника ГУРВО генерал-лейтенант инженерно-технической службы МРЫКИН

18 апреля 1961 г.».

Это была заслуженная награда, хотя прямого участия в запуске космонавта Нестеренко не принимал. Но тоже странная ситуация — к награде Алексея Ивановича представил генерал-лейтенант А. Г. Мрыкин, а не кто-либо из руководства Генерального штаба.

В 1960-е годы военно-научная работа в Вооруженных силах приобрела плановый характер. Задачи военно-научной работы стали закрепляться приказами министра обороны на срок три — пять лет, а порядок и сроки их выполнения определялись долгосрочными и годовыми планами военно-научной работы в Вооруженных силах.

Научно-технический комитет Генерального штаба занимался также формированием основных направлений развития вооружения и военной техники, определявших на 15 лет и на 10 лет программы вооружения, реализующие эти направления и устанавливающие количественный состав вооружения, позволяющий Вооруженным силам эффективно выполнять поставленные боевые задачи. Кроме этого, составлялись пятилетние и годовые планы производства вооружений и военной техники для Вооруженных сил и Научно-технический комитет Генерального штаба никогда не оставался в стороне от этой работы. Как и служба вооружения Министерства обороны, он участвовал в разработке программных документов, обеспечивал тесную связь с Академией наук и высшими школами.

В 1962 году вышел в свет приказ министра обороны СССР № 171 «О задачах военно-исторической работы в войсках» и подготовлена Инструкция по военно-научной работе. Появление этих документов способствовало в течение 1960-х годов развертыванию изданий военно-теоретических трудов по стратегии, оперативному искусству и тактике.

Были разработаны и изданы труды: «Стратегическое развертывание Вооруженных Сил в современной войне», «Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Кроме того, Научно-техническим комитетом разрабатывались информационные бюллетени по обобщению опыта военно-научной работы в Вооруженных силах, применению в войсках ЭВМ в интересах решения различных актуальных задач. В канун двадцатилетия победы в Великой

Отечественной войне генералы и офицеры НТК подготовили ряд крупных военно-теоретических трудов. Особенно большое внимание уделялось работам исторического плана. Были разработаны монографии «Битва за Ленинград», «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», «Ясско-Кишиневские Канны», «Великая битва на Волге». Появление этих работ способствовало овладению командными кадрами новыми формами и способами ведения войны, а также использованию военно-исторической литературы для военно-патриотического воспитания личного состава армии и флота.

Генералы и офицеры Научно-технического комитета работали в составе уставной группы Генерального штаба, разрабатывавшей Наставление по особенностям боевых действий войск в условиях применения атомного оружия, Наставление по ведению армейских операций, проект Полевого устава Вооруженных сил СССР (корпус — дивизия). В 1964 году вышло в свет подготовленное Наставление по полевой службе штабов, единое для штабов объединений, соединений и частей Сухопутных войск, войск ПВО и Военно-воздушных сил.

Во всем этом Алексей Иванович принимал самое активное участие. Но главными для него оставались Ракетные войска, оснащение их самыми современными образцами вооружения и боевой техники.

Не секрет, что главные конструкторы — разработчики ракетных комплексов вели жесткую конкурентную борьбу. В начале 1960-х годов значительно укрепились позиции В. Н. Челомея. За короткий временной период вышло более пятидесяти постановлений правительства о разработке в его конструкторском бюро систем и комплексов вооружения «всех видов Вооруженных Сил страны». Под эти разработки ему передали два из пяти конструкторских бюро Министерства авиационной промышленности (КБ Лавочкина, в котором работал сын Н. С. Хрущева Сергей, и КБ Мясищева), а также крупнейший завод имени Хруничева.

Назначенный начальником Генерального штаба Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов поручил Научно-техническому комитету Генерального штаба изучить состояние дел с разработкой в КБ Челомея заданных постановлениями правительства образцов вооружения и представить ему доклад по этому вопросу. Подготовку такого доклада поручили группе НТК Генштаба во главе с Нестеренко. Алексей Иванович отнесся к поручению ответственно. Изучение вопроса показало, что ни одна из заданных разработок в установленные сроки не была выполнена, а большая часть их даже не начиналась. Многие

задания не были доведены до коллективов, которые должны были заниматься этими разработками.

После начала работы группы Челомей начал нервничать, отказался от разговора с Нестеренко, а затем, пригласив своего секретаря, приказал срочно вызвать к нему доктора, так как «прибывшие товарищи своим поведением серьезно навредили его здоровью». Несмотря на все уловки Челомея и его команды, начальнику Генерального штаба был представлен объективный доклад. Разразился скандал, потому что до этого времени ряд представлений Министерства обороны и промышленности блокировался в правительстве со ссылкой на то, что подобные разработки ведутся уже в КБ Челомея. Было предложено вопрос о состоянии работ в КБ Челомея вынести для рассмотрения в Совет обороны страны. Однако Челомею удалось избежать неприятного разговора на заседании Совета обороны.

Мало того, ЦК КПСС и Совет министров спустя некоторое время приняли постановление из трех пунктов:

принять предложение генерального конструктора В. Н. Челомея о разработке ракетного комплекса с ракетой УР-100;

работы по комплексу с ракетой Р-37 КБ «Южное» прекратить, а конструкторские разработки, результаты лабораторной и стендовой отработки узлов и агрегатов ракеты Р-37 передать из КБ «Южное» в КБ Челомея;

министерствам авиационной промышленности и обороны в месячный срок представить в ЦК и Совмин план мероприятий, обеспечивающих разработку комплекса с ракетой УР-100 в короткие сроки.

Для спасения положения дел в НТК ГШ было созвано совещание всех главных конструкторов, участников разработки комплекса УР-100, включая и М. К. Янгеля. На совещании принято согласованное совместное решение — сделать все возможное и невозможное для успешной разработки этого комплекса. На совещании с рядом конкретных деловых предложений выступил и генерал-лейтенант А. И. Нестеренко.

Этот этап деятельности Нестеренко хорошо иллюстрируют аттестации, выданные ему Генеральным штабом Вооруженных сил.

> «АТТЕСТАЦИЯ
>
> За период с ноября 1950 года по ноябрь 1962 года на члена Научно-технического комитета Генерального штаба генерал-лейтенанта артиллерии НЕСТЕРЕНКО Алексея Ивановича

Генерал-лейтенант артиллерии НЕСТЕРЕНКО А. И. из 37-летнего пребывания в рядах Советской Армии примерно половину прослужил в строевых частях артиллерии, занимая последовательно должности от командира огневого взвода до заместителя командующего артиллерией округа. Участник боев в Маньчжурии в 1929 году и с белофиннами в 1939 году. В Великой Отечественной войне участвовал с 1941 по 1945 год на Западном, Южном, Закавказском, Брянском и 2-м Прибалтийском фронтах в должности начальника оперативной группы фронта и заместителя командующего артиллерией фронта по гвардейским минометным частям. Боевыми аттестациями характеризуется как способный генерал, с хорошей оперативно-тактической подготовкой, с высоко развитым сознанием долга, с разумной инициативой, смелым и решительным, дисциплинированным и требовательным командиром. За участие в боевых действиях награжден 7-ю орденами. После войны генерал НЕСТЕРЕНКО А. И. 5 лет работал начальником Научно-исследовательского института реактивного вооружения (НИИ-4), 2 года — начальником факультета академии им. Дзержинского и 3 года — начальником Научно-исследовательского и испытательного полигона Ракетных войск. На всех этих должностях он проявил большую инициативу, настойчивость и исключительную добросовестность и зарекомендовал себя хорошим руководителем, способным организовать работу больших коллективов людей и своевременно решать поставленные задачи.

На должность члена Научно-технического комитета Генерального штаба по ракетной технике генерал НЕСТЕРЕНКО А. И. назначен в мае 1958 года. Несмотря на то, что он не имеет специального технического образования, благодаря большому опыту руководящей работы в войсках, научно-исследовательских и испытательных организациях Ракетных войск, его трудолюбию и настойчивости с работой члена Комитета по ракетной технике успешно справляется. Много и упорно работает над собой по повышению технических знаний в области ракетной техники. Является членом государственной комиссии по испытанию важного образца вооружения, где решительно и принципиально отстаивает интересы Министерства обороны. Среди работников Комитета пользуется деловым авторитетом.

Политически развит хорошо. Характер имеет открытый и прямой. Здоровье удовлетворительное. Морально устойчив. Принимает активное участие в общественно-партийной жизни Комитета.

Делу Коммунистической партии и Родине предан.

ВЫВОД: Занимаемой должности соответствует.

Учитывая большой опыт командной и руководящей работы в войсках и научно-исследовательских и испытательных организациях Ракетных войск, достоин выдвижения на руководящую работу командно-инженерного профиля.

Председатель Научно-технического комитета Генерального штаба генерал-лейтенант инженерно-технической службы Н. АЛЕКСЕЕВ.

4 декабря 1962 года».

«АТТЕСТАЦИЯ

За период с декабря 1962 года по декабрь 1965 года на члена Научно-технического комитета Генерального штаба генерал-лейтенанта артиллерии НЕСТЕРЕНКО Алексея Ивановича

Генерал-лейтенант артиллерии НЕСТЕРЕНКО А. И. прошел большой боевой путь командира Советской Армии. Участвовал в боях в Маньчжурии в 1929 году, в Финляндии — в 1939 году и в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. От командира взвода до заместителя командующего артиллерией фронта — таков его боевой командный опыт. Боевые аттестации — положительные. За умелое руководство частями и личное участие в боевых действиях награжден семью орденами.

После Великой Отечественной войны занимал командно-инженерные должности — начальник Научно-исследовательского института реактивного вооружения, начальник факультета Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского и начальник Центрального научно-исследовательского полигона ракетных войск. На этих должностях он проявлял большую инициативу и работоспособность. Аттестовывался в этот период также положительно, хотя в аттестациях указывалось на отсутствие инженерного образования, ограничивавшее его возможности.

На должности члена Научно-технического комитета Генерального штаба работает восьмой год. Так же, как и прежде, он трудолюбив и настойчив. Принимал активное

участие в работе государственной и экспертной комиссий по испытаниям и рассмотрению проектов новых образцов ракетной техники.

По состоянию здоровья (страдает спондилезом, были приступы стенокардии) вынужден нередко отрываться от работы в Комитете и находиться на излечении в госпитале.

Политически развит хорошо. По характеру открытый и прямой. В общественной жизни Комитета принимает участие. Неоднократно выступал с докладами на военно-политические темы.

Дисциплинирован, морально устойчив.

ВЫВОД: В связи с ухудшением состояния здоровья целесообразно уволить в 1966 году в запас.

Председатель Научно-технического комитета Генерального штаба генерал-лейтенант инженерно-технической службы Н. АЛЕКСЕЕВ.

20 декабря 1965 года».

Прослужив в Генеральном штабе восемь лет, 9 августа 1966 года Алексей Иванович ушел в запас по состоянию здоровья. Он всегда активно работал на благо нашей Родины. И после увольнения не прекращалась его кипучая деятельность. Находясь в запасе, Нестеренко принимал активное участие в общественной жизни. Был частым гостем в научно-исследовательских институтах, конструкторских бюро, военных академиях, институтах, школах. Неоднократно посещал Байконур, пропагандировал достижения советской космонавтики, патриотизм и боевые традиции Советской армии. Выступал в прессе. Везде люди относились к нему с уважением, как к патриарху реактивного оружия и космонавтики. Ветераны Байконура избрали его первым председателем Центрального совета ветеранов Байконура. Позже Межрегиональная организация ветеранов Байконура избрала его почетным председателем своего совета. Он был одним из организаторов музея гвардейских минометных частей. Публиковал статьи и очерки в газетах, журналах, сборниках, написал книгу «Огонь ведут “Катюши”», изданную Воениздатом в 1975 году. При этом он еще и выкраивал время для живописи — увлечение всей его жизни. Советский комитет ветеранов войны наградил его за военно-патриотическую работу своим «Памятным знаком» и «Памятной медалью».

В 1968 году поселок Ленинский, выстроенный под руководством Нестеренко у космодрома Байконур, был

преобразован в город Ленинск. Тогда же городской совет единогласно присвоил Алексею Ивановичу звание почетного гражданина города.

> «РЕШЕНИЕ ИСПОЛКОМА ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ № 122
>
> г. Ленинск 4 ноября 1968 года
>
> О присвоении звания “ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА ЛЕНИНСКА” НЕСТЕРЕНКО АЛЕКСЕЮ ИВАНОВИЧУ Исполком Ленинского городского совета депутатов трудящихся, учитывая большие заслуги в деле строительства и развития города Ленинска генерал-лейтенанта артиллерии НЕСТЕРЕНКО АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА (бывшего командира войсковой части 2 546 965),
>
> РЕШИЛ:
>
> Присвоить звание “ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА ЛЕНИНСКА” НЕСТЕРЕНКО АЛЕКСЕЮ ИВАНОВИЧУ.
>
> Председатель исполкома Ленинского городского совета депутатов трудящихся Ж. УМБЕТОВ
>
> Секретарь исполкома Ленинского городского совета депутатов трудящихся А. ЗИБОРОВА».

В 1972 году состоялась первая конференция ветеранов гвардейских минометных частей. Одним из инициаторов и организаторов конференции был генерал Нестеренко.

В 1973 году в связи с 65-летием Военный совет РВСН направил ему поздравительный адрес:

> «Уважаемый Алексей Иванович!
>
> Военный совет Ракетных войск стратегического назначения сердечно поздравляет Вас с днем Вашего рождения.
>
> Ваша долголетняя и безупречная служба в рядах Советских Вооруженных Сил, в которых Вы служили более 40 лет, является примером беззаветного служения нашему социалистическому Отечеству.
>
> В годы Великой Отечественной войны, находясь непосредственно на ее фронтах, вы внесли большой вклад в дело разгрома немецко-фашистских войск.
>
> В послевоенные годы, обладая большим служебным опытом руководящей работы в войсках и центральном аппарате, с присущей Вам энергией и настойчивостью вы вносили достойный вклад в дело повышения

боеготовности и укрепления оборонного могущества нашего государства.

Своим трудолюбием и скромностью, высокой требовательностью, чутким и внимательным отношением к подчиненным Вы завоевали большой авторитет и уважение.

От всей души желаем Вам, Алексей Иванович, крепкого здоровья и большого личного счастья.

Толубко, Горчаков, Григорьев, Шевцов, Червяков, Егоров, Смирницкий, Данкевич 30 марта 1973 года».

В 1978 году друзья, сослуживцы, близкие торжественно отметили семидесятилетний юбилей Алексея Ивановича. Сохранилась аудиозапись встречи. Для каждого из присутствующих юбиляр нашел хорошие слова. Получилось, что праздник действительно общий. Алексей Иванович говорил, что планов у него «громадье», что он просто не знает, с чего начать. После выхода в свет книги «Огонь ведут “Катюши”» остались наброски воспоминаний о довоенной и послевоенной жизни. Нестеренко планировал написать большую статью о М. К. Тихонравове, другие мемуарные работы.

По случаю юбилея Алексей Иванович получил 35 приветственных адресов, были изданы приказы министра обороны СССР (объявлена благодарность), заместителя министра обороны по вооружению (награжден кортиком), главнокомандующего РВСН, пришли десятки писем со всех уголков России, Украины, Белоруссии от ветеранов гвардейских минометных частей. Многие письма коллективные. В некоторых письмах было по 30–40 подписей. За активную военно-патриотическую работу Алексей Иванович награжден Почетным знаком Советского комитета ветеранов войны и Памятной медалью Советского комитета ветеранов войны.

Скажем немного о его семье. Жена Алексея Ивановича Екатерина Харлампиевна, 1907 года рождения, прошла рядом с Алексеем Ивановичем через всю жизнь. Была хорошим товарищем, настоящей боевой подругой, поддерживала в трудные моменты. Вместе с ним делила все тяготы и лишения военной службы и семейного быта. Была легкой на подъем и никогда не расставалась с мужем надолго. Когда встал вопрос о переезде из Москвы в пустыню, на Байконур, не колебалась и не сомневалась ни одной минуты. На семидесятилетием юбилее Алексея Ивановича гости шутили на предмет того, что он всю жизнь связал с боевыми машинами «катюшами» и Катюшей, Екатериной Харлампиевной — подругой всей жизни.

В семье было трое детей: дочь Галина родилась в 1931 году, сын Владимир — в 1936 году, дочь Татьяна — в 1941 году. Сын Владимир Алексеевич служил на космодроме Байконур. Уволился в запас в звании полковника.

Время берет свое — Екатерина Харлампиевна умерла 2 декабря 1979 года и похоронена на Кунцевском кладбище. К сожалению, дети Алексея Ивановича и Екатерины Харлампиевны тоже уже умерли.

Братья Алексея Ивановича Нестеренко тоже были ракетчиками. Доблестно воевали на фронтах Великой Отечественной войны.

Константин Иванович родился 13 октября 1919 года. Окончил семь классов и поступил в Одесское артиллерийское училище им М. В. Фрунзе, которое окончил в 1941 году. С первых дней войны был в действующей армии. Служил в должностях командира взвода 3-го дивизиона 120-й Краснознаменной гаубичной артиллерийской бригады большой мощности РВГК, помощника начальника отдела по оперативному исполнению, командира дивизиона 28-го гвардейского минометного полка.

После войны служил на различных должностях в ТуркВО, Московском военном округе. Уволен в январе 1965 года в запас с должности старшего офицера службы воинских перевозок тыла войск ПВО. Награжден орденами Красной Звезды (1944), Отечественной войны 2-й степени (1945), Отечественной войны 1-й степени (1965), медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и многими другими. В представлении к ордену Красной Звезды говорится: «На передовых наблюдательных пунктах, находясь под сильным минометным и артиллерийским огнем, лично корректировал огонь батарей и обеспечивал успешное выполнение огневых задач». Писал стихи, любил рисовать.

Виктор Иванович родился 25 апреля 1921 года. Окончил десять классов и Ашхабадский художественный техникум им. Ш. Руставели в 1942 году. Как и старший брат Алексей, был отличным спортсменом, чемпионом города Ашхабада по прыжкам в высоту и рекордсменом республики по толканию ядра. Самостоятельно трудиться начал во время учебы в техникуме, в 1938 году. 11 сентября был призван городским военным комиссариатом и направлен в Ашхабадское минометное училище, которое окончил в 1943 году. На фронтах Великой Отечественной войны с осени 1943 года. Воевал в гвардейских минометных частях на Северо-Кавказском, Брянском, 4-м Украинском и Прибалтийском фронтах. Командир огневого взвода 19-го гвардейского минометного полка, начальник разведки. Войну

закончил командиром батареи 93-го гвардейского минометного полка. В годы войны был дважды ранен. После войны служил командиром батареи, командиром роты охраны 4-го НИИ МО, старшим техником-испытателем, инженером-испытателем, младшим военпредом.

Как писал Виктор в автобиографии, в 1949 году он «решил перевестись в Военно-Морские Силы и продолжить службу в Советской Армии в разных родах войск со своими братьями». Служил старшим офицером 4-го управления Штаба Военно-морских сил. В 1957 году окончил военно-морскую академию им. Крылова. Дальше служил старшим офицером ряда отделов в Управлении начальника реактивного вооружения Военно-морского флота. Уволен в запас 15 мая 1971 года в звании инженер-капитан 1-го ранга, с должности старшего преподавателя кафедры оперативного искусства Военно-морского флота в Академии Генерального штаба Вооруженных сил. Награжден орденом Красной Звезды (1943), орденом Отечественной войны 1-й степени (1945), медалью «За боевые заслуги» (1953).

Михаил Иванович был военным летчиком, после войны служил в Прибалтике. Погиб в авиационной катастрофе.

Последние годы жизни Алексей Иванович Нестеренко тяжело болел. Жил на даче в селе Видное. Там и умер 18 июля 1995 года. Похоронен на Кунцевском кладбище в Москве.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Слова, вынесенные в эпиграф этой книги, Алексей Иванович Нестеренко написал во время строительства полигона Байконур. Собственно, он мог написать их в любой период своей нелегкой, но славной и богатой на события жизни. Сегодня эти слова звучат как завещание всем нам, живущим в свободной и сильной стране, могущество и слава которой создавались именно такими людьми, как А. И. Нестеренко.

Когда-то Расул Гамзатов написал замечательные стихи:

Мы все умрем, людей бессмертных нет —
И это всем известно и не ново,
Но мы живем, чтобы оставить след —
Дом иль тропинку, дерево иль слово.

Алексей Иванович Нестеренко прожил достойную подражания жизнь. Ветеран войны, труда, Вооруженных сил, орденоносец, получивший в трех войнах три ранения, созидатель, ученый, писатель, художник — он оставил после себя победы, города, книги и художественные полотна. Как в песне: «Человек оставляет людям песни, книги и города».

Алексей Иванович Нестеренко награжден четырнадцатью орденами — тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, тремя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями. Он — лауреат Сталинской премии. Мемориальные доски в его честь установлены в Северном Чертанове в Москве, в городах Юбилейный и Байконур, поселке Диканька на Полтавщине.

Австрийский писатель Стефан Цвейг писал: «Лишь сумма преодоленных препятствий является действительно правильным мерилом подвига и человека, совершившего этот подвиг».

Ветеран космодрома Байконур, поэтесса Галина Николаевна Вершинина, в одном из своих стихотворений написала:

Анкеты, анкеты. Простые анкеты,
Вместившие жизнь, и четки, и конкретны.
Сухие вопросы. Скупые ответы.
Писали анкеты творцы и поэты.
Как было в России: родился, крестился,

А время настало — стране пригодился.
…Дела у творцов, как слова у поэтов,
Записаны жизнью в поэмы и строки:
Дороги, мосты, города, новостройки.
И все это в памяти мудрой народа
Пройдет сквозь века, сквозь невзгоды и годы…

Вся деятельность Алексея Ивановича Нестеренко, выдающегося военачальника из славной плеяды воинов и полководцев, видного специалиста в области ракетной техники, пионера космической эры, крупного организатора, доброго и хорошего человека, патриота своей страны, отдавшего ей все силы и талант, является образцом беззаветного служения Родине.

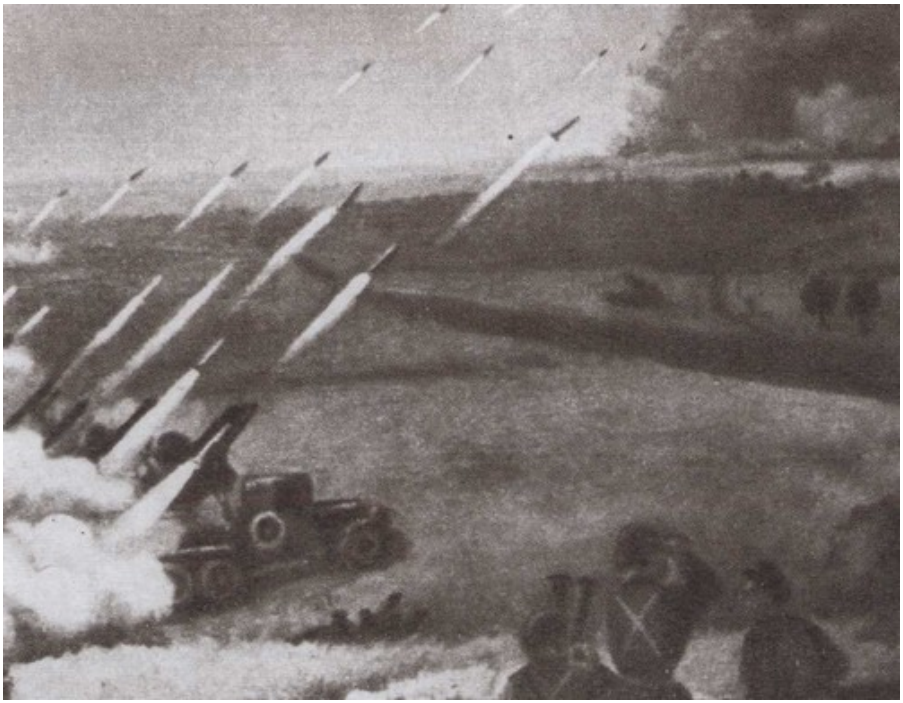
В памяти поколений он останется человеком высокого долга и ответственности за выполнение порученного дела, обладающим высокими организаторскими способностями, талантом руководителя и глубоким знанием тех вопросов, которые ему довелось решать.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

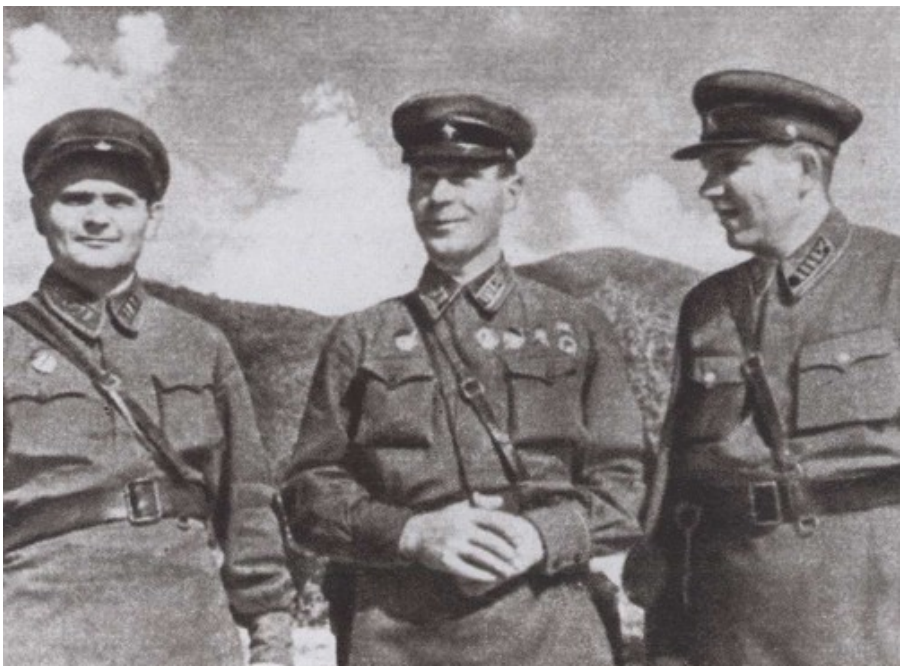
Село Рыбушка Волгоградской области — родина А. И. Нестеренко

Жена Нестеренко Екатерина Харлампиевна, чемпионка лыжных гонок

Командование 4-го гвардейского минометного полка. А. И. Нестеренко — второй справа



Первый залп легендарных «катюш» у села Диканька. 25 сентября 1941 г.



Командиры гвардейских минометных частей Южного фронта. Слева направо: И. Н. Ломаковский, А. И. Нестеренко, М. И. Дрожжин

Опергруппа ГМЧ на позициях. А. И. Нестеренко — первый справа

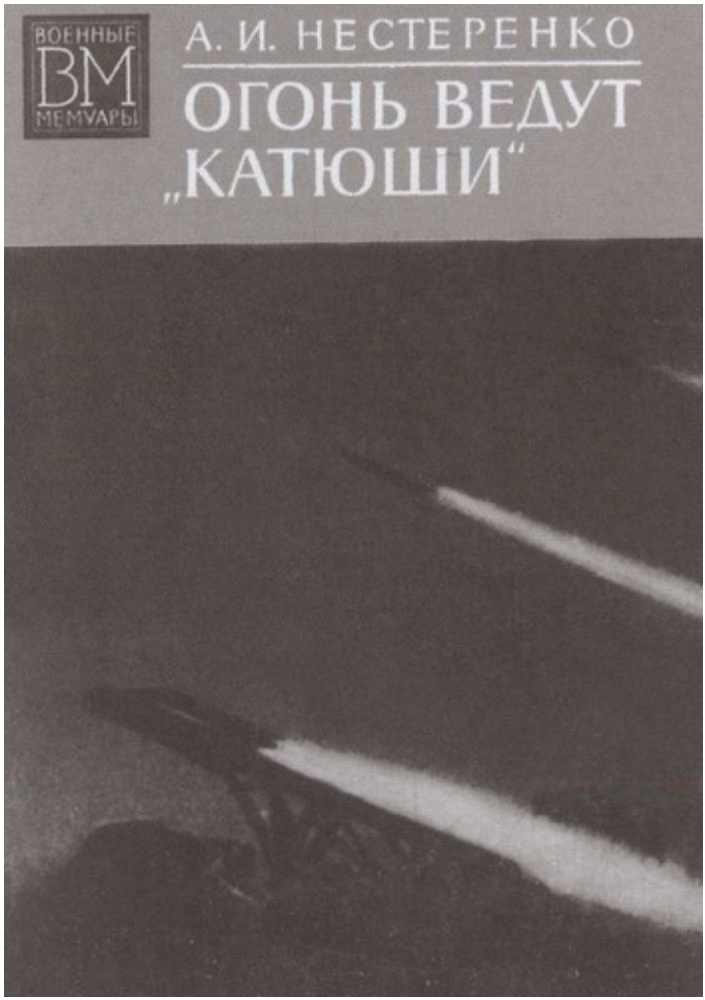
Три брата-ракетчика. Слева направо: Константин, Алексей, Виктор

На наблюдательном пункте. П. В. Шутов (в центре) и А. И. Нестеренко (справа)

Встреча боевых друзей. Заслуженный художник РСФСР В. В. Титков (слева) и А. И. Нестеренко

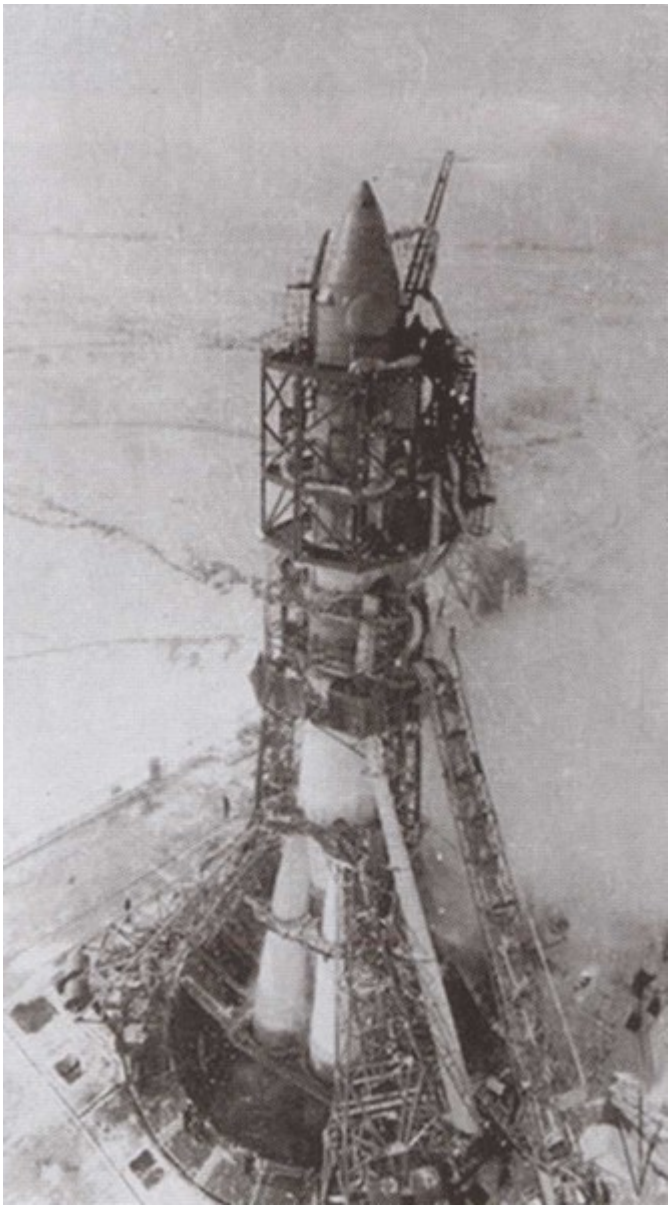
А. И. Нестеренко встречается с молодыми воинами

Здание Президиума Академии артиллерийских наук, в которой Нестеренко работал в 1946–1951 годах

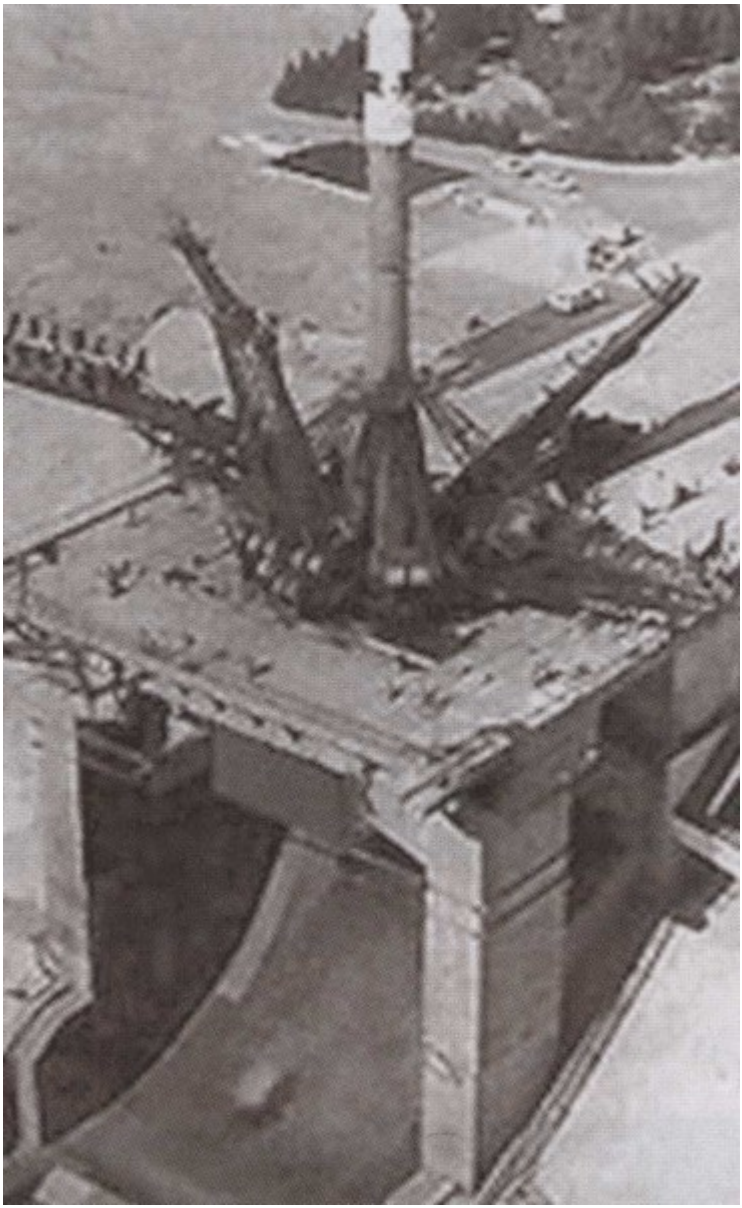


Книга воспоминаний А. И. Нестеренко, изданная в 1975 году

Геодезические работы на месте будущего космодрома Байконур



Стартовая площадка ракеты «Восток-1»



Громадные сооружения космодрома возводились в кратчайшие сроки

Стройплощадка в центре Байконура

В. Н. Челомей

С. П. Королев

М. К. Тихонравов

М. К. Янгель

Г. М. Шубников

К. В. Герчик

Типовая застройка города Ленинска (ныне Байконур)

Празднование 70-летия А. И. Нестеренко. 1978 г.

Екатерина Харлампиевна Нестеренко с сестрой Еленой. 1975 г.

Открытие музея гвардейских минометных частей в поселке Диканька. В центре — А. И. Нестеренко. 1985 г.

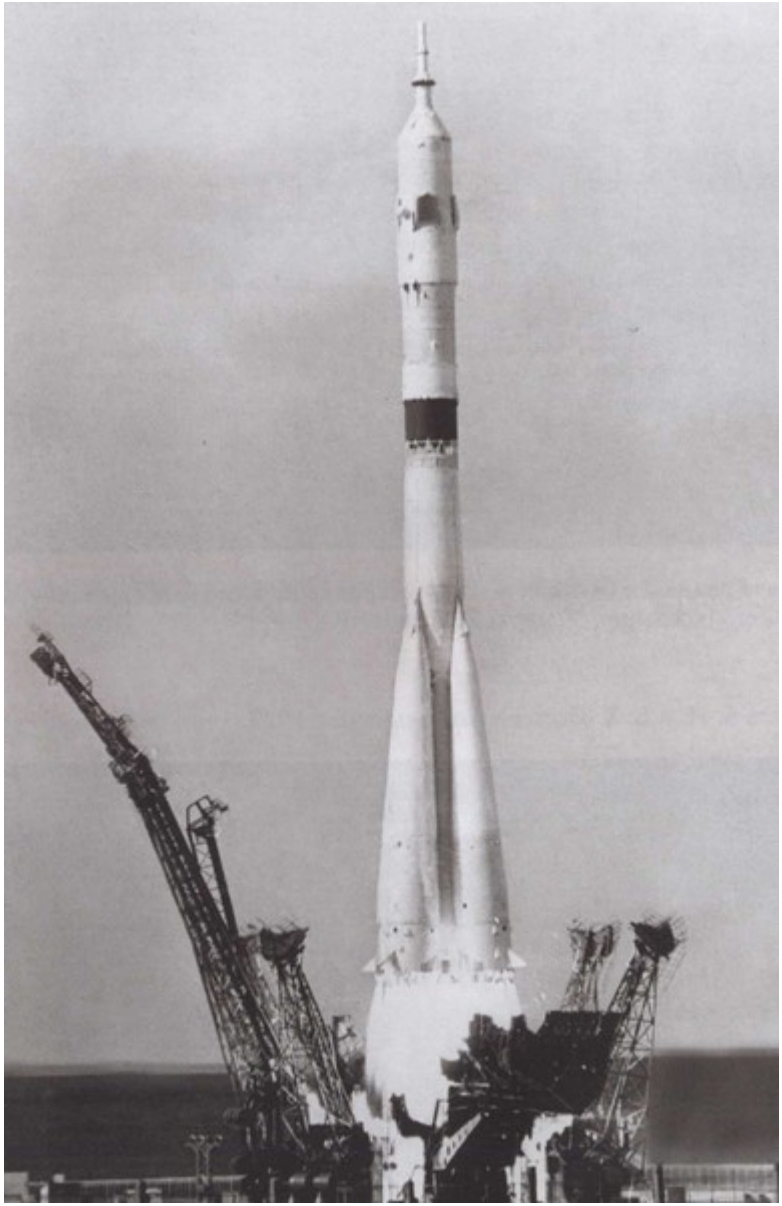
Поздравления коллег на 70-летии А. И. Нестеренко

Встреча выпускников спецфакультета Артиллерийской академии. А. И. Нестеренко — пятый справа

На встрече ветеранов ГМЧ в Диканьке

Встреча родных и близких А. И. Нестеренко на Кунцевском кладбище в день его рождения, 30 марта 2008 года

Могила А. И. и Е. Х. Нестеренко



Памятное фото, врученное полковнику Владимиру Нестеренко, продолжателю дела отца, в честь годовщины первого запуска ракеты с космодрома Байконур

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. НЕСТЕРЕНКО

***1908**, 17 марта* — Алексей Иванович Нестеренко родился на хуторе Рыбушка Саратовской области в большой крестьянской семье.

***1912**, март* — семья переехала в деревню Шевели Щегловского уезда (ныне Кемеровская область).

***1925**, май* — окончил семь классов средней школы в городе Кемерово.

1 сентября — поступил в Красноярскую артиллерийскую школу, переведенную позже в город Томск.

***1929**, август* — окончил Томскую артиллерийскую школу. Назначен командиром взвода 21-го артиллерийского полка Сибирского военного округа.

Октябрь — ноябрь — участвовал в боях под городами Чжалайнор и Маньчжурия против белокитайцев в военном конфликте на КВЖД.

1930 — командир топографического отряда полка.

***1931**, январь —**1936**, май* — курсовой командир, помощник командира батареи, командир батареи Томского артиллерийского училища.

1932–1933 — без отрыва от службы окончил курс низшей геодезии при Томском университете.

***1936**, 24 января* — приказом наркома обороны № 0270 присвоено первое персональное воинское звание «старший лейтенант».

Май — поступил в Военную академию им. М. В. Фрунзе.

***1937**, 28 августа* — приказом НКО № 471 присвоено воинское звание «капитан».

***1938**, февраль* — досрочно в группе из 11 командиров окончил артиллерийское отделение Военной академии им. М. В. Фрунзе. Приказом НКО № 0157 присвоено очередное воинское звание «майор».

***1939**, 30 апреля* — назначен командиром 170-го артиллерийского полка 37-й стрелковой дивизии (город Речица, Белорусский военный округ).

1939, ноябрь — 1940, март — участвовал в Финской кампании.

***1941**, январь* — приказом НКО № 03 224 присвоено воинское звание «подполковник».

23 июня — 170-й артиллерийский полк под командованием

А. И. Нестеренко отражал прорыв фашистских танковых колонн в 35 километрах севернее города Лиды.

Июль — прорвался с подразделениями полка, с оружием и знаменем, из окружения к Мозырю и был направлен в резерв Западного фронта.

Август — в Алабине под Москвой сформировал один из первых восьми полков гвардейской реактивной артиллерии — 4-й гвардейский минометный полк (ГМП).

25 сентября — 4-й ГМП произвел первый залп у села Диканька Полтавской области. Здесь начался боевой путь полка.

1941, август — 1942, апрель — командир 4-го гвардейского минометного полка.

***1942**, март* — приказом НКО № 00173 А. И. Нестеренко присвоено воинское звание «полковник».

20 апреля — назначен начальником инспекторского отделения штаба гвардейских минометных частей (ГМЧ) Красной армии.

Июль — назначен начальником оперативной группы ГМЧ Южного фронта.

7 *декабря* — постановлением Совета народных комиссаров присвоено воинское звание «генерал-майор артиллерии».

1942, сентябрь — 1943, апрель — начальник оперативной группы Закавказского и Северо-Кавказского фронтов, Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта.

***1943**, 28 августа* — постановлением Совета народных комиссаров присвоено воинское звание «генерал-лейтенант артиллерии».

***1944**, 24 апреля — сентябрь* — начальник оперативной группы Брянского фронта, 2-го Прибалтийского фронта.

1944, сентябрь — 1945, февраль — заместитель командующего артиллерией по ГМЧ 2-го Прибалтийского фронта.

***1945**, февраль — сентябрь* — заместитель командующего артиллерией по ГМЧ Управления командующего Ленинградским военным округом.

***1946**, 24 мая — 1951, 18 сентября* — начальник института реактивного вооружения Академии артиллерийских наук (НИИ-4).

***1951**, 14 марта* — постановлением Совета министров СССР № 981 А. И. Нестеренко присуждена Сталинская премия 3-й степени за 1950 год в размере 50 тысяч рублей (на коллектив из семи человек). Премия вручена за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы в области машиностроения, а реально — за исследования по высотной ракете и «высотному зонду», закончившиеся эскизным

проектом системы для отработки приземления людей и животных, размещенных в кабине.

1951, сентябрь — 1953, 22 января — заместитель командующего артиллерией Белорусского военного округа.

***1953**, 22 января* — назначен начальником факультета реактивного вооружения Военной артиллерийской инженерной академии им. Ф. Э. Дзержинского.

Апрель — возглавил Государственную комиссию по испытаниям ракетного комплекса с ракетой Р-11.

***1955**, 19 марта — 1958, 8 мая* — начальник 5-го НИИП (полигон, ныне космодром Байконур). Руководил подготовкой и пуском первой МБР и первого в мире искусственного спутника Земли, за что награжден орденом Ленина и памятной медалью Президиума Академии наук СССР.

***1956**, 31 августа* — утвержден членом Государственной комиссии по руководству испытаниями ракеты Р-7.

***1958**, 8 мая — 1966, 30 августа* — член Научно-технического комитета Генерального штаба ВС по ракетной технике.

***1961**, 17 июня* — за осуществление запуска первого в мире космонавта Ю. А. Гагарина награжден орденом Трудового Красного Знамени.

***1966**, 9 августа* — уволен в запас.

***1995**, 18 июля* — Алексей Иванович Нестеренко скончался. Похоронен на Кунцевском кладбище в Москве.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Байконур — память сердца… М., 2001.

Волков Е. Б. Полвека в ракетной науке. М., 2004.

Герчик К. В. Взгляд сквозь годы: О сослуживцах и однополчанах. М., 2004.

Главный строитель Байконура. М., 2004.

Глазами очевидцев. Воспоминания испытателей космодрома Байконур. Вып. 1–2. М., 1994–1997.

Голованов Я. К. Королев. Факты и мифы. М., 1994.

Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и ракетных войск стратегического назначения (1945–1959): Сборник документов / Сост. В. И. Ивкин, Г. А. Сухина. М., 2010.

История Центрального научно-исследовательского института Министерства обороны Российской Федерации (1946–2006). М., 2010.

Конев И. С. Сорок пятый. М., 1970.

Космодром Байконур в начале пути (Очерки об испытателях, специалистах и строителях космодрома Байконур) / Под ред. К. В. Герчика. Байконур, 1992.

Космодром Байконур: 50 космических лет / Под общ. ред. Л. Т. Баранова. Караганда, 2005.

Костюченко Ю. В. Создатели Байконура. М., 2001.

Наровлянский Н. С. Так начинался Байконур. М., 1991.

Незабываемый Байконур / Под общ. ред. К. В. Герчика. М., 1998.

Неизвестный Байконур: Сборник воспоминаний ветеранов Байконура. М., 2001.

Нестеренко А. И. Краткий анализ боевого применения полевой реактивной артиллерии по опыту Великой Отечественной войны. — В кн.: Сборник докладов Академии артиллерийских наук. Вып. VI. 1949. С. 57–86.

Нестеренко А. И. Огонь ведут «Катюши». М., 1975.

Нестеренко А. И. Так начинался космодром. — В кн.: Ракеты и судьбы. М., 1999. С. 2–31.

Нечеса Я. В. Генералы Байконура. Краткий биографический справочник генералов, проходивших службу на космодроме Байконур в 1955–1998 гг. / Под общ. ред. М. Н. Фонина. Байконур, 1998.

Первов М. А. Рассказы о русских ракетах. Кн. 2. М., 2012.

Первый ракетный факультет: Воспоминания сотрудников и выпускников/ Авт.-сост. М. Д. Артамонов, В. И. Углов. М., 1998.

Порошков В. В. Ракетно-космический подвиг Байконура. М., 2007.

Пругло И. А. Первый начальник института // Спутник (г. Юбилейный Московской обл.). 1966. № 45, 46. 16, 23 ноября.

Ребров М. Сергей Павлович Королев. Жизнь и необыкновенная судьба. М., 2002.

Романов А. П., Борисенко И. Г. Отсюда дороги к планетам легли. 2-е изд., доп. М., 1986.

Рюмкин В. М. Поколение созидателей. — В кн.: Ракеты и судьбы. М., 1999. С. 190–205.

Ряжских А. А. Оглянись назад и посмотри вперед. Кн. 1–2. М., 2006.

Создатели ракетно-ядерного оружия и ветераны-ракетчики рассказывают / Под общ. ред. В. И. Есина. М., 2004.

Темнов В. Куда падают метеориты. — В кн.: Космодром в начале пути. М., 1992.

Тюлин Г. А. На пути к первой межконтинентальной. — В кн.: Ракеты и судьбы. М., 1999. С. 60–74.

Увековечен в памяти народной. К 100-летию со дня рождения А. И. Нестеренко // Спутник (г. Юбилейный Московской обл.). 2008. № 23. 29 марта.

Хренов В. А. Мой Байконур. М., 2007.

Черток Б. Е. Ракеты и люди. Т. 1–4. М., 1999.

notes

Примечания

1

Коммунистический интернационал молодежи — международная молодежная организация, созданная в 1919 году при Коминтерне (Коммунистическом интернационале). Упразднена в 1943 году вместе с Коминтерном. — *Прим. ред.*